

Я ХОТЕЛ УБИТЬ НЕБО

АВТОБИОГРАФИЯ КАБАЧКА

Жиль Пари

An illustration from a top-down perspective showing a person lying on a sidewalk. The person is wearing a green beanie, a maroon jacket, blue pants, and black sneakers with white laces. They are lying on their back with their legs bent. Scattered around them are several apples and green leaves. In the upper left corner, a small blue toy car is visible. The background is a grey sidewalk with a yellowish paper or mat under the person.

Жизнь девятилетнего Кабачка, в результате нелепой случайности оставшегося сиротой и попавшего в приют, могла бы стать основой для полномасштабной трагедии в античном духе. Однако Жиль Пари выбирает другой путь: стартовав с самой низкой, драматичной ноты, он, тем не менее, находит способ превратить автобиографию маленького Кабачка в историю одновременно правдивую, согревавшую, пронзительную и обнадеживающую.

Галина Гзефович, книжный обозреватель

Annotation

«Я всегда хотел убить небо, с раннего детства. Когда мне исполнилось девять – попробовал: тогда-то я и познакомился с добродушным полицейским Реймоном и попал в „Фонтаны“. Здесь пришлось всем объяснять, что зовут меня Кабачок и никак иначе, пришлось учиться и ложиться спать по сигналу. Зато тут целый воз детей и воз питателей, и никого из них я никогда не забуду!» Так мог бы коротко рассказать об этой книге её главный герой. Не слишком образованный мальчишка, оказавшийся в современном французском приюте, подробно описывает всех обитателей «Фонтанов», их отношения друг с другом и со внешним миром, а главное – то, что происходит в его собственной голове. Каково это – быть сиротой, который не нужен никому? А если ты нужен кому-то, что при этом меняется? В этой книге много того, что трогает до глубины души и помогает вспомнить, что детские мечты должны сбываться. «Автобиографию Кабачка» хочется разобрать на цитаты, чтобы показывать их всем взрослым, которые почему-то так быстро забывают, что значит быть ребёнком. Жиль Пари (родился в 1959 году) нечасто издаёт новые тексты: один роман в десять лет – обычный темп этого бывшего журналиста, знатока литературы и киномана. Зато каждая его книга – словно бриллиант: нет в них ни лишних слов, ни проходных эпизодов. На русский язык «Автобиографию Кабачка» перевела Ира Филиппова, подарившая российским читателям книги Жан-Филиппа Арру-Виньо, Тимоте де Фомбеля, Франсуа Пласа и многие другие. Написанная в 2002 году «Автобиография Кабачка» хороша известна во Франции: она была экранизирована дважды, один раз как

телевизионный фильм, другой – как анимационная картина. Жилью Пари приходится отбиваться от бесчисленных вопросов: «Кабачок – это вы?» Он неизменно отвечает: «Кабачок – это каждый из нас. Хотя бы чуть-чуть».

- [Жиль Пари](#)

-

-

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

Жиль Пари

Я хотел убить небо.

Автобиография Кабачка

© Plon, un département d'Edi8, 2002 & 2016,

* * *

Посвящается Лорану С.

От автора

Я выражаю искреннюю благодарность Жаклин Виалатт, директору приюта «Прессуар дю Руа», а также воспитателям и психологу за бесценные подсказки, которые очень помогли мне написать эту книгу. Я благодарю также Паскаля Лагарда, учителя из Форже, и Мари-Анн Болон, судью по делам несовершеннолетних из Бобиньи.

Мне бы не хотелось, чтобы эти люди пытались узнать себя в героях «Автобиографии Кабачка»: и сюжет, и все персонажи в книге вымышленные.

Приют «Прессуар дю Руа» и школа в Форже стали для меня источниками вдохновения, а также снабдили необходимыми фактическими и юридическими сведениями; ну а уж остальное довершила авторская фантазия.

Поэтому я надеюсь, что мне простят некоторые вольности, которые я мог допустить в этой книге о детском приюте, расположенном где-то во Франции.

* * *

Я всегда хотел убить небо, с раннего детства.

Потому что мама всё время говорила:

- Знаешь, Кабачок, зачем небо такое большое? Чтобы мы тут внизу не забывали, что сами-то мы - так себе, мелкота.

Или:

- Жизнь - это паршивая копия серого неба с уродскими тучами, из которых льются одни только несчастья.

Или:

- Мужики вечно витают в облаках. Вот пусть бы там и оставались, как твой папаша, который поехал в кругосветное путешествие с этой своей козой.

Мама иногда несёт полную чушь.

Я был совсем маленьким, когда папа уехал, но до сих пор не понимаю, кому может прийти в голову взять с собой в кругосветное путешествие козу. Это ведь глупая скотина: если подлить козе в еду пиво, она выпьет, а потом скачет по сараю как сумасшедшая.

Но вообще мама не виновата, что мелет ерунду. Это у неё тоже от пива, она пьёт его всё время, пока смотрит телевизор.

Выпивает - и давай ругаться на небо и бить меня, даже когда я ничего плохого не сделал.

И я в конце концов начинаю думать, что небо и мамины побои - две части одного целого.

И если я убью небо, мама успокоится, и тогда я смогу с чистой совестью смотреть телевизор и не бояться, что мне за это влетит по первое число.

Сегодня среда.

Учительница говорит, что это «детское воскресенье»^[1].

А я бы лучше пошёл в школу. Мама смотрит телевизор, и мне хочется поиграть в стеклянные шарики с Грегори, но Грегори живёт далеко, а ночевать у нас ему больше не разрешают, с тех пор как наши мамы поссорились из-за мяча и разбитого окна. Мама сказала по телефону, что Грегори – бездельник, и бросила трубку, на прощанье обозвав маму Грегори уличной девкой, потому что та прокричала ей, что уж лучше иметь сына-бездельника, чем самой быть алкоголичкой.

Я говорю маме: «Пойдём поиграем в шарики», а она говорит телевизору: «Осторожно, сзади! Он тебя убьёт!», я тогда снова спрашиваю про шарики, а мама продолжает разговаривать с телевизором: «Нет, ну и придурок», и я не знаю точно, придурок – это я или тот месье, которого только что прикончили, а ведь мама его предупреждала.

Я поднимаюсь к себе в комнату и смотрю в окно на соседского мальчика, он всегда играет сам с собой, ему никто не нужен. Залезает на свинью, как будто это ему осёл, и смеётся себе под нос. Мне становится грустно, и тогда я иду в мамину спальню, там не заправлена постель и одежда разбросана по полу, я застилаю постель и подтаскиваю стул – мне нужно на него забраться, чтобы сложить вещи с пола на самый верх горы грязной одежды, которая выросла на бельевой корзине, а потом я уже не знаю, чем ещё заняться, поэтому роюсь в шкафах и в ящике комода под ворохом неглаженных рубашек обнаруживаю револьвер.

Я страшно доволен и думаю: «Пойду поиграю в саду». Прячу револьвер в штаны и выхожу из дома с таким видом, как будто не происходит ничего необычного.

Впрочем, мама всё равно на меня не смотрит, она говорит телевизору:

- Эта дура не для тебя, мой мальчик!

Я прихожу во двор, и мне даже целиться не надо. Небо - оно ведь большое.

Я стреляю один раз и падаю.

Я поднимаюсь на ноги и стреляю второй раз - и снова падаю.

Мама выходит из дома. Она хромает, потому что у неё больная нога, и кричит: «Чё тут творится?», а потом видит меня с револьвером в руке и кричит: «О господи, ну за что мне такой Кабачок? Ты совсем как твой папаша! А ну давай сюда эту фигню».

И пытается отобрать у меня револьвер.

Я говорю: «Но это ведь для тебя, я не хочу, чтобы ты на меня кричала», и не выпускаю револьвера из рук, и тогда мама падает на спину.

Она орёт: «Вот дерьмо!», хватается за больную ногу, я спрашиваю: «Тебе больно?», и она пинает меня другой ногой, той, на которой обычно прыгает, и потом вопит: «А ну отдавай быстро, я два раза повторять не буду!» Я тогда говорю: «Ты уже и так два раза повторила», - и не отдаю ей револьвер, и тогда она кусает меня за руку, но я держу револьвер очень крепко и тяну его к себе изо всех сил, раздаётся выстрел, и мама опрокидывается назад.

* * *

Я долго лежу в траве и смотрю на небо.

Я надеюсь разглядеть витающего в облаках папу, чтобы он мне сказал, что делать.

Небо я так и не убил.

Всего лишь прострелил дырки в тучах, из которых льются одни только несчастья, а может, это папа шлёт мне с неба слёзы, чтобы я мог смыть кровь с маминого домашнего халата.

Сначала я подумал, что она уснула или притворяется, чтобы надо мной подшутить, хотя это вообще-то не самая весёлая шутка, особенно после того несчастного случая.

Я легонько трясу маму.

Она похожа на мягкую тряпичную куклу, и глаза у неё широко открыты. Я вспоминаю про детективные фильмы, в которых всё время убивают женщин и потом они всегда похожи на мягких тряпичных кукол, и тогда я говорю себе: «Ну вот, я убил маму».

В этих фильмах никогда не показывают, что происходит с тряпичными куклами дальше, поэтому я просто жду, и наступает ночь, и я сильно проголодался и иду в дом, чтобы съесть бутерброд с майонезом, а потом больше уже не решаюсь выйти.

Я думаю про живых мертвецов, которые встают из могил и приходят пугать людей, у них ещё бывают в руках топоры и глаза болтаются.

Поэтому я лезу на чердак – я знаю, что мама со своей негнущейся ногой туда не долезет.

Я сижу на чердаке и ем яблоки: играть ими в футбол мне не хватает смелости.

А потом засыпаю.

Когда я открыл глаза, в доме было очень шумно, и я испугался, что это живые мертвецы и мягкие тряпичные куклы зовут меня по имени.

Меня никто, кроме учительницы, не называет Икаром.

Для всех я – Кабачок.

А потом дверь чердака отворилась, и я увидел месье, которого никогда раньше не встречал, он вроде не был похож на живого мертвеца, но мертвецы хитрые и могут притворяться людьми, как в сериале «Захватчики», и я стал отстреливаться яблоками, которые у меня как раз были под рукой, и месье свалился с лестницы.

Потом я увидел соседского мальчика, который явился с целой толпой полицейских.

Один из них сказал: «Осторожно, тут яблоки», потому что поскользнулся на них, и тогда соседский мальчик закричал: «Ты убил моего папу!», а другой полицейский сказал: «Нет, твой папа просто сильно ударился», а потом этот самый папа встал, и они толпой двинулись на меня, и я сказал себе: «Ну всё, конец фильма».

Я закрыл лицо руками и стал ждать, что сейчас мне влетит по первое число, и тут кто-то погладил меня по голове, и я тогда растопырил пальцы, и соседский папа сидел рядом со мной на корточках и спрашивал меня: «Малыш, ты видел, кто это сделал?»

Все полицейские смотрели на меня, и соседский мальчик тоже.

Мне было немного страшно оттого, что все на меня смотрят, и я дрожал, а потом услышал, как чей-то низкий голос сказал: «Оставьте нас одних, вы же видите, ребёнок напуган».

Все разошлись, остался только полицейский с низким голосом, он разгрёб яблоки и уселся на пол. Из-под его рубашки выглядывал большой белый живот.

– Сколько тебе лет, Икар?

Я посчитал на пальцах, как нам показывала в школе учительница, и сказал:

– Девять.

Он достал из кармана маленькую тетрадочку и что-то в ней записал. А потом его низкий голос стал совсем тихим, и он спросил, что произошло, и я рассказал ему про живых мертвецов, и про мягких тряпичных кукол, и про «Захватчиков», которые переодеваются в людей.

Полицейский приподнял фуражку, почесал затылок и сказал, что его зовут Реймон и что я могу его прямо так называть.

- Хорошо, - ответил я. - Но ты тогда зови меня Кабачком.

Он ничего не сказал, а потом спросил очень тихо (так тихо, что мне даже пришлось попросить, чтобы он повторил вопрос):

- Как это произошло с твоей мамой?

- А, это всё из-за неба.

Полицейский посмотрел на свои грязные ботинки и переспросил немного странным голосом:

- Из-за неба?

И тогда я рассказал ему про папу, который витает в облаках, и про «пежо-404», который врезался в старый дуб и сломал маме ногу, и про месье, который присылает ей каждый месяц деньги на еду и на рубашки моего размера.

- А папа твой где? - спросил Реймон.

- Папа уехал в кругосветное путешествие с козой.

- Бедный малыш. - И полицейский погладил меня по голове.

Я чувствовал себя странно оттого, что все эти люди гладят меня по голове, поэтому слегка отодвинулся.

- А мама с тобой хорошо обращалась? - Он снова снял фуражку, волосы под ней были мокрые, и на лбу от неё отпечатались следы.

- Ну да, она готовит вкусное пюре, и иногда мы смеёмся.

- А когда не смеётесь?

Я подумал и спросил:

- То есть когда я сижу на чердаке?

- Да, когда ты сидишь на чердаке.

- Ну, на чердаке я сижу, когда плохо себя вёл и не хочу, чтобы она ударила меня по щеке, а то потом надо тереть щёку, пока следы от пальцев не исчезнут. У неё нога не гнётся, так что на чердаке можно не бояться.

- И что ты сделал, когда в последний раз плохо себя вёл?

- Ну... Наверное, в последний раз я вёл себя плохо вчера, когда играл с револьвером.

- Револьвер - это не игрушка, малыш.

- Я не хотел один играть в шарики, а мама смотрела телевизор, и Грегори больше к нам не приходит, так что мне нечем было заняться, я даже со свиньями не умею разговаривать, как соседский мальчик.

- Хорошо, хорошо... - сказал Реймон и спросил: - А где ты взял револьвер?

Он спрашивал, а сам опять чесал затылок, я даже подумал, может, у него вши или ещё что.

- В маминой спальне.

- Мама разрешала тебе брать револьвер?

- Нет, я даже не знал, что он у неё есть.

(Я не решился сказать, что немного порылся в её вещах.)

Реймон пожевал карандаш, как будто это травинка.

- А потом что произошло?

- Я вышел во двор с револьвером и стал играть.

- Это ведь не игрушка.

- Ты это уже говорил, месье. Если бы ты был здесь вчера, мы бы могли поиграть в шарики.

- Я просил, чтобы ты называл меня Реймоном. Итак, револьвер. Ты что же, стрелял из него?

- Да, я хотел убить небо.

- Убить небо?

- Ну да, небо, потому что там тучи, из которых льются одни только несчастья, и мама из-за этого всё время пьёт пиво, кричит и бьёт меня то по голове, то по заднице, и потом у меня надолго остаются следы от пальцев.

- Мама тебя била?

- Сначала - только если я что-нибудь натворил, а потом стала кричать и бить просто так, ни с того ни с сего, и тогда я забирался на чердак и спал с яблоками.

Реймон записывал не знаю что в свою тетрадочку и высовывал язык от усердия - я даже рассмеялся.

- Почему ты смеёшься, малыш? - пробасил Реймон.

- Ты высовываешь язык, как жирный Марсель, когда он пишет то, что диктует учительница.

Полицейский улыбнулся и снова почесал голову, и я спросил, может, у него вши, а он ответил, как будто меня не услышал:

- А потом ты, значит, выстрелил в маму?

- Я не нарочно, она хотела отнять у меня револьвер, она рассердилась и кричала, что я придурок, как папа, и выстрел получился как-то сам собой.

Несколько секунд я боролся со слезами, сначала они щекотали горло, а потом всё-таки навернулись на глаза, и я уже ничего не видел.

- Всё позади, малыш, ну-ну, успокойся, на, возьми мой платок.

Я вытер платком глаза, а у меня ещё и сопли текли, так что я заодно высморкался.

- А другие родственники у тебя есть, малыш?

- Нет, только мама.

Я вернул платок, и он убрал его в карман.

- Хорошо, поедешь со мной в участок, позвоним оттуда судье.

- Судья - это месье, который стучит молотком и отправляет преступников в тюрьму?

- Ты не преступник, малыш, ты слишком маленький для того, чтобы тебя отправили в тюрьму. Судья отправит тебя в дом, где живут такие же дети, как ты.

- А мама тоже туда приедет?

Реймон почесал затылок и сказал:

- Твоя мама навсегда останется в твоём сердце и твоей памяти, но здесь её больше нет.

- А где она? Уехала в город?

- Нет, малыш, она на небе, с ангелами.

- Нет, - сказал я. - Не с ангелами, а с папой.

* * *

Когда мы вошли в участок, какой-то полицейский сказал: «Что, Реймон, нашёл себе напарника?», и тогда Реймон посмотрел на полицейского, а тот посмотрел на свои ботинки.

Я уселся у Реймона в кабинете, и второй полицейский больше не смеялся, а вместо этого принёс мне горячий шоколад в пластиковом стакане, и побыл со мной, пока Реймон разговаривал по телефону в соседнем кабинете, и спросил у меня, что я натворил, чтобы попасть сюда, и я сказал, что промахнулся, когда стрелял из револьвера в небо, а вот с мамой всё получилось как раз наоборот, и полицейский разинул рот от удивления и так и сидел, пока не вернулся Реймон.

- Дюгомье, рот закрой, а то муха залетит, - сказал Реймон полицейскому. - Лучше сходи принеси мне кофе.

А потом он повернулся ко мне:

- Ну вот, малыш, я поговорил с судьёй и сейчас отвезу тебя в приют рядом с Фонтенбло, там есть для тебя место, а с судьёй ты увидишься позже.

- Что такое приют?

- Большой дом, там целый воз детей и воспитателей, которые будут о тебе заботиться.

- Кто такие питатели?

- Питатели? - растерянно переспросил он.

- Ты сказал: «Там воз детей и воз питателей».

- Воспитатели. Это такие люди, которые занимаются образованием детей.

- А эти питатели бьют по заднице?

- Нет, и никогда не кричат - если, конечно, ты не выведешь их из себя, но ты не похож на несносного ребёнка, малыш.

У меня в горле опять стало щекотно, но я проглотил слёзы.

Я сидел на стуле и болтал ногами, а в руках у меня был пластмассовый стаканчик, ещё горячий, и мне нравилось чувствовать пальцами его тепло и слушать голос этого великана, который сидел передо мной верхом на стуле.

Он не очень хорошо побрился, у него было много волосков на шее и ещё немного торчало из ушей. У него вспотели лоб и подмышки, верхняя губа тоже была мокрая, некоторые капельки пота с губы он глотал и сам этого не замечал.

- А ты останешься со мной в большом доме? - тихо спросил я.

- Нет, Икар, я не могу.

- И когда мы туда поедем?

- Прямо сейчас, - ответил Реймон и встал со стула.

Он позвал Дюгомье, который давно смотрел на нас из соседнего кабинета...

- Займись делом Мерлена, я буду к вечеру.

Дюгомье спросил, может, я хочу ещё шоколада, и я сказал: «Да, хочу», но Реймон сказал: «Не время», и тогда я заплакал, и Реймон пошёл за шоколадом.

Я пил маленькими глотками пополам со слезами, которые капали в стакан, а потом мы уехали.

На шоссе Реймон включил радио, там пела Селин Дион, и я вспомнил, что мама поёт эту песню, когда ставит в воду полевые цветы. У меня заурчало в животе, и я сказал:

- Хочу есть.

Мы заехали в «Макдоналдс», я взял себе чизбургер и колу, и Реймон – то же самое.

- Не волнуйся, малыш, всё наладится, – сказал он.

Я рыгнул, потому что так бывает, когда пьёшь колу, и добрый полицейский засмеялся.

- Знаешь, зови меня Кабачком. Я тебе с самого начала сказал, но ты не услышал. Икарком меня называет только учительница, и иногда я даже не сразу отзываюсь, потому что думаю, что это она говорит кому-то другому.

- Кабачком тебя называла мама?

- Да, и все мои друзья.

Мы снова поехали по шоссе, и я смотрел в окно на деревья и дома, а Реймон вглядывался в маленькие зеркала и обгонял машины, которые ехали ещё медленнее, чем мы, а потом машина полицейского свернула с большой дороги, и дальше мы поехали по узким дорожкам.

Потом был мост, и я увидел реку, Реймон снизил скорость и сказал:

- Уже недалеко.

Я посмотрел на серую воду, и почти сразу он сказал:

- Приехали, малыш. Ничего себе домишко! Будешь здесь как сыр в масле!

И он вышел из машины с моим чемоданом, а я остался сидеть внутри, потому что не хотел быть как сыр в масле.

Домишко оказался настоящим замком, как в кино.

Нам навстречу спустилась по лестнице женщина с седыми волосами и в красном платье. Она разговаривала с полицейским, который держал в руках

мой чемодан, и они оба смотрели на меня, а потом подошли к машине.

Женщина в красном нагнулась, заглянула в окно, улыбнулась и сказала: «Пойдём, Икар, я покажу тебе твой новый дом», и тогда я отстегнул ремень, вышел из машины и стал смотреть на камешки под ногами.

- Меня зовут мадам Пампино, - представилась женщина с седыми волосами. - Но ты можешь называть меня Женевьевой.

Я не пошевелился.

Я услышал низкий голос Реймона: «Поздоровайся с мадам, Кабачок», и тогда я поздоровался с камешками на тропинке и подумал: «Как глупо, что все просят меня называть их по имени, мы ведь даже не знакомы».

- Ну что ж, я поеду, - сказал полицейский. - У меня есть ещё и другие дела.

Он поставил чемодан на ступеньки и приподнял мне голову за подбородок, чтобы увидеть моё лицо.

- Веди себя хорошо, дорогой Кабачок, - сказал он и снова погладил меня по волосам.

На этот раз я не отодвигался, я сказал: «Не уезжай, Реймон», взял его большую руку и прижался к ней щекой.

- Я скоро приеду тебя навестить, малыш. - Полицейский оторвал ладонь от моего лица и спрятал руку в карман, как будто хотел увезти с собой моё тепло.

Потом он поцеловал меня в лоб, разогнулся, сказал: «Прямо беда все эти истории», - и сел в машину.

- Будь хорошим мальчиком. До свидания, мадам.

Женщина в очках сказала:

- До свидания, месье, и спасибо.

Машина с голубым помпоном попятилась и уехала.

И у меня опять стало щекотно в горле.

А мадам взяла чемодан и повернулась ко мне.

- Пойдём, Икар. Ты, наверное, голодный.

Я сказал: «Нет», она положила руку мне на плечо, и мы стали подниматься по лестнице.

* * *

Скоро будет три месяца, как Ахмед писает в постель и каждое утро спрашивает у Розы, когда к нему приедет папа.

Симон, который всегда в курсе всего, говорит, что папа Ахмеда приедет к нему не раньше, чем сбежит из тюрьмы, и Розы тогда смотрит на него сердито, и Симон задирает нос и требует, чтобы Розы завязала шнурки у него на кроссовках, которые всё время развязаны.

А Розы говорит, чтобы он не слишком много о себе воображал.

Мы с Ахмедом и Симоном живём в одной комнате.

В первую ночь Симон сказал, что я здесь минимум на три года и что в моих интересах намазывать ему тосты маслом за завтраком, а если я этого делать не буду, он испортит мне жизнь.

Симон – он такой, воображает о себе слишком много и всем угрожает, но, если на него прикрикнуть, сразу же перестаёт валять дурака.

В первое утро я положил кусочек масла на тост и вlepил этим тостом ему в нос, тогда он схватил меня за волосы, и я его тоже. Розы нас растащила, глаза у неё были сердитые: «Чтоб я этого не видела, обоих накажу», и Ахмед заревел, потому что ему всегда кажется, что он в чём-то виноват, и мы с Симоном иногда этим пользуемся и сваливаем всё на него, даже если он ни при чём.

После того бутерброда Симон больше меня не достаёт, иногда я завязываю шнурки у него

на кроссовках двойным узлом, как меня учила мама, и по вечерам развязывать их приходится Розе, потому что Симон, дай ему волю, и спать будет в кроссовках в этом нашем доме, который мы между собой называем тюрьмой.

Вслух мы говорим «приют», но мадам Пампино это не нравится.

Она больше любит, когда говорят «наш дом» или просто «Фонтаны».

Когда мы что-нибудь натворим, нас наказывают.

Это называется общественно-полезными работами.

Нас отправляют собирать сухие листья под деревьями или складывать простыни, а самое тяжёлое наказание – драить перила на лестнице, они всегда ужасно грязные.

В семь утра нас будит поцелуями Роза. Она даёт нам поспать ещё пять минут и только потом включает свет, и мы молча надеваем те вещи, которые приготовили с вечера, чтобы не разбудить младших, они встают на полчаса позже, чем мы. Роза меняет бельё на постели Ахмеда, и он всё это время ревет, а потом мы завтракаем в кухне, где всё для нас уже приготовлено. Там пахнет шоколадом и жареным хлебом, и нам остаётся только намазывать на хлеб масло и джем.

Жюльен – толстяк со светлыми волосами по кличке Жужуб – сыпет кукурузные хлопья в здоровенную миску молока, потому что его мама как-то написала в открытке, которую прислала из Перу, что «это полезно для здоровья». С тех пор она ему больше ничего не присылала, и Жужуб носит с этой своей открыткой, держит её в кармане вместе с печеньем, и она уже вся помялась и перепачкалась, даже не видно, что там на ней написано.

Симон говорит, что Перу – это полезно для здоровья мамы Жужуба, но не для здоровья самого Жужуба,

который часто попадает в медкабинет: то у него болит живот, то голова, то его тошнит. Иногда Роза приклеивает Жужубу пластырь на палец, и ему сразу становится лучше, он ходит и показывает всем свой больной палец, который на самом деле совсем и не больной.

Когда завтрак окончен, мы помогаем Розе убрать, не помогает только Алиса, у неё глаза вечно занавешены длинными тёмными волосами, и она каждый раз роняет то стакан, то тарелку и потом стоит и не двигается, и Роза говорит: «Ничего страшного, моя милая», и Алиса накрывает голову руками, как будто Роза сейчас будет её бить.

За завтраком Алиса часто сидит на коленях у Розы и сосёт большой палец, это всё, что можно разглядеть под её волосами, лица за ними никогда не видно. Алиса почти не разговаривает, и Симон говорит, что её мама пьёт, и папа тоже, и что они её всё время били и привязывали к батарее, и я решил для себя, что её папа, видимо, убийца блондинок, как в телевизоре.

Потом мы идём умываться, и Роза проверяет, действительно ли мы чистили зубы, и часто Симон отправляется вместе с Розой обратно в ванную, потому что он просто включает воду в душе, а сам туда не залезает. Мы слышим, как он кричит на Розу, когда та намыливает его с ног до головы.

Потом мы возвращаемся в спальню, чтобы повторить уроки, и иногда Роза просовывает голову в дверь – посмотреть, не кидаемся ли мы подушками или что-нибудь ещё такое, и, если обнаруживается, что кидаемся, вечером нас отправляют драить перила.

А потом пора ехать в школу: внизу ждёт автобус. Роза проверяет, все ли взяли ранцы, обнимает нас, крепко прижимая к своей огромной груди, и передаёт на попечение Полины, и тогда мы сбегает вниз по лестнице и забираемся в автобус, и Жерар, водитель

автобуса, с нами здороваются. Полина нас пересчитывает, для этого она загибает пальцы на руках, и потом садится рядом с Жераром и всё время на него пялится, но Жерару плевать, он поёт громче, чем кассеты с записью Жюльена Клерка или Анри Сальвадора, которые знает наизусть.

Полина и Розы друг друга не то чтобы любят.

Это надо видеть, какими глазами Розы смотрит на Полину: та курит сигарету, и губы у неё накрашены красной помадой, а на ногах очень красивые лакированные ботинки, и этими ботинками она тушит сигарету перед тем, как войти в автобус.

Розы прямо сверлит её взглядом, а Полина затягивается сигаретой и закидывает ногу на ногу, а ноги у неё при этом голые, и она говорит: «Привет, Розы», а Розы притворяется глухой.

Однажды Симон прокопался с рюкзаком и услышал, как Розы прошипела сквозь зубы (за спиной у Полины): «Кошка драная», - и с тех пор мы между собой называем Полину кошкой драной, и нам от этого очень смешно.

Мне нравится сидеть в автобусе на заднем ряду, с Симоном.

Ахмед всегда сидит один сразу за Жераром, с ним никто не хочет садиться, потому что он всё время ревет.

Жужуб тоже сидит один, с пластырем на пальце, он показывает этот свой палец Полине, и она говорит: «У, плохая болячка!», и толстый Жужуб ужасно доволен, что кому-то есть до него дело, и на радостях съедает печенье из кармана.

Алиса сидит в середине, рядом с Беатрисой, маленькой чернокожей девчонкой в розовых очках, которая вечно ковыряется в носу, а потом ест козявки.

Братья Шафуан, Антуан и Борис, сидят через два ряда от девочек. Они всё время вместе, и у них никогда не кончаются темы для разговоров.

Симон говорит, что они осиротели, когда их родители погибли в автомобильной аварии, и я спросил у него, что такое «осиротели», и Симон сказал: «Это значит, стали такими детьми, которых больше некому любить», но я тогда сказал, что ведь Роза нас всех любит, а Симон: «Ну ты и придурок», и я тогда схватил его за волосы, и Симон закричал, Полина нас разняла, а вечером мы пошли драить перила.

Иногда, когда Симон засыпает, я слушаю, как братья Шафуан играют в словарь.

Борис называет странные слова: «анорексия», «геморрой», «эпилепсия». Антуан ему на это отвечает: «рахит», «ипохондрик» и «параплегия».

И я вообще ничего не понимаю.

А иногда Борис надевает наушники и поёт так же громко, как Жерар, только песни у него другие, и Полина подходит и снимает с него наушники, она их отдаст ему потом, в школе. Борис сидит надувшись и приговаривает: «Кошка драная», и мы все смеёмся, и он тоже смеётся, и вот он уже больше не дуется.

Когда братья Шафуан не болтают друг с другом, они вышивают толстыми разноцветными нитками: тыкают иглой в лошадь, прыгающую через барьер, или в букет роз, и букет этот напоминает мне полевые цветы, которые я собирал для мамы каждый раз, когда меня было за что отлупить.

Однажды Жерар решил объехать кошку, выскочившую на дорогу, и сильно крутанул руль, мы все попадали с сидений, и братья Шафуан тоже, так что их иголки вместо того, чтобы воткнуться в лошадь или букет роз, воткнулись им прямо в пальцы, а они даже не закричали.

Я видел, как они вынули иголки и стали сосать пальцы, пока не перестала идти кровь, а Полина тем временем проверяла, все ли живы-здоровы, и у всех всё

было хорошо, не считая Жужуба, который говорил, что сломал себе ногу, и ревел. Тогда Полина помассировала ему ступню, которая совсем даже не была сломана, и Симон сказал: «Это он просто чтобы на него обратили внимание».

А потом автобус Жерара въезжает в парк, и вот мы уже в школе, рядом с большим зданием с серыми ставнями, где спят по ночам другие дети.

Это как будто такая страна детей, которых некому любить.

Учителя зовут месье Поль, он очень добрый. Он учит нас географии Франции по большим картам, прикрепленным к доске, и я не совсем понимаю, как туда могут поместиться все дома, в которых живут люди.

Я спросил, а где река, потому что подумал про Реймона, который приезжает меня навещать каждые выходные, и учитель Поль указал мне на что-то вроде змейки, которая тянется из «большого города» и потом разделяется на «рукава». Чуть какая-то. Зачем рекам рукава, если у них нет рук?

Ещё бы сказал, что у них есть штанины или, там, шапка.

Когда мы не изучаем географию, месье Поль рассказывает нам историю людей, которые жили до нас и назывались кроманьонцы. Они похожи на обезьян, и они изобрели огонь, когда потёрли друг о друга два камешка. Эти люди жили все вместе в пещерах и одевались в шкуры животных, а чтобы есть, охотились на диких зверей, для этого они сами себе делали оружие, например лук из куска дерева и лианы, и стреляли из него стрелами с острыми наконечниками из камня.

Я спросил у месье Поля: «А Тарзан тоже был кроманьонцем?» И весь класс засмеялся, и я стал весь

красный, и даже не услышал ответа месье Поля, и потом больше уже не задавал никаких вопросов.

Симон решил узнать, мылись кроманьонцы или нет, и учитель сказал, что мыла тогда ещё не было, и душа тоже, и ванны, поэтому кроманьонцы мылись только случайно, когда падали в воду, и Симон громко сказал, что мыло изобрели родители, чтобы мучить детей, и все засмеялись, даже месье Поль.

Беатриса, маленькая чернокожая девчонка, сидит за партой, ковыряет в носу и ест свои козявки, и месье Поль однажды спросил, может, ему одолжить ей и свой палец тоже, но она сказала: «Нет, спасибо».

Алиса всегда сосёт большой палец, и лицо у неё спрятано за волосами, и вот месье Поль как-то убрал ей волосы за уши и завязал в хвост резинкой, и Алиса послушно сидела, но только вся дрожала. Под волосами обнаружили два испуганных чёрных глаза, маленький рот как будто совсем без губ, очень маленький нос и тысяча веснушек.

Месье Поль сказал: «Так тебе будет лучше видно доску», и Алиса кивнула, но тут же закрыла лицо руками и, как только учитель вернулся к себе за стол, выбежала из класса, и месье Поль пошёл её догонять.

Когда они вернулись, месье Поль держал Алису за плечо.

А мы к тому времени забрались на парты и изображали кроманьонцев – кричали «онга-онга», – но, когда услышали строгий голос месье Поля, спустились с гор – все, кроме Симона, он продолжал кричать «онга-онга», и месье Полю пришлось тащить его за ухо в угол, чтобы он там стоял не шевелясь до самой перемены.

Когда звенит звонок, учитель хлопает в ладоши, и мы все должны выйти из класса, но это не всегда получается, потому что обязательно есть трое или четверо таких, кому месье Поль нравится больше, чем

перемена, правда, это всегда другие дети, не из нашего приюта.

Толстый Жужуб говорит, что его тошнит или болит живот, и он идёт в медкабинет, и там его тошноту или больной живот лечат пластырем, который приклеивают на палец, и Жужуб всем показывает палец с пластырем, но нам с Симоном плевать, мы играем в шарики или в догонялки с братьями Шафуан и Ахмедом.

С другими детьми мы почти не общаемся, и они тоже стараются к нам не приставать, потому что в прошлый раз даже Беатриса, маленькая чернокожая девочка, вытащила палец из носа, чтобы ткнуть им в глаз тому типу, который захотел над нами посмеяться. Мы его тогда здорово отделали ногами, даже Алиса, вот только она тогда уже сняла с волос резинку месье Поля и попала ногой в толстяка Жужуба, так что он орал ещё громче, чем тот тип на полу.

Мама мальчика пришла поговорить с месье Полем, и в конце урока он отвёл нас в сторонку и попросил больше так не делать, и мы тогда ему ответили: «Хорошо, месье Поль», а сами скрестили пальцы за спиной.

В нашем классе тоже есть дети не из приюта, но эти нас никогда не достают.

Как говорит Симон, «они на нас смотрят так, как будто мы дикие звери».

Симон всё про всех знает, и в тот день, когда Беатриса вынула палец из носа, я спросил у него, почему она попала в приют.

Симон сказал:

– Папа Беатрисы обжимал дочку вместо того, чтобы обжимать жену, и поэтому его жена вызвала полицию, и с тех пор папа Беатрисы в тюрьме вместе с папой Ахмеда.

Я спросил, что значит «обжимать», и Симон ответил: «Это когда распускаешь руки», и я иногда

не представляю, откуда Симон столько всего знает.

В полдень мы обедаем в столовой в большом доме с серыми ставнями, и все дети из других классов тоже обедают с нами, в общем, народу получается очень много. Учитель и Полина садятся со взрослыми, и Полина смотрит на месье Поля, но месье Полю плевать, он смотрит на нас, детей из приюта. Беатриса, маленькая чернокожая девчонка, ест пальцами, которые по такому случаю вытаскивает из носа, и иногда месье Поль подходит к нашему столу, вытирает руки Беатрисы не очень чистой салфеткой и даёт ей вилку, и Беатриса смотрится в эту вилку, как будто это зеркало. Как только месье Поль отворачивается, Беатриса роняет вилку и зачерпывает пюре пальцами, и месье Поль оставляет её в покое, потому что Борис и Антуан пуляют из ложек зелёным горошком в детей за соседним столом, и те делают то же самое. Или потому что Алиса ничего не ест.

Ахмед не закрывает рта, когда жуёт, поэтому весь стол должен слушать его чавкание.

Толстый Жужуб всегда первым съедает всё, что было у него в тарелке, и иногда они с Ахмедом дерутся, кто доест за Алисой. Они тянут её тарелку каждый в свою сторону и часто опрокидывают на стол, и Полина говорит: «Ну просто невозможные дети», и мы тогда читаем по губам Бориса, что он отвечает: «Кошка драная», и нам ужасно смешно.

После обеда месье Поль учит нас строить дом. Пахнет клеем и деревом, и толстый Жужуб говорит, что его тошнит, и тогда мы ему говорим, что он уже достал.

Месье Поль выпиливает доски и намазывает их сверху клеем, а мы строим из них «дом своей мечты» на полянке из искусственной травы, с тряпочками на окнах.

Симон заколотил досками все свои окна и не хочет никакой искусственной травы: «У нас вокруг только

бетон», и трубу на крышу он тоже не захотел приклеивать: «У нас дома огня не разводят», и я тогда спросил: «У вас – это где?», и он мне ответил: «В большом городе», и тогда я спросил: «Почему ты в приюте?», но он ничего на это не сказал.

Алиса не стала приделывать крышу: «Чтобы видеть звёзды и луну».

Беатриса украсила всё искусственной травой, братья Шафуан построили дом из стекла: «Так нас все будут видеть», а Ахмед ничего не делал и только ныл, поэтому месье Поль подошёл, чтобы ему помочь, но Ахмед сказал: «Дома моей мечты не существует», и вышел из класса, и месье Поль пошёл его искать, но, уходя, сказал нам: «Предупреждаю: когда вернусь, никаких онга-онга!»

И мы были суперпослушными, приклеивали игрушечных животных на искусственную траву – все, кроме Бориса, который нюхал клей и стал потом очень чудной, и месье Полю пришлось вести его в медкабинет вместе с Ахмедом, который вцепился в руку учителя и ни за что не хотел её отпускать.

Месье Поль всегда так обращается с детьми.

Симон говорит, что у него шестеро собственных детей и что, если к кому-нибудь в приют в субботу или воскресенье никто не приезжает, мадам Пампино разрешает ездить к месье Полю в гости с ночёвкой.

– К тебе-то приходит полицейский, тебе повезло, – сказал Симон.

И я согласился, ведь Реймон приносит конфеты.

Когда уроки окончены, мы складываем тетради, карандаши и учебники в рюкзаки и прощаемся с месье Полем, особенно Ахмед, который так и не хочет отцепляться от его руки, и мы снова садимся в автобус Жерара вместе с Полиной, которая нас пересчитывает по пальцам, и мы занимаем свои обычные места.

Жерар включает музыку, и иногда мы с Симоном и Жераром поём «Хуаниту Банану» Анри Сальвадора, а Полина поёт: «О мои уши!», и это полная ерунда, потому что таких слов даже нет в песне.

В приюте мы все отправляемся к мадам Пампино рассказать ей, как прошёл день, показать свои дома мечты и взять конфет, которые хранятся у неё в шкафу.

На днях Беатриса ещё спросила у неё, не вынимая пальца из носа, можно ли ей поговорить с мамой по телефону.

Симон говорит, что мама Беатрисы всё обещает её навестить, но никогда не приезжает. Беатриса спускается по лестнице каждый раз, когда слышит, как подъезжает машина, но это всегда машина кого-то другого, и вечером в воскресенье на неё лучше не смотреть: глаза совершенно красные.

Мадам Пампино ответила Беатрисе: «Приходи ко мне в семь вечера, мы позвоним твоей маме», и она говорила это с такой безмятежной улыбкой, что казалось, будто на этот раз у них всё получится.

В воскресенье ко мне приезжал Реймон, но ни одна машина так и не приехала к Беатрисе. Роза взяла её на руки, Беатриса уткнулась лицом в её большую мягкую грудь, Роза гладила её по голове и утешала, и мы все видели, как вздрагивают плечи Беатрисы – как будто она танцует.

После конфет Роза ведёт нас на полдник и чуть не до смерти всех целует, и в кухне пахнет шоколадом и поджаренным хлебом, и Алиса забирается Роза на колени, и Роза удаётся скормить ей тост с вареньем, убрав с лица её длинные тёмные волосы.

А потом мы делаем уроки, и Роза часто приходит на помощь Ахмеду, который думает, что два и два будет восемь. Когда Роза рядом, мы с Симоном стараемся изо всех сил и отвечаем вместо Ахмеда, и Роза тогда

говорит: «Вам больше заняться нечем?», и мы отвечаем: «Нечем!», и Роза закатывает глаза к потолку, потому что Ахмед опять ревет.

Дальше мы все идём в душ, и Симон говорит: «Мы уже скоро расплавимся от всей этой горячей воды», и Роза следит, чтобы он помылся как следует.

Когда мы все чистые, можно идти играть, и, так как сейчас зима, мы играем внутри.

Алиса надевает на свою куклу штаны и сверху ещё натягивает платье и два свитера, а потом начинает дёргать её за волосы, шлёпать по попе и говорить: «Ты плохая девочка, очень плохая!»

Кукла Беатрисы всегда голая.

Беатриса прижимает её к себе и поёт ей песни.

Однажды она сказала мне, прямо так, с пальцем в носу: «У нас всегда солнце, и мама носит только купальник, и всё, и она скоро приедет ко мне и привезёт солнце», – она засмеялась, и я увидел её маленькие зубки, очень-очень белые, и ярко-розовый язык.

Борис и Антуан играют в словарь, и с ними никто больше играть не хочет, а мы с Симоном и Ахмедом играем в догонялки или прятки, Ахмед всегда проигрывает и ревет.

Однажды мы с Симоном заперли Ахмеда в шкафу, в котором он прятался. Его нашла Роза, она, наверное, успела сильно испугаться, но мы с Симоном ничего не сказали – ну, только сказали Ахмеду, чтобы помалкивал, и он потом весь вечер помалкивал как миленький.

После ужина мы идём чистить зубы и потом сидим на кроватях и ждём, пока Роза придёт поцеловать нас на ночь. Иногда она отправляет Симона обратно в ванную, потому что у него между зубов застряла петрушка.

Сначала я хотел каждый вечер смотреть телевизор, но «телевизор – только по понедельникам», говорит Роза.

К тому же из-за самых младших мы смотрим мультфильмы – например, историю про спящую красавицу, которая много лет лежала под стеклянным колпаком и ждала, пока принц её освободит. И принц этот, кстати, не слишком торопился, да ещё раздумывал, ехать ему к ней или нет.

По средам вечером у нас бассейн.

Туда можно ездить всем детям из приюта, и автобус Жерара набит до отвала «бешеной мелюзгой» – так говорит Полина, которая одета как девушки в фильмах про Джеймса Бонда. На ней супероблегающая юбка, глаза накрашены зелёным и сиреневым, а губы – красные и огромные, и ещё на ней куча разных украшений – на руках, на пальцах и на шее.

Это надо видеть, какими глазами на Полину смотрит Роза.

Как будто это не глаза, а два пулемёта.

Симон говорит, что такими глазами она могла бы прикончить заодно ещё и двух других питателей, Мишеля и Франсуа, которые ездят с нами в бассейн только ради того, чтобы прокатиться с Полиной.

Симон, который всё знает, однажды сказал:

– Кошка драная ездит с нами, чтобы встречаться с женихом. Я их застукал как-то вечером, когда вышел из бассейна раньше других. Они прижимались к автобусу и неслабо друг друга тискали, этот жених даже засунул руку к ней под платье и что-то там искал, а Полина говорила: «О! Да! О! Нет! Не надо! О! Да!» и пыталась ему помочь, но жених так ничего там и не нашёл и вынул руку, и Полина одёрнула платье, и жених ушёл и сказал: «Пока, моя блошка». – И добавил: – Блошка – очень ей подходит, потому что блохи запрыгивают на людей, а Полина, если

поблизости есть мужчина, всегда рада на него запрыгнуть.

Не представляю, откуда Симон столько всего знает.

Иногда, перед тем как погасить свет, Роза поёт нам колыбельную.

Засыпай, засыпай, звёздам в небо пора,
Даже солнце устало и спит до утра.
Только кошка играет при свете луны
И плетёт паучок серебристые сны.

Но Ахмед всегда засыпает, не дослушав до конца.

* * *

По средам мы играем в футбол и потом, если нет дождя, идём гулять в лес с Мишелем и Франсуа.

У Мишеля длинные волосы и чёрная борода, которая скрывает всю нижнюю половину лица.

Симон говорит, что он прячет под ней какой-то секрет, и я спрашиваю: «Какой секрет?», и Симон отвечает: «Секрет бородачей», и я ничего не понимаю.

Иногда я засовываю пальцы Мишелю в бороду, на ощупь она совсем как мох, который растёт на деревьях, но никакого секрета я там не нахожу.

А ещё Мишель очень старый. Ему не меньше сорока.

И носит слишком просторную одежду.

Борис говорит, что у него, наверное, есть старший брат, и этот брат отдаёт ему одежду, из которой вырос, и я тогда думаю о том, что мне бы тоже очень хотелось, чтобы у меня был брат и чтобы он отдавал мне одежду, из которой вырос, но мама предпочитала сидеть и пить пиво вместо того, чтобы пойти и купить мне брата.

Иногда я по ней скучаю, но я уже привык к мысли, что она никогда не приедет навестить меня в приюте.

Реймон ездил в наш дом, чтобы забрать оттуда мою одежду, и говорит, что дом «опечатан».

- Что это значит? - спросил я.

- Это значит, что больше туда никому нельзя заходить.

- А если маме надоест на небе с папой и ей захочется пива, как же она попадёт в дом?

Тогда Реймон сказал, что на небе у неё есть всё, даже пиво, и что мама останется там навсегда и я её никогда больше не увижу, и я заплакал.

Я рассказал об этом Розе.

- Это ещё что за глупости?! - сказала она. - На небе нет никакого пива. Твоя мама играет на арфе!

- Что такое арфа?

- Это музыкальный инструмент.

- Правда? Это было бы очень странно, если бы мама там стала играть на арфе, как ты говоришь, потому что, кроме пива, телевизора, обид на весь белый свет и песен Селин Дион, маму ничего не интересует.

Роза обхватила моё лицо ладонями:

- Не надо так говорить, дорогой Кабачок, больше всего твою маму интересовал ты! Каждая мама любит своего ребёнка, даже если она этого не говорит.

У Франсуа, второго питателя, волос совсем не осталось, и иногда, когда Борис промахивается мимо ворот, он говорит: «Это всё из-за Яйцеголового», и мы все смеёмся, кроме Франсуа-Яйцеголового, который говорит Борису: «Если ещё раз меня так назовёшь, отправишься собирать листья под деревьями», и теперь Борис говорит это слово только для тех, кто умеет читать по губам.

То есть для нас, детей из приюта.

В футбол играем только мы, мальчишки, потому что этот спорт не для девочек.

Девчонки тем временем играют в волейбол, в кукол или в шитьё.

В приюте примерно сорок детей, не меньше.

У каждой группы из десяти человек есть своя кухня, своя гостиная и свои спальни, и между собой дети из разных групп перемешиваются только на футболе, в бассейне или когда мы идём гулять в лес.

Вот только мы с Симоном и Ахмедом не очень-то хотим иметь дело с другими детьми, потому что нам и без них хорошо.

На футболе мы ставим им подножки, когда питатели не видят, и иногда эти другие дети падают и режут, а когда они показывают на нас пальцем, мы говорим: «Да они врут!»

Если нам всё-таки не верят, мы с Симоном всё сваливаем на Ахмеда, и Ахмед знает, что в его интересах помалкивать, поэтому говорит: «Я не нарочно!» – и режёт, и питатель говорит: «Пенальти», и мы продолжаем играть.

В нашей команде пенальти всегда бьёт Антуан.

Антуан ужасно сильный и быстрый: он так далеко пинает мяч, что однажды мы его вообще не нашли.

В команде противников пенальти бьёт Азиз, только он всегда смотрит на нас, а не на ворота, и однажды Борис получил мячом прямо в нос.

Борис, конечно, сам хорош, мог бы и увернуться.

Яйцеголовый весь побелел, когда увидел, как у Бориса кровь хлынула из носа. Он увёл Бориса в медкабинет, а Азиз сказал бородачу: «Я не нарочно», но мы с Симоном смотрели на него очень зло.

Борис вернулся с пластырем на носу.

А Яйцеголовый остался в медкабинете.

Мы пошли гулять в лес, и я спросил у Бориса: «Больно?», а он ответил: «Нет», и это меня впечатлило.

Мы все решили отомстить Азизу, кроме Жужуба, который дулся из-за пластыря. Антуан поставил

подножку, и Азиз упал в лужу. Когда он поднялся, то был весь грязный и ревел. Он сказал, что мы его толкнули, а мы сказали: «Что за бред», и бородач ушёл с Азизом, а мы остались прыгать по лужам и ломать сухие деревья, пока никто не видит.

* * *

По пятницам после полдника я хожу к психологу.

Мадам Колетт показывает мне чёрно-белые рисунки, и я должен говорить, на что это похоже, или же она даёт мне пластилин, и я должен делать с ним что захочу.

У неё в кабинете есть ещё цветные карандаши, и я могу рисовать ими, если станет скучно, и однажды я попытался нарисовать кукольный театр.

Я показал рисунок мадам Колетт, и она сказала: «Интересно», и я не понял, чего она там нашла интересного, ведь театр у меня совсем не получился, он был больше похож на красную коробку с бантом как на подарках, не знаю почему.

Когда она показывает мне свои чёрно-белые рисунки, я говорю первое, что приходит в голову:

- Живой мертвец играет на трубе.
- Корова ест обезьяну.
- Револьвер убийцы, который охотится на блондинок.

Она спрашивает:

- И откуда он взялся, этот револьвер?
- Ну откуда, из новостей по телевизору.

Иногда я ломаю голову, откуда вообще она берёт все эти вопросы.

После чёрно-белых рисунков мадам Колетт спрашивает, чего бы я сейчас хотел, и я говорю: «Я бы хотел пойти играть с Симоном и Ахмедом», и она меня

отпускает. Или же я беру пластилин и играю с ним, леплю разных монстров, как в «Войне миров», и мадам Колетт спрашивает, что это такое, – можно подумать, она никогда не смотрела телевизор.

А иногда я и сам не знаю, что слепил, получается вообще ни на что не похоже, но мадам Колетт уж всегда придумает, что это такое.

Она говорит: «Это сердце?», и я не понимаю, где она тут видит сердце, и говорю: «Нет», и она тогда: «Это мяч?», и так может продолжаться довольно долго, пока наконец я не отвечу: «Да», просто потому что чувствую, что это её порадует, а иногда я говорю: «Это вообще ничего», но она тогда спорит: «Не надо так говорить, Кабачок. Это не может быть ничем. Самое главное – пытаться сделать что-то, что хотя бы на что-нибудь похоже. Понимаешь?», и я киваю головой, потому что мне очень хочется пойти играть с Симоном.

– Ты когда-нибудь думаешь о маме?

– Да, когда смотрю телевизор по понедельникам, или когда бородач пьёт тайком пиво в лесу, или когда разговариваю с Розы или Реймоном.

Она заглядывает в свою тетрадь и громко спрашивает:

– Реймон тебе нравится?

– Ну да, он очень добрый, и даже в прошлый раз привёз мне радиомангнитулу – мне одному, – и сказал, что у него есть сын моего возраста, который на меня похож.

– Хорошо. А как тебе здесь?

– Здесь, у тебя?

– Нет, в «Фонтанах», но мы можем поговорить и о наших встречах, если хочешь.

– Да мне особенно нечего сказать. Все тут очень добрые, кроме уроды Азиза, и кормят нас хорошо, чего уж.

Иногда мне страшно надоедают эти вопросы, и я спрашиваю, можно мне уже пойти играть, и мадам Колетт меня отпускает, только перед уходом надо сложить рисунки в ящик со своим именем.

В первую нашу встречу я закрасил имя «Икар» чёрным фломастером и сверху написал разноцветными фломастерами «Кабачок».

Тут у всех детей есть свой ящик, кроме Симона.

Я спросил у мадам Колетт, почему так, и она сказала, что Симон к ней не приходит, и я опять спросил почему, и она ответила, что любопытство – очень дурная черта, и проводила меня до двери.

Тогда я спросил у Симона почему, и он мне сказал: «Потому что я не хочу к ней ходить», и я опять спросил почему, и он ответил: «Кабачок, как же ты иногда бесишь».

Я думаю, что Симон знает всё о нас, но ничего не знает о себе самом.

* * *

Судья не похож на солидного месье в телевизоре, который всегда находит виноватого раньше, чем полицейские. Он совсем худой и, когда стоит, без конца подтягивает штаны, и я кусаю щёку, чтобы не засмеяться, потому что Рози мне сто раз сказала: «Судья – очень достойный человек, веди себя прилично и не смейся над ним».

Рози меня хорошо знает.

Она даже заставила меня плюнуть на землю после того, как я сказал: «Крест из дуба, крест из жести, провалиться мне на месте», она прямо упёрлась: плюнь да плюнь.

– Ты должен произвести хорошее впечатление, хотя бы в первый раз. Так что следи за речью,

не ругайся плохими словами, и главное, очень тебя прошу, не умничай, когда отвечаешь на вопросы.

Мадам Пампино тоже здесь, и это нормально, ведь мы с судьёй встречаемся у неё в кабинете, не слоняться же ей по улице, пока мы тут.

Дверь закрыта, а когда дверь мадам Пампино закрыта, никто не решается войти, потому что боится наказания, и даже секретарша не заглядывает в кабинет, потому что недавно директор так на неё посмотрела, что той пришлось бормотать: «Ой, простите, я зайду позже».

- Скажи, малыш, ты помнишь своего папу? - спросил меня судья.

- Нет, я был совсем маленький, когда папа уехал в кругосветное путешествие с козой. Иногда я просил маму мне о нём рассказать, но от неё я узнавал только новые плохие слова. Однажды она сказала мне, что всё зло - от городских вроде папы, которые носят лаковые ботинки и говорят красивые вещи, только правды во всех этих красивых словах не больше, чем в криках петуха.

- А как с мамой произошёл несчастный случай, ты помнишь?

- Нет, не помню, но она мне рассказывала. Однажды она на своём «пежо-404» возвращалась с ярмарки, на которой ничего не купила, и врезалась в соседский дуб. Его после этого срубили и сделали из него кровать и стол для соседа из-за его плохих бумаг, в которых было написано: «Изъято в счёт невыплаченных долгов». А в бумагах моей мамы было написано: «Инвалид», и, так как папа не оставил нам своего адреса, чтобы мне как-то жить дальше, другой добрый месть сказал маме, что ей больше не нужно работать на заводе, и с тех пор он каждый месяц давал ей денег, чтобы она могла покупать еду и рубашки моего размера.

- А как у вас с мамой обстояли дела до аварии?

- Отлично. Когда мама ещё ходила на завод, я просыпался с будильником, который кричал мне в самое ухо, готовил себе завтрак, большую чашку горячего шоколада и бутерброд с клубничным джемом, надевал ранец и бежал ловить школьный автобус. Когда я возвращался из школы, мама ждала меня в кухне с большой чашкой молока и бутербродами с маслом и сахарной пудрой, и я рассказывал ей, как прошёл день, как я выиграл в шарики на перемене у толстяка Марсея, или как учительница села на стул, к которому была приклеена жвачка Грегори, и нам пришлось писать очень много строчек наказания, потому что никто не захотел выдавать Грегори, у которого мы потом забрали его коллекцию марок, и мама очень смеялась, и я тоже. Тогда она тоже могла выпить банку пива, но не много банок подряд. Перед тем как сесть смотреть телевизор, она помогала мне сделать уроки, и я не так часто смотрел в окно на соседского сына, и у меня были самые лучшие отметки в школе, и она не плакала из-за пустяков.

- Всё испортилось после аварии, да?

- Да, она пила много пива, всё время смотрела телевизор, совсем его не выключала, и её старый домашний халат стал весь грязный, и тапочки продырявились, так что пальцы торчали наружу. Она совсем перестала проверять мои уроки, и больше не смотрела, что я пишу в тетрадях, и, когда её вызывали в школу, туда не ходила. Она всё время кричала, обычно из-за какой-нибудь ерунды или вообще ни из-за чего, как будто я глухой, - ведь дома никого, кроме нас двоих, не было, и я часто забирался на чердак и там мог ни о чём не беспокоиться - из-за её ноги. Я слышал, как она кричит: «Кабачок! Не заставляй меня подниматься!», но я же знал, что она не может подняться, поэтому просто ничего не отвечал и играл в футбол яблоками. Тогда она кричала громче: «Ах ты

дрянь, вот только слезь, и я тебе задам!», и я засыпал прямо на полу, чтобы она забыла меня побить. На следующее утро я убежал в школу без завтрака, а вечером возвращался с букетом цветов, которые набрал по дороге домой. Мама говорила: «О, Кабачок, какая прелесть, какие красивые цветы! Как тебя, такого милого, не простить?», и я в ответ кивал, но не успевал выдохнуть с облегчением, как получал такую затрещину, что у меня потом ещё долго оставался на щеке след от пальцев. Я тёр лицо и смотрел на неё так, как смотрят ковбои на краснокожих перед тем, как снять с них скальп, я глотал слёзы, сжимал кулаки и говорил: «Берегись, а то я сниму с тебя скальп!» Мама закатывала глаза и говорила потолку: «Нет, это не Кабачок, а какой-то невозможный придурок», и шла наливать воду в вазу, чтобы поставить мои цветы, и напевала себе под нос песню Селин Дион. Вот какая у меня была мама. Сначала плакала, потом забывала, из-за чего плакала, и начинала петь, а потом садилась смотреть телевизор, и всё, меня больше нет.

- Что значит - тебя больше нет?

- Если ей нужно было что-то мне сказать, она говорила это телевизору. Когда я возвращался из школы, мама сидела в старом кресле с пультом от телевизора в одной руке и банкой пива в другой. Она говорила телевизору: «Пойди вымой руки», или «Слушай, придурок, чего ты её не целуешь?», или «Пойди-ка принеси ещё одну из холодильника», или «Да она одевается как потаскушка». Я мыл руки. Вынимал у неё из рук пустую банку и вкладывал туда новую. Шёл к себе в комнату и делал уроки, чтобы порадовать учительницу, или смотрел в окно на соседского типа, он валялся в грязи вместе со свиньями, и я ему завидовал. Иногда я спускался вниз и видел, что мама спит перед телевизором, а вокруг целая гора банок из-под пива. Если я выключал телевизор, она просыпалась, и мне

тогда влетало по первое число, поэтому я перестал выключать телевизор, только собирал как можно тише пустые банки и выбрасывал их в мусорное ведро, а потом поднимался к себе и ложился спать.

- А сам ты тоже смотрел телевизор?

- О да. Телевизор - это круто. Особенно я люблю новости, это как бы такой фильм со сплошными катастрофами, и они идут не слишком долго, так что под них не засыпаешь. А потом показывают передачу про плохую погоду. Ведущая объявляет дождь, грозы и бури. «А землетрясение? - спрашивает мама у ведущей. - Его вы оставили на послезавтра?» Ведущая улыбается маме и говорит: «Циклон Амандина, пришедший с Карибского моря, виден на наших снимках со спутника». «Мама, что такое циклон?» - спрашиваю я. «Жестокий ураган, который срывает крыши с домов», - отвечает она. «Понятно. А почему жестокий ураган зовут женским именем?» А она отвечает: «Потому что жестокие ураганы - это всегда женщины, как та коза, с которой сбежал твой папаша». Я спрашиваю: «Ты думаешь, коза способна сорвать крышу с дома?», а она отвечает: «Кабачок, ты вымотал мне все нервы своими вопросами. Если не замолчишь, отправлю тебя в постель».

- И больше ты ничего по телевизору не смотрел?

- Ну почему, смотрел. «Я выбираю», «Вопросы для чемпиона», «Поговорим», «Красный ковёр», «Кто хочет стать миллионером», вот это всё. Мы ели перед телевизором, а потом я часто засыпал и просыпался из-за того, что мама бросала в меня банку из-под пива и говорила телевизору: «Уже поздно, ложись спать». А иногда, когда мы смотрели какой-нибудь фильм, мама очень много плакала. Она говорила, что сцены любви напоминают ей о моём придурке-отце, она тогда делала большой глоток пива и ругала на чём свет стоит мужчин, которые все как один «сволочи, бездельники

и трусы», а я ей говорил, что я ведь тоже однажды стану мужчиной, и тогда она немного успокаивалась. Она ещё какое-то время плакала, сморкалась в бумажную салфетку и говорила: «Это правда, ты тоже однажды станешь мужчиной и тоже бросишь меня ради какой-нибудь козы». И после этого она рыдала ещё сильнее, чем раньше. Тогда я говорил ей, что козы мне совсем не нравятся и что я никогда её не брошу, потому что она готовит очень вкусное пюре. От этого она смеялась и говорила телевизору: «Иди ложись», и я целовал её в лоб и шёл к себе в комнату, и мне было очень грустно. Я думал о своём папе-великане, о том, как он витает в облаках, и говорил себе, что небо обидело маму и что в один прекрасный день я отомщу ему, как делают в фильмах, я убью небо, чтобы никто больше никогда не видел туч, из которых льются одни только несчастья.

- Что ж... Может, выпьешь воды, малыш? - спросил меня судья и продолжил грызть кончик ручки и смотреть в свои бумаги, которые исписаны вдоль и поперёк.

- Да, месье, спасибо. И после этого мне можно будет пойти играть? Дело не в том, что мне с вами скучно, но дело в том, что я обещал Симону, что дам ему выиграть у меня в шарики, хотя я, конечно, наврал.

- Икар! - одёрнула меня мадам Пампино, как будто я сказал плохое слово.

- Нет-нет, ничего, мадам Пампино, - сказал судья. - Я много всего записал. У меня ещё только один, самый последний вопрос, малыш. Тебе нравится здесь?

Я выпил стакан воды и только потом ответил:

- Ну да, тут вкусно кормят, у меня много друзей. С телевизором, правда, не очень. Нам ничего не разрешают смотреть, кроме мультфильмов по видеомэгнитофону. Роза говорит, что новости - это не для детей, и фильмы с разными телепередачами

тоже. Розы вообще не любит телевизор. А зря. Она могла бы сама поучаствовать в передаче «Я выбираю», где потом смотришься в зеркало, а ты стал совсем другим.

Это очень насмешило мадам Пампино.

А судья поднялся, улыбнулся и опять подтянул штаны.

- Малыш, по-моему, ты очень хороший мальчик. Замечательно, что в тебе есть оптимизм, он тебя не раз выручит в трудную минуту.

Я ничего не понял, но улыбнулся в ответ и подумал о Розы, которая будет мною довольна.

По-моему, я произвёл на него благоприятное впечатление.

- Теперь можно я пойду?

Мадам Пампино взглянула на судью, а потом они оба ласково посмотрели на меня.

- Да, Кабачок, беги к друзьям, - сказала директор. - Только не шумите, как вчера! Чтобы я вас не слышала из своего кабинета.

- Мы будем тихо, честное слово!

Я попятился к выходу и с большой радостью закрыл за собой дверь.

* * *

Сегодня воскресенье, и я жду Реймона, включаю радио, но там передают Азнавура, а это полная ерунда, поэтому я жму на кнопку, чтобы переключиться на другой канал, и слышу диско - Розы всегда с отвращением кривит рот, когда произносит это слово, но лично мне диско очень даже нравится. Ахмед ушёл к учителю, и Симон тоже уехал, не захотел говорить куда.

Сегодня утром я поднялся на последний этаж «Фонтанов» и постучался в дверь к Розе.

- Кто там?

- Э-э-э... Я, Кабачок.

Роза открыла дверь, на ней были домашний халат и тапочки, и я сразу подумал о маме, хотя у неё-то халат всегда был грязный, а тапочки - рваные.

- Роза, слушай, ты знаешь, куда уехал Симон?

- Да.

- Ну тогда скажи мне!

Роза погладила меня по голове.

- Не кричи, мой дорогой, я не глухая. Я не могу сказать тебе, куда уехал Симон. Захочет - сам расскажет.

- Вот отстой, - сказал я.

Роза покраснела:

- Чтобы я не слышала таких слов, а не то сейчас же отправишься к себе в комнату.

Я сразу стал очень послушным, потому что мне совсем не хотелось схлопотать по первое число.

- Ну пожалуйста, Роза!

- Если бы у тебя был секрет, я бы его никому не выдала - ну, если бы ты, конечно, сам меня об этом не попросил. А Симон не просил меня ничего тебе рассказать.

- Он просто забыл.

Роза закатила глаза к потолку:

- Послушай, хватит, будь человеком, не приставай, я ничего тебе не скажу. А разве Реймон сегодня не приезжает?

- Ещё как приезжает, можешь не сомневаться.

- Тогда марш к себе в комнату.

И она захлопнула дверь.

Роза - единственная питательница, которая ночует в приюте.

Мишель, Франсуа, Полина и все остальные живут в своих собственных домах.

А вот Роза любит нас слишком сильно, чтобы жить где-то в другом месте.

Ей не нужно никуда уезжать на выходные, поэтому она может по воскресеньям утешать Беатрису, а ещё нам разрешается стучаться к ней в комнату, если срочно понадобится о чём-то рассказать, и иногда она даже приглашает нас внутрь и готовит чай, но на этот раз мне не досталось ни чая, ничего.

Я пошёл в нашу спальню и стал смотреть в окно, из которого видны парк, галька на дорожках, деревья наказаний, чёрные решётки, а немного дальше – шоссе, на котором полно гудрона, река, ну а за ней – сплошная трава, деревья и кусочки домов. Из животных здесь только один осёл, но к нему нельзя приближаться, потому что он кусается. Роза говорит, он озверел из-за детей, которые дёргали его за уши и хвост.

Но вот наконец под окнами останавливается машина Реймона с синим помпоном на крыше, и я кубарем качусь по лестнице.

У полицейского рубашка всегда выбивается из штанов, потому что у него большой живот, и под курткой он вечно мокрый, как будто бы вместе с ним в машине ехало солнце.

Он протянул руки мне навстречу, и я бросился ему на шею.

– Ну как ты, малыш? – спросил Реймон своим низким голосом, и я рассказал ему про среду, когда мы играли в футбол и загасили Азиза.

– Что это ещё за слово – «загасили»? Кто тебя научил так говорить?

– Вообще-то Симон.

– А, тот ещё прохвост.

– Что значит «прохвост»?

– Это значит «несносный ребёнок».

- Тогда почему ты прямо так и не говоришь - «несносный ребёнок»? Так бы я сразу понял.

- Потому что «несносный ребёнок» - так говорят только бабушки.

- Но ты уже два раза так сказал!

И мы оба засмеялись, и погода была хорошая, так что мы пошли прогуляться по дороге, на которой полно гудрона.

Я протолкнул свою ладонь в его, и она там вся целиком исчезла.

Реймон мне улыбнулся, даже его глаза улыбнулись, и лохматые брови встретились друг с другом.

- Знаешь, я привёз тебе фотографию своего сына, его зовут Виктор.

И он показал мне фотографию Виктора, которого держит на руках женщина в жёлтой блузке, и мне совсем не показалось, что Виктор на меня похож.

- А что это за женщина?

- Это моя жена. - Глаза Реймона засветились ещё ярче. - Она тоже перебралась на небо.

- Почему?

- Потому что сильно заболела, но тебе ни к чему слушать такие грустные истории. Ну как, тебе тоже кажется, что вы с Виктором похожи?

И я ответил «да», чтобы Реймону было приятно. У меня светлые волосы, а у него тёмные, у меня глаза голубые, а у него карие, а главное, я бы ни за что не согласился, чтобы меня вот так причесали.

Лично я просто провожу растопыренными пальцами по волосам вместо расчёски, и дело с концом. И к тому же у него, в отличие от меня, нет уродской родинки на носу.

Симон любит пошутить на эту тему, говорит: «Эй, у тебя на носу муха!», и я тогда хватаю его за волосы, и он кричит: «Я же пошутил!», и я такой: «Я тоже».

Реймон сорвал травинку и зажал её между зубами.

- Как ты смотришь на то, чтобы иногда приезжать к нам в гости?

Я проследил глазами, как он убрал бумажник с фотографией Виктора в задний карман штанов, и сказал: «Хорошо смотрю», и он сжал мою ладонь.

- Я поговорю об этом с вашим директором.

И я подумал, что Виктор, наверное, чересчур послушный для него, и ему бы очень пригодился несносный ребёнок вроде меня.

Мы сели в траву на берегу реки.

- Ты не замёрз? - спросил Реймон.

- Нет.

И тогда он снял куртку и накинул её мне на плечи.

У взрослых иногда серьёзные проблемы со слухом.

Когда он приехал ко мне в приют в первый раз, мне было очень странно видеть его без фуражки и полицейской формы. У него на лбу всегда след от фуражки, так что сразу видно, что он её редко снимает, но первое время Симон и Ахмед не верили, что он полицейский. Но потом они увидели машину с помпоном, и с тех пор Ахмед боится Реймона. Симон объяснил мне, что это из-за его папы, который сидит в тюрьме, и я задумался, откуда, интересно, Симон это знает, и спросил у Ахмеда, правда это или нет.

- Ахмед говорит, что полицейские - сволочи, - сказал я полицейскому.

- Не все, - ответил он. - Иногда бывает трудно арестовать человека, когда рядом находятся его дети, но если уж кого-то и арестовывают, то всегда за дело, и иногда у нас просто нет выбора.

Он почесал затылок и ещё сказал: «Дети не виноваты, что их отец - вор или кто похуже, но обычно именно детям приходится отвечать, если родители наломали дров».

Я не понял, почему родители должны отправляться в тюрьму за то, что всего-навсего наломали дров.

Мы ещё немного поговорили о преступниках, а потом похолодало, и мы пошли обратно.

Реймон прижал меня к себе и сказал: «Веди себя хорошо, малыш», я отдал ему куртку, он ущипнул меня за щёку и уехал.

Я был уже на самой верхней ступеньке, когда услышал, как подъезжает машина, и обернулся, потому что Реймон иногда возвращается, просто чтобы ещё раз меня обнять, но на этой машине синего помпона не было.

Из неё вышла какая-то женщина, а за ней – девочка. Эта девочка поглядела на меня, и я почувствовал себя очень странно: как будто не могу на неё не смотреть, – и женщина потянула её за руку: «Давай быстрее!», а мы с девочкой не сводили друг с друга глаз.

Женщина вела себя так, как будто меня там не было.

Она прошла прямо перед моим носом и толкнула дверь приюта, волоча за собой девочку.

Дверь за ними закрылась, и я был почти уверен в том, что, прежде чем скрыться за дверью, девочка мне подмигнула.

Её зовут Камилла.

Я думаю о ней всегда, даже когда она рядом.

Когда она на меня смотрит, я становлюсь красный как помидор.

Она похожа на полевой цветок, который не решаешься сорвать, потому что боишься, что он сломается у тебя в руках.

Она спит в комнате Беатрисы и Алисы.

В кухне Алиса опускается на колени, отодвигает волосы от лица и не сводит с неё своих карих глаз, и одновременно сосёт большой палец на свободной руке – той, которая не держит волосы. Беатриса предложила Камилле свои козявки из носа, но она сказала: «Нет, спасибо».

Только это было такое доброе «нет, спасибо», будто она сказала «да, пожалуйста».

Сначала Симон, понятное дело, из кожи вон лез, чтобы произвести на неё впечатление.

Он сказал: «Ты за решёткой минимум на три года» и «В твоих интересах намазывать мне масло на тосты по утрам».

А Камилла ответила: «Я уж лучше проведу сто лет здесь, чем на одну секунду вернусь к тёте Николь. Что же касается намазывания масла на тосты, то в твоих интересах больше мне этого не предлагать, иначе я возьму нож и покрюсаю тебя на куски».

И с тех пор это Симон намазывает ей масло на хлеб, а не она ему.

Ахмед ревёт, потому что ему никогда не удаётся сесть рядом с Камиллой, а когда Жужуб показывает ей свой пластырь, Камилла говорит: «Ой, ну надо же, как тебе, наверное, больно, бедняжка!», и Жужуб смотрит на нас, остальных, как на бесчувственных чудовищ.

Даже Борис содрал пластырь с носа, хотя у него-то он там был по делу, и Камилла поцеловала его болячку, и Борис покраснел так же сильно, как краснею я, когда она на меня оглядывается.

Антуан задрал футболку, чтобы показать ей, как доктора зашили ему живот после «аппендицита» (ещё одно слово для игры в словарь), и Роза сказала: «А ну заканчивайте этот цирк!», и мы все уселись вокруг стола, потому что были страшно голодные.

Камилла прошептала мне на ухо: «А ты, Кабачок, не покажешь мне никакой болячки?», и тогда я показал ей уродское родимое пятно, и она поцеловала меня в нос и посмотрела на меня своими зелёными-презелёными глазами, и я открыл рот, но оттуда не вылетело ни звука.

В среду Камилла играет не в куклы и не в шитьё: она играет с нами, мальчишками, в футбол.

Кукла у неё очень даже есть, её подарила мадам Пампино в первый вечер, но Камилла никогда с ней не играет.

Сначала мы все очень удивились и не знали, как к этому отнестись, особенно Яйцеголовый, который спросил: «Ты хоть играть-то умеешь?», но тогда Камилла забила мяч напрямик в ворота, и Азиз не успел сказать: «Это чё за фигня?», как мы заработали очко.

- Ну что ж, похоже, умеешь, - сказал Яйцеголовый.

- Не то что ты, Яйцеголовый, - хихикнул Борис.

- Борис, смотри у меня, ещё раз услышу это слово - отправлю тебя собирать листья под деревьями!

Тогда Борис приспустил штаны и пописал в траву, глядя на питателя, который ужасно рассердился.

- А про то, что бывают туалеты, ты не слышал, да? - спросил Яйцеголовый.

- Не успел бы добежать.

И Борис спрятал, слегка встряхнув, свою штуквинку.

- Франсуа, да ну его, - сказал бородач.

Камилле надоело ждать, и она крикнула:

- Мы сюда играть пришли или смотреть на пипиську Бориса?

А мы больше не могли играть, потому что ужасно хохотали, и, кажется, Жужуб повторил сквозь смех: «Смотреть на пипиську Бориса», и Борис убежал.

После этого мы пошли гулять в лес.

- Трус он, этот Франсуа, - сказала мне Камилла. - А Мишель ничего, бородач, как мой папа.

Я тогда спросил у неё:

- А что такое секрет бородачей?

- Если бы все его знали, это был бы уже не секрет.

- А твой папа - он где?

Камилла не ответила.

Она потянула меня за руку, и мы потерялись в лесу.

Мы не слышали больше никаких звуков: только как трещат под ногами сухие ветки и чавкают по лужам

наши кроссовки.

Камилла легла под деревом и сказала: «Иди сюда, будем смотреть на листья», и я лёг рядом, и мы смотрели на листья и на солнце, которое играло с ними: можно было подумать, что сотни маленьких лампочек то зажигались, то гасли в зелёной листве, и я положил голову Камилле на плечо, а потом, кажется, весь свет выключился, и я уснул.

Когда я открыл глаза, Камилла больше не смотрела на листья. В джинсах и большом сером свитере с высоким горлом, она спала, лёжа на боку, подтянув колени к самому подбородку. Я коснулся её длинных каштановых волос, и они были такими тонкими, что выскользнули у меня из пальцев. Я посмотрел на её маленький нос, и прижался к нему ухом, и услышал лёгкое гудящее дыхание, и не знаю почему ткнулся губами в раскрытые губы Камиллы, и тогда она открыла свои зелёные-презелёные глаза, и я отдёрнул голову, как будто она меня укусила.

Она потянулась, совсем как кошка.

– Пора возвращаться, Кабачок, Розы рассердится.

Когда мы вернулись в приют, Розы, бородач и Яйцеголовый ждали нас наверху на лестнице.

Нас повели напрямиком в кабинет мадам Пампино, и директор закрыла за нами дверь. Её дверь всегда бывает открыта, если не считать тех случаев, когда какой-нибудь взрослый приезжает с ней поговорить, поэтому я сразу понял, что дело наше плохо.

– Дети, нельзя так отдаляться от группы, – начала директор, постучала по столу карандашом, который зажимала между пальцев, и посмотрела на нас через толстые стёкла очков. – Мишель и Франсуа очень волновались, они повсюду вас искали. Куда вы подевались?

Я посмотрел на Камиллу, и она тоже посмотрела на меня, а потом ответила:

- Это я виновата, мадам Пампино, прошу прощения, мы пошли в лес смотреть на свет в листьях деревьев и уснули.

А я тогда сказал:

- Нет, мадам Пампино, Камилла не виноватая, мадам Пампино, это всё из-за меня.

- Икар, «виноватая» - так не говорят. Правильно - «виновата».

- Да какая разница! И вообще, почему виновата, я ведь вам сказал, что это всё из-за меня!

- Ну хорошо, ты ведь знаешь, что вам полагается за такой проступок?

- Перила?

- Да, и я очень надеюсь, что больше этого не повторится. Если вы ещё когда-нибудь отобьётесь от группы, я буду очень сурова, я это умею, можете не сомневаться.

И она швырнула ручку на стол так сильно, что я этой самой ручке даже посочувствовал: не хотелось бы мне оказаться на её месте.

- Камилла, в воскресенье к тебе придет тётя. А сейчас можешь идти, мне нужно поговорить с Икаром. Когда сделаете уроки, он объяснит тебе, как мыть лестничные перила.

И Камилла, не сказав ни слова, поднялась со стула.

У двери она оглянулась и посмотрела на меня своими зелёными глазами.

Мне показалось, что сейчас они были не такие зелёные, как обычно.

- Икар, я только хотела сообщить тебе, что Реймона не будет в это воскресенье. Его сын заболел, он не может оставить его одного. Но он просил передать тебе, что он о тебе всё время думает. Месье Поль в воскресенье везёт группу детей в Париж в Музей науки и техники - думаю, тебе тоже стоит записаться. А теперь иди и сразу садись за уроки, полдник вы уже

пропустили. И больше никогда не отдаляйтесь от остальных, договорились?

- Договорились, мадам Пампино.

- Икар, ты можешь называть меня Женевьевой. Тогда я не буду казаться тебе такой старой.

- Хорошо, мадам Пампино, но только если ты будешь называть меня Кабачком.

И я ушёл, думая о Реймоне, который не приедет ко мне из-за сына, который на меня похож, и о тёте Камиллы, которая приедет, и у Камиллы глаза становятся тусклыми, когда с ней разговаривают про эту ведьму, и о большом городе, в который я мог бы поехать в воскресенье.

Но без Камиллы мне туда совсем не хочется.

Когда я вошёл в комнату, Симон оторвал взгляд от тетрадей, Роза убрала руку с плеча Ахмеда, и все посмотрели на меня.

- Ну что ж, - сказала Роза, - садись рядом с Симоном. Принесу тебе горячего шоколада.

- Я тоже хочу шоколада! - сказал Ахмед, и Роза ответила: «Ты уже выпил две чашки, живот раздуется», - и вышла из комнаты. Ахмед посмотрел на свой живот, как будто бы тот уже раздулся до невероятных размеров, и заревел, тогда Симон сказал: «Ну прямо дитё малое, во даёт», и я успокоил Ахмеда, помахав у него перед носом плюшевым зайцем.

- И где же ты был? - спросил Симон. - Мы вас везде искали, хотя это было, конечно, поинтереснее, чем лесные квесты с поисками идиотских конфет, которые вечно прячут в одних и тех же местах.

- Мы вас потеряли, легли полежать под деревьями и уснули, вот и всё.

- Камилла тебе нравится, да?

- А тебе что, нет?

- Не знаю, я-то с ней в лесу не терялся.

- Ты о чём, Симон? Не понимаю.
- Я думаю, ты влюбился в Камиллу.
- Что это значит - влюбился?
- Влюбиться - это значит всё время думать только о ком-то одном.

Ахмед проговорил между всхлипываниями: «Тогда я влюбился в своего папу», пришла Рози с подносом и сказала: «Что вы опять сделали с бедным малышом, почему он так рыдает?», и мы с Симоном развели руками, как два послушных ребёнка.

Рози поставила поднос на маленький столик и села на кровать Ахмеда.

- Дорогой, что у тебя стряслось?

- Я влюбился в своего папу!

Рози посмотрела на Симона: «Это ты научил его таким глупостям?»

Симон помотал головой, а Ахмед улёгся Рози на колени и засунул в рот большой палец, а я проглотил кусок яблочного пирога и одним махом сделал все уроки, потому что мне не терпелось как можно скорее отправиться драить перила с Камиллой.

Сначала я пошёл за тряпками и воском, которые хранились под раковиной в кухне, а потом - за Камиллой к ней в спальню.

Алиса спала, Беатриса захотела пойти с нами, но Камилла сказала: «Нет, тебя же не наказывали, вот тебе моя кукла, можешь с ней поиграть», и Беатриса с радостью согласилась.

Внизу на лестнице я выдавил на тряпку немного средства для мытья и сказал Камилле: «Я буду оттирать грязь, а ты иди за мной следом и натирай воском, чтобы блестело». И мы стали двигаться вверх, до последнего этажа, где были жилые комнаты для взрослых.

- В прошлый раз я драил перила с Симоном, - сказал я. - И мы тогда наткнулись на Мириам, которая живёт в одной из верхних комнат. Она старая, ей лет двадцать

пять, она в «Фонтанах» уже очень давно и теперь работает авокадо или каким-то ещё таким фруктом, но ночует по-прежнему здесь. Симон сказал, что лучше бы ей переселиться в собственный дом, а Мириам ответила: «Но это и есть мой дом», и Симон тогда сказал: «Ну она вообще двинутая, это никакой не дом, это тюрьма», а я сказал: «Тише ты, а то придётся завтра опять драить перила».

- А ты бы хотел остаться здесь жить навсегда? - спросила Камилла.

- Ну не знаю, иногда я вспоминаю свой дом, но какой в этом смысл, туда больше никому нельзя входить. Здесь у меня есть друзья, и Реймон ко мне приезжает почти каждое воскресенье, и ещё здесь есть ты.

- Мне приятно, что ты обо мне думаешь. А других родственников у тебя разве нет? Они все умерли?

- Да, если не считать моего папы-великана в лаковых туфлях и с петушиным голосом, но он уехал в кругосветное путешествие с козой.

- Везёт тебе. У меня осталась только тётя Николь, а она ужасно злая. Когда моих родителей не стало, она взяла меня к себе, у неё плохо пахло и было очень грязно, и мне нужно было всё это отмывать. Она, как настоящая ведьма, была вечно недовольна тем, как я отмываю дом, и часто оставляла меня без обеда и без ужина, а иногда давала просто чёрствый хлеб или макароны, которые прилипали к тарелке, и кусок мяса, чёрный как уголь, и это ещё если повезёт. Но бывало и похуже: в плохие дни она зажигала свечи, расставляла их по комнатам и требовала, чтобы я просила прощения у Господа Бога за все грехи, которые совершила в течение дня, а послушать её, так всё, что я делаю, - грех. Пошли, надо спускаться, а то нас опять накажут, и на этот раз, боюсь, мадам Пампино уже не отправит нас драить перила вдвоём.

Мы посмотрели друг на друга долгим-долгим взглядом.

- Знаешь, - сказала Камилла. - На самом деле я тогда в лесу не спала.

Я не знал, что сказать в ответ, поэтому просто убрал чёлку со лба.

- И мне очень понравилось, когда ты меня поцеловал. Меня до тебя никто ещё никогда не целовал. Только папа целовал в лоб, когда не путешествовал, и мама, когда у неё было время, целовала в щёку и отправляла спать, и я тогда слышала звонок в дверь и потихонечку выглядывала посмотреть, и это был не папа, а каждый раз какой-то новый мужчина.

Тут я взял Камиллу за руку, и мы спустились по лестнице молча, только ладони у нас были крепко сцеплены.

Вечером мы ели суп с овощами, спагетти с томатным соусом и мясным фаршем и йогурт со свежей клубникой. Алиса позволила, чтобы Камилла её покормила, но после каждой вилки или ложки еды запихивала в рот большой палец, и Ахмед тоже. Казалось, что ещё немного, и эти двое останутся без больших пальцев.

Борис и Антуан убрали со стола, а Жужуб разбил стакан: «Мне больно!», и Роза осмотрела его палец и сказала: «Это не тебе больно, а стакану».

И собрала осколки.

Мы с Симоном вытирали посуду, а потом все пошли чистить зубы, и Роза всех проверила и вернулась в ванную вместе с Симоном. Ахмед уже спал, когда Роза пела нам новогоднюю колыбельную «В красной шапке ты летишь».

Вид у неё был ещё более усталый, чем у нас.

Симон сказал, что у неё «мешки под глазами», и я подумал, неужели она собирается куда-то уезжать,

прямо сейчас, посреди ночи, со всеми этими своими мешками, а потом подумал про Камиллу и про слово «влюбился».

Иногда Симон меня пугает.

Он знает все наши секреты, кроме разве что секрета бородачей.

* * *

Месье Поль рассказывал нам о римлянах.

А я шептал на ухо Камилле:

– Раньше было про кроманьонцев, которые одевались в шкуры зверей и жили в пещерах. Учитель всё-всё про них знает. Они тогда ещё не мылись мылом, потому что его ещё не существовало, и вообще если мылись, то только случайно, когда падали в воду.

И месье Поль спросил меня: «Что я сейчас сказал, Икар?», и я ответил: «Не знаю», и месье Поль отправил меня в угол у доски.

Борис сказал:

– Ну мы ведь все знаем, что римляне были в сто раз слабее галлов, которые могли их уложить одной левой, особенно если выпивали волшебного эликсира. Римляне – те только пили вино из графинов и ели изюм и финики, сидя у себя в палатках^[2].

Месье Поль возразил, что история сложнее и серьёзнее, чем кажется Борису, а Борис тогда ответил: «Ну, значит, история – это неинтересно», и месье Поль отправил его во второй угол у доски, и мы с Борисом подмигнули друг другу.

Антуан поднял руку:

– Мой брат прав, к тому же римляне были варварами и бросали пленников в клетки с тиграми, и их главарь поднимал руку с опущенным вниз большим пальцем, и тогда тигры съедали пленников, потому что их

больше ничем не кормили, и толпа аплодировала, и история римлян – это полная фигня, лично мне гораздо больше нравится слушать про доисторических людей.

Жужуб спросил: «Месье Поль, кто такие варвары?», и месье Поль: «У древних греков было слово *barbaros*, которое означало „чужак“, „чужеземец“, вот от него и произошло слово „варвар“. Антуан сейчас рассказал нам о самых бесчеловечных качествах древних римлян, да, Антуан?», и тут Жужуб спросил: «А греки жили в пещерах или в палатках? Я уже ничего не понимаю», и месье Поль ответил: «Так, хватит, возвращаемся в лагерь древних римлян», и Жужуб захлюпал носом.

Камилла сказала: «Не плачь, мой хороший, греки намазывали себе пальцы ног кремом для загара и валялись на пляже, им не было никакого дела ни до римлян, ни до галлов, ни даже до доисторических людей», и мы все засмеялись, кроме месье Поля, который отправил Камиллу в дальний угол.

– В классе есть ещё один угол, предупреждаю!

И его занял Антуан, потому что сказал: «Лично я бы лучше пошёл играть в мяч».

После обеда Камилла начала строить «дом своей мечты» и не захотела вешать тряпочки на окна.

Она сказала месье Полю:

– В доме моей мечты всё будет открыто, чтобы кто угодно мог приходить ко мне, а я могла бы высунуться из окна и сразу понять, кто ко мне идёт.

Беатриса поселила в своём доме маленьких животных, для этого она вынула из носа палец:

– Моя мама знаете как любит играть с курочками и чёрными свиньями, когда папы нет дома. Потом она всё убирает, но это не помогает. Папа злится. Он говорит, что дома пахнет дерьмом и что ему не нравятся наши купальники, что они хороши, только если хочешь показаться всем полуголой, особенно это

касается мамы, а потом он её бьёт, и я прячусь под раковиной.

Учитель от этого рассказа закашлялся.

Жужуб сказал: «Месье Поль, приклей крышу к моему дому, а то меня от клея тошнит». Мебели в его доме мечты совсем не было, только печенье, которое он вынимал через окна или дверь.

Симон помог Ахмеду построить такой дом мечты, которого «не существует». Покрасил окна в чёрный цвет и прошептал Ахмеду на ухо я не знаю что, так что Ахмед в кои-то веки улыбнулся.

В автобусе я спросил у Симона, что он сказал Ахмеду.

– Я сказал ему, что дом его мечты – это дом, где он мог бы жить со своим папой, поэтому я устроил из его дома настоящую тюрьму с решётками на окнах, и сами окна я тоже закрасил чёрным, потому что в тюрьме не бывает солнечного света.

– Откуда ты всё это знаешь?

– Оттуда.

– Ну откуда?

– Ты достал, Кабачок.

– Симон, зачем ты так говоришь! – сказала Камилла.

– Он задаёт слишком много вопросов, я не виноват, и к тому же у нас мужской разговор, не твоё дело.

– Ах, не моё дело?

И Камилла вцепилась в волосы Симона, а он в ответ вцепился в её, и Полина нас растащила: «А ну хватит, что вы тут устроили, быстро сели по одному, подальше друг от друга, иначе я всё расскажу мадам Пампино», и Борис крикнул ей в спину: «Кошка драная», и Полина остановилась с раскрытым ртом, в котором виднелась жвачка: «Кто это сказал?», и мы все: «Ты о чём, Полина?», и она тогда: «Ни о чём», и села дуться рядом

с Жераром, который пел «Красотки с площади Пигаль»^[3].

Она сказала: «Эта песня не для детей», и Жерар: «Что, на меня тоже донесёшь мадам Пампино?», и мы все засмеялись, а Полина больше ничего не говорила до самых «Фонтанов».

И мы все дружно пели «Красотки с площади Пигаль», кроме Бориса, который слушал в наушниках плеер и пел вместе с Камиллой «Джо-такси»^[4], и получилось такое соревнование, кто кого перепоёт, и я даже не знаю, кто в этот день победил.

* * *

Я постучался в дверь к мадам Колетт, услышал: «Одну минуту», – и остался ждать в коридоре.

Дверь открылась как раз в тот момент, когда голос Камиллы произнёс: «Я не хочу её видеть», а мадам Колетт сказала: «Она тебя очень любит, ты это знаешь», и тогда Камилла выбежала из двери и крикнула: «Это неправда!» Она меня даже не заметила, потому что у неё глаза были все в слезах.

Я смотрю на чёрно-белые рисунки и говорю:

- Это Камилла утешает Беатрису.
- Это Камилла играет в футбол.
- Это Камилла прячется в шкафу.

И мадам Колетт спрашивает:

- Почему она прячется в шкафу?

А я отвечаю:

- Ну, потому что она не хочет видеть тётю Николь.

Мадам Колетт иногда как будто совсем слепая.

– Камилла тебе очень нравится, – говорит мадам Колетт, и я не знаю, это вопрос или нет, поэтому

не отвечаю, а просто болтаю ногами на своём стуле, и наклоняюсь, чтобы взять пластилин, и леплю из него сердце, и говорю: «Это тебе, мадам Колетт», и протягиваю ей сердце, а она берёт его и говорит: «Спасибо, какой симпатичный мячик», а я ничего не говорю, потому что мадам Колетт иногда ведёт себя так, как будто вообще ничего не соображает.

– Вы иногда разговариваете с Камиллой?

– Конечно, мы всё время разговариваем, кроме леса, там мы молчим.

Я чувствую, что краснею всё больше и больше.

– В лесу мы смотрим на свет сквозь листья деревьев, вот и всё.

Мадам Колетт смотрит на меня странно и спрашивает:

– О чём вы с ней разговариваете?

– О месье Поле, или о Розе, или о кошке драной, или о...

– А кто это кошка драная?

– Я не говорил «кошка драная».

– Нет, сказал.

– Вот сейчас, только что?

– Нет, чуть раньше. Я жду, Икар.

Она, похоже, не шутит, поэтому я должен признаться:

– Ну ладно, хорошо, кошка драная – это Полина.

– Нехорошо её так называть. Чтобы я этого больше не слышала. Договорились?

И я отвечаю «окей», как в фильмах.

– Про тётю Камиллы мы тоже иногда разговариваем, – говорю я.

– И что говорит Камилла?

– Она говорит, что, когда вокруг никого нет, её тётя бывает очень злой. Когда вокруг люди, она притворяется милой, как в первый день с мадам Пампино и потом, когда приезжал судья. Ещё Камилла

говорит, что, когда они жили вместе, тётя Николь всегда была недовольна, даже когда Камилла отдраивала весь дом. Дом всегда был недостаточно чистым для тётя, хотя Камилла тёрла его до ссадин на пальцах и всё блестело, если не считать её самой, потому что её одежду никогда не стирали.

- Тебе всё это рассказывает Камилла?

- Да, а ещё она рассказывает, что тётя заставляла её зажигать свечи по всему дому и просить прощения у Господа Бога за свои грехи, а Камилла даже не успевала совершить никаких грехов, ведь она начинала отмывать дом, как только возвращалась из школы. Но она всё равно просила прощения, иначе тётя не давала ей еды, но иногда и это не помогало, и она всё равно не давала еды. А Господь Бог, мадам Колетт, наверное, слишком занят где-то в другом месте, или он глухой, или у него совсем нет сердца.

- Знаешь, Кабачок, в мире так много несчастья, что Господь Бог не может одновременно помогать всем.

- Но он мог бы помочь хотя бы Камилле.

- Я уверена, что он помогает ей и заботится обо всех вас.

- Да нам-то не надо, у нас есть Роза, она о нас заботится лучше, чем Господь Бог, который прячется где-то за облаками, и, когда он тебе нужен, его никогда нет рядом.

- Кто тебе сказал, что его никогда нет рядом, когда он нужен?

- Мама, когда перестала ходить на завод, и ещё Симон, когда рассказывал мне про несчастный случай, который произошёл с родителями Бориса и Антуана.

- Симон о себе тоже рассказывает?

- Он знает очень много про всех остальных, но про себя он никогда ничего не говорит. Почему он здесь, мадам Колетт?

- Я не могу тебе этого сказать, это секрет.

- Как секрет бородачей?
- Бородачей?
- Ну да, у всех бородачей есть секрет, но я не знаю какой и очень хотел бы узнать.

Тут мадам Колетт рассмеялась, и я стоял насупившись, потому что не люблю, когда надо мной смеются.

- Не делай такого лица, Кабачок! Я смеюсь не над тобой, просто, знаешь, говорят, что бородатым людям есть что скрывать, раз они отращивают волосы на лице, вот и всё. Никакого секрета у них нет.

А я смотрел на мадам Колетт и думал, надо же, какую чушь она мелет, ведь мы, дети, прекрасно знаем, что у бородачей есть секрет, но мадам Колетт - с ней всё ясно, она ведь взрослая, а взрослые вечно считают себя самыми умными.

* * *

Когда я ещё жил с мамой, я весь год ждал Деда Мороза.

Я всё думал: «А вдруг он решит вернуться, ведь он принёс далеко не всё, что я просил», и я снова и снова ставил тапочки у камина, но по утрам они каждый раз оказывались пустыми, и моё сердце - тоже.

- Я тебе уже сто раз говорила, что Дед Мороз приходит только на Рождество! - кричала мама. - Давай-ка убирай отсюда свои тапки, тут, кроме меня, больше прислуги нет!

А ещё я никогда не понимал, как он пролезает в трубу, ведь он такой пузатый, и красная куртка у него очень толстая, да ещё к тому же у него с собой подарки, а он и не застрекает, и даже не пачкается. Я уж не говорю о том, что он запросто может обжечься, ведь топить дом дровами куда дешевле, чем платить

за центральное отопление, и разве не проще ему было бы просто звонить в дверь и приходить летом, в футболке и кроссовках, тогда ему было бы легче передвигаться и он мог бы разносить больше подарков в своём мешке.

Да к тому же он ведь всегда приходит ночью, когда я сплю и не могу сказать ему лично, что он опять принёс не те подарки, которые я просил, и что он, наверное, перепутал меня с каким-нибудь другим ребёнком, который всё время просит апельсины, конфеты и оловянных солдатиков, а я-то ведь просил много разного: например, гоночную машину, и гигантского плюшевого медведя, и многоэтажную парковку, как у Грегори. Можно подумать, Дед Мороз слышит так же плохо, как мама, когда она смотрит телевизор, а я ей задаю вопросы.

Однажды я спрятался за диваном, чтобы дождаться его и всё ему высказать, и я очень старался держать глаза открытыми, но он, наверное, бросил мне в глаза волшебной пыли, потому что я всё-таки уснул, и мама разбудила меня: «Если Дед Мороз хоть раз тебя увидит, он больше никогда не придёт!», и я больше не пробовал его поймать, к тому же играть в оловянных солдатиков тоже было не так уж и плохо.

На Рождество в «Фонтанах» собрались вместе все дети, учитель, психолог, директор и питатели, а ещё взрослые с верхнего этажа, Реймон, тётя Камиллы и все родители, которые не в тюрьме и не на небе, так что получилось довольно много народу.

Не пришёл только Яйцеголовый, потому что заболел гриппом, но лично я думаю, что он ничем не болеет, я даже не слышал, чтобы он кашлял.

Яйцеголовый боится всего на свете, даже Деда Мороза.

Мы подготовили спектакль. Нарядились в костюмы и выучили наизусть слова, совсем как в школе. Симон

сказал, что нам повезло, что за музыку отвечает Жерар, потому что, когда в воскресенье Симон ходил домой к мадам Пампино, они слушали одного сплошного Моцарта.

- А почему ты ходил в воскресенье к мадам Пампино? И кто такой Моцарт? Друг директора?

И он мне ответил:

- Кабачок, ты достал своими тупыми вопросами.

Учить наизусть - это не для меня, к тому же я не понимаю, почему говорят «учить сердцем»^[5], когда сердце не имеет к этому никакого отношения.

Сердце - оно для того, чтобы стучать в честь Камиллы, как моё.

Борис говорит, что, если перевернуть сердце вверх ногами, получится попа, и Роза считает, что это совсем не смешно.

А вот наряжаться в костюмы - это, наоборот, классно!

Питатели помогли нам их смастерить, и я буду Терминатором из фольги, которую мне дал повар Фердинан, у меня есть оружие, оно стреляет молниями и делает «тра-та-та-та». Папа Азиза сказал мне, что до того, как его отправили в тюрьму, у него был точно такой же автомат, и я отдал его Борису, потому что не хочу оказаться за решёткой, где кормят одной только жидкой кашей. Беатриса нарядилась птицей, у неё была шапочка цвета бассейна, а на поясе - перья павлина, и, когда она сидела, перья щекотали Розу, и она отмахивалась от них рукой, как будто это мухи.

Когда Полина попросила меня пойти собрать перья павлинов, я сказал: «Нет, спасибо, мне нужно делать уроки», но я соврал, на самом деле я просто боялся, что павлин укусит меня за ногу, ведь кусается же тот осёл, который нас боится.

Братья Шафуан нарядились кроманьонцами. Они накинули на плечи шкуры зверей, которые одолжили у Полины, а на голову надели парики, и колотили друг друга дубинками, и им даже не было больно.

Жужуб оделся раненым, обмотался с ног до головы бинтами медсестры Ивонны, снаружи остались только глаза и рот.

Ахмед не хотел никем наряжаться, но Камилла придумала, что ему нужно быть зайчиком. Роза сделала два длинных картонных уха, и Симон сказал, что зайчиками наряжается только малышня, а Ахмед тогда сказал, что его костюм ковбоя – тупой и что если бы он знал, то нарядился бы индейцем и поджарил Симону пятки, и Роза их растащила в стороны, пока они не подрались, и Симон в отместку спрятал плюшевого зайца Ахмеда. Ахмед заревел, и тогда Симон принёс зайца обратно, до того как все начали разворачивать подарки, и Ахмед сказал: «Спасибо, ковбой», и Симон улыбнулся, и больше никто не злился.

Камилла была ангелом с двумя огромными крыльями, обклеенными перьями. Нам было очень весело рвать старые подушки, чтобы добыть эти перья, правда, Жужуб постоянно чихал.

Когда Камилла одета ангелом, так и хочется полететь вместе с ней в небо.

Хотя лично я полетел бы вместе с ней куда угодно.

Как странно
Быть ангелом,
Ангел сказал.
Как страсло
Быть осликом,
Ослик сказал.
В этом слове нет смысла, ангел сказал,
Надменно пожав крылом.
Однако

Если «странно» что-нибудь значит,
То «страсло» страннее, чем странно.
Не так ли?
Вот уж действительно странно,
Ангел сказал сердито.
Самый странный тут – вы,
Ослик ответил
И прочь улетел^[6].

Когда я поднимался на сцену, у меня в горле пересохло, и я подумал, что у меня ничего не выйдет. Я хотел выступить так, чтобы Камилле было интересно слушать, но теперь от страха я всё забыл, и вот на меня все смотрят, особенно учитель, ведь мы с ним раз триста повторили стихотворение.

Он сказал:

– Ну, Кабачок, помнишь: «Как странно быть ангелом...»?

И я повторил за ним начало: «Как странно быть ангелом» – и потом не сводил глаз с Камиллы и рассказывал стихотворение медленно и без ошибок, как будто бы слова были записаны в её зелёных глазах, и вот я увидел, как её руки мне заплодировали.

Тётя-ведьма тоже была здесь, и ей даже не надо было никак по-особенному наряжаться: у неё и так рот совсем без губ, крошечные злобные глазки, и одета она во всё чёрное, так что дети боятся её больше, чем осла, и стараются держаться от неё подальше.

Я познакомил своего ангела Камиллу с Реймоном, который надел праздничный костюм с галстуком, и мне было очень приятно, когда он сказал: «Какой красивый ангел», и я впервые увидел, как Камилла покраснела.

А ещё Реймон сказал, что разговаривал с мадам Пампино, и я могу, если захочу, приехать к нему в гости по выходным.

- Да, - сказал я. - Но только если и Камилла тоже поедет.

- Думаю, директор не будет против.

И он посмотрел на нас обоих и улыбнулся во весь рот.

А потом пришёл Дед Мороз, но я-то уже понял, что самый лучший подарок - это то, как Реймон нам улыбнулся.

Мы все сели на стулья, только Ахмед залез под стол.

Я впервые в жизни видел Деда Мороза живьем - и не мог оторвать от него глаз.

Мне показалось, что он похож на Яйцеголового, и я сказал об этом мадам Пампино.

Она ответила: «У тебя очень богатое воображение, но лучше никому об этом не рассказывать».

И я спросил у Бориса, что это такое - «воображение».

- Воображение - это способность человека к построению в сознании образов или идей, которые не могут восприниматься посредством органов чувств.

Я совсем ничего не понял, но это не так уж и важно.

Я шепнул Симону: «Дед Мороз влез через дымоход?»

- Нет, я видел, когда ходил за зайцем Ахмеда, как он вылезал из «мерседеса» Жерара.

- А что же случилось с его санями и рогатыми коровами?

- Это не рогатые коровы, дубина! Это олени.

- Меня зовут не дубина, а Кабачок.

Подарки лежали под ёлкой, на них были написаны наши имена, и мне не терпелось поскорее развернуть свои.

Дед Мороз спросил:

- Ну что, дети, вы хорошо себя вели?

И мы закричали «Да-а-а!», хотя это было неправдой, но мы боялись, что иначе нам ничего не достанется.

- Хорошо, тогда подходите к ёлке, но, если я увижу, что кто-нибудь ведёт себя плохо, я скажу об этом злому волшебнику.

И мы все молча подошли к ёлке, кроме Ахмеда, который не хотел выбираться из-под стола, потому что боялся «красного месье и злого волшебника».

Питатели раздали нам подарки, и мы набросились на них, совсем забыв, что нужно вести себя хорошо. Прости, злой волшебник, ведь сегодня Рождество!

У меня никогда ещё не было такого большого подарка.

Сначала я подумал, что в свёртке просто очень много апельсинов, конфет и оловянных солдатиков, поэтому, когда внутри оказалась многоэтажная парковка, как у Грегори, я не поверил своим глазам.

Я понял, что Дед Мороз наконец-то получил моё письмо, которое Роза ходила опустить в ящик вместе с письмами остальных.

Может быть, у мамы был неправильно записан его адрес.

В общем, я пошёл и поцеловал рождественского деда, и немного белой бороды осталось у меня на губах.

- Держи, это тебе, - сказал Реймон и протянул мне большой жёлтый свёрток, перевязанный красной лентой.

- Что это? - спросил я и не стал дожидаться ответа, а вцепился в узел зубами, разорвал жёлтую бумагу и обнаружил внутри гигантского медведя. Тогда я сказал: «Ну ни фиги себе!», а Реймон сказал: «Нельзя говорить такие слова на Рождество», а я засмеялся: «Только на Рождество?» - и протянул к нему руки, Реймон подхватил меня и прижал к себе, и от него приятно пахло туалетной водой.

А потом мы принялись за рождественское угощение - пирожки, индейку, пюре из каштанов и рождественское полено из мороженого.

- Восхитительное фуа-гра, - произнесла тётя Камиллы.

И я увидел, как она под столом ткнула ангела вилкой. Лично я совсем не боялся ведьмы, поэтому встал, и опрокинул немного соли в её бокал с шампанским, пока она беседовала с месье Полем, и пожелал ей счастливого Рождества, когда она выплюнула всё, что набрала в рот, в тарелку Полины, которая ничего не заметила, потому что чей-то папа шептал ей на ухо какие-то секреты.

Борис сказал, что шкуры животных, в которые они сегодня нарядились, принадлежат Полине, она лежит на них со своими дружками и смотрит на огонь в камине, а Роза это услышала и сказала: «Так-так», а потом заскрипела зубами, глядя, как Полина и чей-то папа смеются, сказала: «Стыд какой», - и ушла сердиться за другой столик.

Я подал Камилле знак, чтобы она шла к нам, но ведьма вцепилась в неё когтями и говорила: «Ей и здесь хорошо, правда, моя милая?»

А её милая крикнула: «Пусти, мне больно!»

Месье Поль взглянул на ведьму: «Сегодня ведь Рождество, мадам».

Он это сказал так громко, что она покраснела: «Конечно, конечно», - и отпустила Камиллу, и тогда ангел прибежал и прижался ко мне, чтобы ведьма уж точно до него не дотянулась.

Месье Поль подмигнул нам, и в его втором, открытом глазе я увидел, что ведьма проиграла.

Она вся съёжилась на своём стуле и выглядела так, как будто бы ей лет сто, но так ей и надо.

* * *

В эту ночь Ахмед не написал в постель, и Роза была рада, что ей не нужно заново перестилать его кровать, и Ахмед тоже был очень рад и смеялся, но, когда он смеётся, это ещё хуже, чем когда он ревет: звук такой, как будто водят мелом по доске, у меня от этого уши болят.

Поэтому мы с Симоном решили поиграть в подушку.

Суть игры в том, чтобы прижать голову Ахмеда подушкой, и тогда не слышно ни его хохота, ни рёва, но как раз в этот момент вошли Роза и мадам Колеетт, обе очень довольные, и Симон еле успел шепнуть Ахмеду: «Хоть слово скажешь – и ты труп!»

Роза посмотрела на Ахмеда и сразу перестала улыбаться.

– Ахмед, почему ты такой красный?

Она повернулась к нам:

– Что вы тут устроили, а?!

Симон ответил:

– Ничего, Роза, просто смеялись, вот он поэтому и красный, да, Ахмед?

Ахмед сказал:

– Я ничего не делал, честное слово, – и заревел, и тогда Роза и мадам Колеетт обе закатили глаза к потолку и увели Ахмеда не знаю куда.

Симон рассказал мне, что папа Ахмеда вышел из тюрьмы и приехал его проведать, потому что без тюрьмы он скучает и не знает, чем заняться.

– А почему он был в тюрьме? – спросил я.

– Потому что украл в банке целый чемодан денег и похитил банкира.

– А потом что он с ним сделал?

– С чемоданом денег?

– Нет, с банкиром.

– Да ничего, его ранил полицейский, а банкир сбежал, и его арестовали.

- Почему банкир сбежал? Он-то ведь ничего плохого не делал.

- Кабачок, ты со своими вопросами уже реально достал.

Интересно, как выглядит папа Ахмеда?

Обычно у злодеев ужасные лица, грязные волосы, небритые щёки, они жуют жвачку и всё время ругаются плохими словами. Но, может, папа Ахмеда не был злодеем, а украл деньги из-за того, что его жена была тяжело больна, как в новостях по телевизору.

Но банкира-то зачем было воровать?

После завтрака мы с Камиллой пошли гулять в лес. Нам с трудом удаётся остаться наедине, потому что вечно за нами увяжутся то Беатриса с Алисой, то мальчишки, поэтому приходится хитрить.

Камилла сказала девочкам, что идёт за конфетами в кабинет мадам Пампино, а я сказал Симону, что иду к Розе.

Камилла, как обычно, надела джинсы и серый свитер с высоким горлом. Она держала меня за руку и скакала вперёд на одной ноге. Я тоже стал прыгать, как она, и так мы двинулись прочь от приюта, как два одноногих друга.

А потом я потерял равновесие, и мы упали, завалившись набок.

- Ты не ударился? - спросила меня Камилла.

- Нет, а ты?

- Нет.

Мы остались лежать на земле, прямо на дороге между полем и рекой.

- К Ахмеду приехал папа, - сказал я.

- Повезло!

- Его папа вышел из тюрьмы. Он украл чемодан денег и банкира.

- Мой папа тоже сел бы в тюрьму, если бы не бросился в Сену. Мне так сказал судья.

- Твой папа бросился в Сену?

Я приподнялся на локте и посмотрел на Камиллу, а она смотрела в небо, и в её длинных волосах запутались травинки.

- Да, после того как убил маму.

И тут я вспомнил о том, что сам натворил.

И о судье, который назвал меня «недееспособным несовершеннолетним».

И о Реймоне: «Револьвер – это не игрушка, малыш».

А потом я увидел, как мама хочет отобрать у меня револьвер, но я держу очень крепко, и тут раздаётся выстрел, и я убиваю её во второй раз.

- Я тоже убил маму.

- Я знаю. Симон мне рассказал.

- Он всё про всех знает.

И больше я ничего не говорю. Я жду. Не хочу ранить Камиллу своими вопросами. От вопросов иногда только хуже.

И тогда Камилла рассказывает небу.

- Моя мама была портнихой. Она работала дома, и люди приходили к нам домой с рубашками, которые надо было ушить, с носками, которые надо было заштопать, занавесками, штанами или большими отрезами ткани, которые мама превращала в скатерти или платья. Когда я уходила в школу, она уже сидела над швейной машинкой, махала мне на прощанье рукой и посылала мне воздушный поцелуй. Когда я возвращалась, она всё ещё работала, и её пальцы скользили по ткани, стрекотала машинка, а в корзинке рядом уже ничего не было. Я подходила и забиралась к ней на колени, она проводила рукой по лбу, а потом говорила: «Пойди выпей молока, маме нужно ещё поработать», работа никогда не прекращалась. По вечерам люди продолжали звонить в дверь, но эти

приходили уже с пустыми руками. Однажды вечером, перед тем как лечь спать, я спросила у мамы, что нужно штопать этим вечерним людям, которые приходят с пустыми руками, и она улыбнулась и ответила: «Сердце, моя милая». После того как раздавался вечерний звонок в дверь, мне больше не разрешалось выходить из своей комнаты, но я всё-таки потихоньку выходила, и мама ни разу не заметила, что я смотрю, как она штопает сердца этим вечерним месье. С ними она не пользовалась ни напёрстком, ни иголкой, ни швейной машинкой – только языком.

– А твой папа где был?

– Папы никогда не было дома. Иногда он тоже звонил в дверь, но никогда не оставался надолго. Он швырял маме своё грязное бельё, выпивал несколько стаканов подряд, целовал меня в лоб, и мне это не нравилось, потому что от него очень плохо пахло, а потом они с мамой кричали друг на друга, пока он не хлопал дверью. Иногда он звонил ей по телефону, но они только ругались. Я слышала, как мама говорит: «Так дальше жить невозможно!», или «Ты опять пил, я больше так не могу», или «Ты все деньги спускаешь на эту дрянь», или «И кто опять будет оплачивать счета?» Однажды папа спросил меня, чем мама занимается по вечерам, и я сказала, что она штопает сердца мужчин, и папа бросил трубку. Я даже не успела с ним попрощаться или позвать к телефону маму. На следующий вечер он позвонил в дверь, и мама закричала: «Чего тебе здесь надо?!», а месье, который прятался у мамы за спиной, сказал: «Что ж, мне, наверное, лучше уйти», и папа ему помог: выбросил его одежду в окно. После этого папа и мама сильно ругались, а я плакала, но никто не обращал на меня внимания, и тогда я потянула папу за рукав пиджака, и папа обернулся и крикнул мне: «Иди спать!», и я испугалась и притворилась, что иду к себе, а сама

осталась на лестнице и видела, как папа выпил виски прямо из графина, а мама сказала: «Правильно, пей, хотя бы в этом ты силён». Папа тогда закричал: «Девка подзаборная, ты на что намекаешь?», и мама тогда переспросила: «Это я-то девка подзаборная? А ты тогда кто со своим бессмысленным отростком, который годится только в туалет ходить? И чем, по-твоему, я должна оплачивать счета? Я жертвую собой, и ты меня за это обзываешь подзаборной девкой? Да как ты смеешь! Импотент несчастный!» И тогда папа ударил маму кулаком, и она упала на пол, я закричала, но никто не обратил на меня внимания. Папа потащил маму за волосы, вытолкнул её ногами на улицу и захлопнул за собой дверь, я услышала звон ключей и осталась одна взаперти.

– А что такое импотент?

– Не знаю, но вряд ли что-то приятное, иначе папа не стал бы так сильно злиться.

– И долго ты там просидела взаперти?

– Да. Я думала, что они вернутся, смотрела в окно, но там было темно, а потом мимо проходила какая-то женщина с собачкой, и я закричала, что родители меня заперли и ушли. Она сказала: «Не двигайся, моя дорогая, я сейчас вызову полицию», и я просидела у окна до тех пор, пока не приехали полицейские и не выбили дверь, и женщина с собачкой вошла в дом, а я только плакала и больше ничего.

Я положил голову Камилле на живот и смотрел на небо, голубое-голубое, ни облачка, так что Господу Богу негде спрятаться. Там, в небе, не было видно ни мамы, ни папы. Я подумал, что, выходит, мы остались совсем одни в целом мире. И тут почувствовал, что рука Камиллы гладит меня по волосам и по лицу, а потом её пальцы нежно коснулись моей уродливой родинки на носу.

- Какая у тебя хорошенькая родинка, - сказала Камилла. - Ты, наверное, прячешь в ней какой-нибудь секрет?

Она пощупала родинку, надеясь разгадать мой секрет, и я посмотрел на неё, и тогда она нагнулась и поцеловала меня в губы.

Совсем как по телевизору.

Я бы хотел жениться на Камилле, но вот в фильмах люди, которые женятся, всегда очень старые.

- Думаешь, это нехорошо?

- Что?

- Целоваться в губы - думаешь, это нехорошо?

- Не знаю.

- О чём ты думаешь?

- Ни о чём, - ответила Камилла мне прямо в губы, а потом высунула язык, и я раскрыл рот и не знал, что делать.

- Тебе надо тоже высунуть язык и играть с моим, как будто хочешь его поймать. Мама так делала с месье.

Я стал играть с её языком и почувствовал себя очень странно, и ещё мне стало супержарко.

- Тебе не жарко? - спросил я.

И мы засмеялись, хотя сами не понимали, из-за чего.

Голова у Камиллы была вся в травинках - настоящая фея Динь-Динь.

Я больше не видел неба - только её лицо прямо над своим, и её смеющийся рот, и я пощекотал её, а она меня, и мы засмеялись ещё громче и покатались по траве, и я никогда ещё не был так счастлив, даже когда мама готовила мне пюре.

А потом мы встали и пошли куда глаза глядят, взявшись за руки и глядя в голубое небо.

- Ты их потом ещё видела - маму и папу? - спросил я, потому что в небе над нами вдруг появилось маленькое облако.

- Да нет, они ведь умерли.
И её ладонь очень сильно сжала мою.

* * *

Я спросил у Розы: «Что такое импотент?», и она так и застыла с раскрытым ртом, в котором лежал кусок пирожного.

Все уехали в большой город в Музей науки и техники или куда-то вроде этого, и остались только Ахмед, Камилла и я.

- Где ты услышал это слово? - наконец смогла выдать Розы.

- На прогулке.

- И от кого же, позволь узнать? - настаивала Розы.

Я не хотел выдавать Камиллу, поэтому сказал: «От Ахмеда», - и подумал, что надо бы не забыть его предупредить, что в его интересах помалкивать.

- Ну ладно, я с ним поговорю. А тебе приведу пример, чтобы было легче понять. Бывает, вы заиграетесь и чересчур расшумитесь, и я прошу вас замолчать, но вы меня не слышите, и я просто не в состоянии вас угомонить, то есть у меня нет на это сил, понимаешь? Вот про мужчин, когда у них не хватает сил, иногда говорят «импотент». Ясно?

- Нет, не ясно, по-моему, это никак не связано с папой Ками... в смысле, с папой Ахмеда.

- Как бы то ни было, это плохое слово, забудь его.

- Тогда зачем ты придумала какое-то дурацкое объяснение, в котором я всё равно ничего не понял?

- Хочешь ещё чая?

Я вспомнил, что Антуан всегда советует не психовать по пустякам, и решил: ну и ладно.

Надо было с самого начала спрашивать не у Розы, а у братьев Шафуанов. С их игрой в словарь они

наверняка знают.

Я посмотрел на стену над кроватью у Розы, где вся полка была уставлена книгами, и ни одна из этих книг не была комиксами.

Я достал одну. Она называлась «Дочка Ренни», и в ней были одни только сплошные слова. Совсем без картинок. На обложке была нарисована девушка в зелёном свитере, у которой волосы закрывали лицо, точь-в-точь как у Алисы, а за спиной стоял автомобиль, как в старых фильмах.

- Фигня, - сказал я и бросил книгу на кровать.

- Нет, это никакая не фигня, это очень красивая история, и когда-нибудь, когда ты подрастёшь, я дам её тебе почитать.

- Я никогда не подрасту, и я не хочу, чтобы ты мне давала почитать эту свою красивую историю.

- Икар, если не можешь разговаривать по-хорошему, уходи из моей комнаты.

- Прости меня, Розы.

Я взял пирожное и сказал: «Классная у тебя комната», но это вообще-то неправда, тут одни только книжки без картинок и божественная бумажка, которая горит в блюдце, и из-за этого в комнате пахнет как в церкви.

Церковь - это дом Господа Бога, которого там никогда не бывает.

Я не удивлён, что он не любит сидеть дома, потому что там всегда суперхолодно. Господь Бог - Он же не балда, Он сидит себе в тепле на облаках поближе к солнцу, и оно Его согревает, к тому же так можно держаться подальше от людей, которые всегда найдут, чего бы такого у Него попросить.

- Например, денег, - говорит Симон.

Розы уверена, что Господь Бог всегда нас видит и всё о нас знает, даже всё плохое, что мы натворили.

Она говорит, что он всё равно нас любит и всё нам прощает.

А Камилла говорит, что ведьма ей рассказывала про Господа Бога совсем другое: что Он не любит Камиллу, потому что её папа пил, а мама была «та ещё Мария Магдалина, которая спала с кем попало», и что Камилла отправится за своими родителями в ад, где дьявол будет поджаривать ей пятки. Я сказал Камилле, что ведьма несёт полную чушь, потому что Мария Магдалина была святой, а если она и уходила ночевать в другие дома, так это потому, что в церкви, где обитает Господь Бог, вообще нет кровати. Камилла к этому прибавила, что её маму к тому же звали Франсуаза, а вовсе не Мария Магдалина, и я сказал: «Ну вот видишь, ведьма сама не понимает, что говорит», а Рози сказала: «Помолчите, вы в доме Господа Бога». Как будто мы не в курсе.

Алиса и Беатриса ничего не слышали, они спали, прислонившись друг к другу.

Ахмед заныл, что он тоже хочет печенье, а Рози сказала, что ему нельзя, потому что у него другая религия, и я подумал, что это глупо – запрещать человеку печенье из-за того, что он не такой, как ты, и я тайком дал Ахмеду половину своего, оно таяло во рту и, честно говоря, было совсем невкусным. Как будто из картона.

Рози рассказала, что месье в чёрно-белой мантии – «представитель Господа Бога», и Жужуб спросил: если он представитель, то, наверное, звонит в дверь и предлагает людям купить всякие вещи из чемоданчика, но Рози ответила, что «это совсем другой представитель». Камилла сказала, что у людей, которые звонят в дверь, нет никаких чемоданчиков, и Жужуб сказал: «Есть», а Камилла сказала: «Нет», и Рози тогда: «Замолчите!» – так громко, как будто они глухие.

Жужуб и Камилла продолжили спорить без звука, по губам было видно, что они говорят «нет» и «есть», а потом Жужуб ущипнул Камиллу за ляжку, и Камилла завопила очень громко: «Нет!», и я тогда крикнул: «Это Жужуб её ущипнул!», и нам пришлось выйти, потому что люди стали на нас оборачиваться, а выйти было не так уж просто, потому что Беатриса и Алиса разревелись, когда Розы их разбудила.

На улице Розы сказала, что больше никогда не пойдёт с нами в церковь, раз мы не умеем себя вести, а Симон сказал, забираясь в автобус Жерара, который уснул, уронив голову на руль: «Ну и хорошо, всё равно церковь достала, и к тому же там суперхолодно». Тут явилась, одёргивая юбку, Полина и спросила: «Что, уже всё?», и Розы сказала: «А вас вообще никто не спрашивал», и Полина ответила: «Вы такая приветливая, Розы, это Господь Бог вам велит такой быть?», и Розы в ответ промолчала и только сидела и стреляла в Полину глазами, и выстрелы были мощнее, чем из револьвера.

Я спросил, почему люди в церкви называют представителя Господа Бога отцом, но Розы только закатила глаза к потолку и ничего не ответила.

Зато ответила Полина: «Потому что священник – он как отец родной для своих заблудших овец, да, Розы?», и Розы тогда притворилась глухой, а Полина: «Ой, Розы, теперь мы дуемся, да?», а Розы: «Скажи спасибо, что тут дети, иначе я бы тебе сказала всё, что о тебе думаю», и мы все тогда: «Давай, Розы, скажи нам, что ты думаешь о Полине», и Розы сразу сдала назад: «Только хорошее, дети, только хорошее».

– Помнишь, Розы, как мы ходили в церковь?

– Я предпочитаю об этом не вспоминать.

И она подлила мне чаю.

– Ну ладно тебе, Розы, не злись, я просто хотел спросить про то, что ты сказала Полине тогда

в автобусе.

Честно говоря, мне просто было интересно посмотреть, как она отреагирует.

Мы, дети, иногда так делаем.

Любим сыпать взрослым соль на рану.

- Иногда ты слишком много думаешь, Кабачок. Полина не плохая. Я ничего не имею против неё, но и защищать её мне тоже не хочется. Просто она уж такая, какая есть.

- Мы между собой называем её как ты - кошкой драной.

И я посмотрел на Рози ангельскими глазами.

Рози рассмеялась: «Нехорошо её так называть», но, судя по смеху, на самом деле она так не думала, и мы друг другу подмигнули.

Потом она меня спросила, люблю ли я Камиллу, и я забрал своё подмигивание обратно.

Камилла и я - это никого не касается.

Я взял последнее пирожное и молча его съел.

Рози не идиотка, она стала поправлять волосы, как будто у неё других дел нет, только это было напрасно, потому что они у неё жёсткие, как солома, и она сказала странным голосом: «Я тебя тоже люблю, Кабачок».

Я посмотрел на Розу, на её книжки и на все наши рисунки, которыми завешаны стены в её комнате.

Я подумал о том, что у неё ничего больше нет и что она вообще-то такая же одинокая, как и мы, дети из приюта, и тогда я подошёл и обнял её.

Мы больше ничего не стали говорить. Обычно объятий бывает достаточно.

Когда я уходил, Роза мне улыбнулась.

И я подумал: как жаль, что у неё нет собственных детей, ведь их она бы могла любить ещё сильнее, чем нас, хоть мне и трудно представить, как можно любить сильнее. Роза не из тех, кто пьёт пиво и разговаривает

с телевизором. Если бы у меня была такая мама, как она, я бы никогда не залезал на чердак и не рылся бы в ящиках её комода. И даже если бы я в них порылся, я бы не нашёл там револьвера. Но если бы у меня была такая мама, как она, я бы никогда не встретил Камиллу, так что всё к лучшему. Иногда я говорю себе, что я «недееспособный несовершеннолетний», как сказал обо мне судья, вот только я-то имею в виду самое плохое, что могут означать эти слова.

Недееспособный. Не способный действовать.

Я понимаю, что совершил страшную ошибку.

И всё-таки иногда я думаю о том, что, если бы я её не совершил, я бы не оказался здесь, у меня бы не появилось моих новых друзей, а главное – у меня не появилось бы Камиллы.

Правда, раньше у меня были Марсель и Грегори, но это совсем не то. Жирный Марсель фигово играл в стеклянные шарики, и мне нечего было ему сказать, кроме: «Ты фигово играешь в шарики», хотя мне и нравилось всё время у него выигрывать. А Грегори мог только засветить мячом в окно и больше вообще ничего не соображал.

А вот с Симоном и братьями Шафуан круто, хоть я и не всегда понимаю, о чём они говорят.

* * *

Ведьма убралась вместе со своей дурацкой сумкой, которую она стиснула под мышкой, с уродским безгубым ртом и тупой шапкой, похожей на ночной горшок.

Камилла вышла из комнаты.

Зелёные глаза были не такими зелёными, как обычно.

- Она как будто специально приезжает, чтобы наговорить мне всяких злых вещей.

- Скажи об этом мадам Пампино, и ведьма больше не будет приезжать.

- Я уже сказала. И ей, и мадам Колетт. Но я слишком маленькая, дорогой Кабачок, и мне никто не верит, понимаешь?

- Но я-то верю!

И мы заглянули друг другу в глаза, и у Камиллы они снова стали привычного прекрасного цвета.

- Когда рядом есть кто-то ещё, она совсем другая. Она изображает из себя добрую маму, гладит меня по голове, называет «бедняжкой», а я этого не выношу, я не хочу, чтобы её руки меня касались, а слова лезли мне в уши. Я её отталкиваю и говорю: «Перестань притворяться, у тебя руки и слова такие добрые, потому что директор рядом, или судья, или мадам Колетт, но, когда мы останемся одни, ты будешь опять говорить мне обидные вещи, я тебя боюсь и больше не хочу тебя видеть». Тогда она складывает губы в букву «о», прижимает руку к сердцу и говорит судье, или мадам Пампино, или мадам Колетт: «Она никак не оправится от шока, бедняжка, надо простить её за это. Вымещает на мне свою агрессию, а ведь у меня никого больше нет, кроме неё, моей бедной овечки, ну а чего же ждать, когда у девочки такая мать, не правда ли, госпожа Колетт?» И каждый раз она выигрывает, я вижу это по их глазам ещё до того, как они скажут: «Ну-ну, Камилла, ты всё-таки немного преувеличиваешь, ты же прекрасно знаешь, что тётя тебя любит». Я их ненавижу, всех.

- Я кое-что придумал, - сказал я.

И рассказал ей на ухо свой хитрый замысел.

- Думаешь, сработает?

- Да, если ты, конечно, не перепутаешь кнопки.

Мы остались в коридоре, чтобы поболтать и посеCRETничать, когда из кабинета мадам Колетт вышел Ахмед со своим папой.

Мы нырнули за ближайшую дверь, и до нас донёлся голос мадам Колетт: «Не беспокойтесь, месье Бураджа, ничего удивительного, ведь Ахмеду было всего два года, когда вы уехали».

Я шагнул вперёд и увидел Ахмеда, который не хотел, чтобы папа его поцеловал.

Тут он тоже меня увидел, и я приложил палец к губам, и Ахмед улыбнулся, и я проговорил одними губами: «Всё хорошо», а Ахмед беззвучно: «Не знаю», и тогда мадам Колетт, которая как раз смотрела на Ахмеда, оглянулась и увидела меня.

– Икар! Что ты там делаешь, почему прячешься за дверью?

(Когда меня называют Икаром, это плохой знак.)

Мы с Камиллой вышли из укрытия.

– Камилла, ах вот как, ты тоже здесь? Идите оба ко мне в кабинет, я сейчас. Простите, месье Бураджа, я вас провожу, если вы не против.

Папа Ахмеда ответил: «Да», и посмотрел на меня, и вид у него был совсем не злой. Он не жевал жвачку, как злодеи в кино, а ещё у него не было небритых щёк, и я не слышал от него плохих слов и только видел доброе лицо грустного папы.

– Итак, дети, что вы там делали, за дверью?

Я не увидел, как психолог вошла в комнату, и подпрыгнул от неожиданности.

– Ничего плохого. – Я лепил сердце из пластилина, чтобы подарить его Камилле.

Я был уверен, что мадам Колетт всё равно решит, что это «симпатичный мячик».

– Кабачок, ты что же, даришь своё сердце Камилле? – спросила она.

- Вот ещё, это просто симпатичный мячик.

И я посмотрел на неё так, как будто она полная идиотка.

- Мы прятались за дверью, - сказала Камилла, - потому что увидели, как вы выходите с Ахмедом и его папой, и испугались, что вы будете нас ругать.

- Почему вы решили, что я буду вас ругать?

- Потому что мы дети, - ответила Камилла.

- А как прошла ваша встреча с тётей?

- А, с тётей. Ну, как обычно. Мымра была ужасно мила.

- Камилла, нельзя так говорить про тётю. Ей тоже нелегко, ты ведь знаешь.

- Ну конечно, ты ведь в это веришь. Всякий придёт, наврёт с три короба, и ты поверишь!

- Икар, будь добр, выйди из комнаты. Мне нужно поговорить с Камиллой.

- Нет, я не хочу выходить, я хочу остаться с Камиллой.

- Икар, ты хочешь, чтобы я вывела тебя силой?

- Ну ладно.

Я посмотрел на Камиллу, проговорил одними губами «кикимора», и вышел, не закрыв за собой дверь, и услышал, как мадам Колетт крикнула мне вслед: «Дверь!», но я притворился глухим и бросился бежать - и бежал, пока не оказался у нас в спальне.

Ахмед лежал, укрывшись одеялом, наружу торчало только ухо плюшевого зайца.

- Ты умер? - спросил я, заглянул под одеяло и увидел там его маленькое лицо всё в слезах, он прижимался носом к плюшевой игрушке.

Ахмед что-то сказал с пальцем во рту, и я ничего не понял, поэтому сел к нему на кровать, вытащил его палец и сказал:

- Скажи ещё раз.

- Это не мой папа.

И из него полилось целое море новых слёз.

- Как это не твой?

- У моего папы была борода и много волос.

- Ты что, больной? Он их сбрил. Тюрьма - это тебе не шуточки. Я видел в кино, как преступник побрился налысо с помощью такой машинки, и его бросили в камеру и через дырку в двери проталкивали ему туда тарелку с жидкой кашей.

- Ничего такого не знаю. Я играл с его волосами и бородой, когда был маленький.

- Ну тебе повезло, что ты это помнишь. Я вот про своего папу вообще ничего не помню. Но если бы я его увидел, я бы его точно узнал, потому что это великан, который разговаривает голосом петуха и носит лаковые туфли.

- Моя мама уехала с каким-то другим месье и больше не хочет меня видеть, папу я забыл, и вот он ко мне приехал, а я его совсем не знаю, поэтому мне страшно, и я не могу с ним разговаривать.

- Он хорошо с тобой говорил?

- Да, он сказал, что ему надо найти себе работу, и что Тони обещал ему помочь, и он приедет за мной через три или четыре месяца, и мы будем жить в красивом доме с большим садом и бассейном.

- А кто такой Тони?

- Месье сказал, что это его друг из тюрьмы.

- А тебе бы хотелось жить в красивом доме с большим садом и бассейном?

- Я не знаю.

- Как это не знаешь?

- Месье сказал, что мы будем жить вчетвером с Тони и Сандрой.

- Кто такая Сандра?

- Месье сказал, что это его девушка, а я не знаю всех этих людей и не хочу отсюда уезжать, я так ему и сказал.

- И что он ответил?

- Что он мой папа, и что я не могу всю жизнь провести в приюте, что мне нужна настоящая семья, как Сандра, Тони и он, и тогда я заплакал. Он мне сказал: «Ты привыкнешь, не горюй», а я сказал, что мне не нужна его семья, потому что у меня есть Симон, и ты, и Камилла, и Роза. Я ушёл, но мадам Колетт поймала меня за рубашку и отвела обратно к месье.

- Я думал, что ты влюблён в своего папу.

- Ну да, я всё время о нём думал, но в моих мыслях он всегда был с бородой и волосами, а сейчас я его совсем не узнаю, и мне к нему не хочется.

- А что ему сказала мадам Колетт?

- Что ему нужно почаще ко мне приезжать, чтобы я к нему привык, и месье сказал, что он постарается, но ему нужно уехать по делам на три месяца. Мадам Колетт сказала: «Понимаю», и месье сказал: «Трудно найти работу, когда ты только вышел из тюрьмы, а мой товарищ Тони нашёл для меня одно дельце в Америке». «Какого рода дельце?» - спросила мадам Колетт, а месье ответил: «В сфере недвижимости».

- Что такое сфера недвижимости?

- Не знаю.

И тут ворвался Симон: «Ну вы и придурки, в музее было так круто!», а потом он посмотрел на Ахмеда и добавил: «А, к тебе же приходил папа, и как он? Судя по твоей роже, не очень?»

Ахмед потянул на себя одеяло и снова накрылся с головой.

- Что случилось? - спросил у меня Симон.

Я объяснил ему, что Ахмед больше не влюблён в своего папу, потому что тот сбрил бороду и волосы, и к тому же Ахмед не хочет жить в красивом доме с бассейном и садом и с Тони и Сандрой, ему больше нравимся мы, дети из приюта.

- Ты больной, Ахмед? - спросил Симон, обращаясь к одеялу. - Тут ведь у нас хуже, чем в самой ужасной тюрьме, хуже, чем там, где был твой папа, потому что нам тут ещё сидеть и сидеть, и конца этому не видно. Нас, конечно, возят в бассейн и в Музей науки и техники, но мы каждый раз возвращаемся в этот наш гнилой барак, и никому отсюда не выбраться, ну разве что в старости. Ты мог бы уехать в красивый дом с бассейном и садом, но выбираешь тюрьму из-за какой-то дурацкой истории с волосами? Никогда не слышал такого бреда.

Ахмед немного высунулся из-под одеяла:

- Вот ты вечно всё про всех знаешь, а сам всегда один, и никто к тебе не приезжает, и даже у мадам Колетт нет ящика с твоим именем. Ты урод, и тебя вообще не существует.

- Меня не существует?! Сейчас я тебе покажу, кого тут не существует!

Симон бросился на кровать и давай колотить Ахмеда, а я закричал: «Симон, перестань!», а он вырвал у Ахмеда плюшевого зайца, и теперь уже закричал Ахмед. Я стал оттащить Симона за плечи и получил от него кулаком в нос, и тут прибежала Роза, и Симон пнул её ногой, а Роза тогда схватила его за волосы.

- Симон! Ты немедленно успокойся и пойдёшь со мной к мадам Пампино. Икар, а ты отведёшь Ахмеда в медкабинет, и приложи платок к носу, он у тебя весь в крови.

Платка я не нашёл, поэтому схватил футболку Симона, которая висела на стуле, и высморкался в неё, и она стала вся красная.

А потом я повёл Ахмеда с его синей щекой и плюшевым зайцем в медкабинет.

- О-ля-ля! - воскликнула медсестра Ивонна.

- Только укол не делайте, - предупредил я.

- Заяц погиб, - сказал Ахмед. Ивонна полечила нас всех такой штукой, от которой щипало, и мы орал кто кого переорёт, кроме зайца, который вёл себя как герой. Ивонна сказала:

- Вот какой храбрый заяц. Всё, готово. - И приклеила пластырь на щёку Ахмеду, ещё один - мне на нос, а последний - на ухо плюшевому зайцу.

- Ну вот, зайцу уже лучше, и вам тоже, так что бегом к себе в комнату.

И мы убежали на суперскорости, потому что у Ивонны очень странно пахнет, и это только Жужуб может проводить сколько угодно времени в медкабинете, хотя у него никогда ничего не болит, не то что у зайца.

Симон внизу на лестнице драил перила.

Ахмед показал ему язык, отпустил мою руку и побежал дальше вместе с зайцем, а я перегнулся через перила и увидел, что Симон плачет, и слёзы перемешиваются с воском на тряпке, и у меня к горлу подкатил комок.

Я спустился к Симону, но тот ничего не сказал, даже плакал он молча.

Он только положил руку мне на плечо, а я сказал: «Не реви, всё в порядке», и он тогда сел на ступеньки и закрыл лицо руками, и выглядело это так, как будто бы ничего не в порядке.

Я не знал, что сказать, поэтому просто тоже сел на ступеньку рядом с ним и ждал, пока грусть пройдёт, и тут к нам прибежала Камилла и спросила у меня: «Что это у тебя с носом?», а я приложил палец к губам, и тогда она тоже села рядом и положила голову мне на плечо, и мы сидели так втроём очень-очень долго.

Потом Камилла встала, взяла воск и протянула мне тряпку.

- Это ведь меня наказали, - сказал Симон.

Мы с Камиллой ответили хором:

- Если тебе плохо, то и нам плохо тоже.

И тогда мы втроём посмотрели друг на друга так, как будто были одни на всём белом свете.

Мы набросились на перила, и Симон теперь снова улыбался.

* * *

Ахмед с зайцем опять залез под одеяло.

- Не хочу, чтобы приходил злой полицейский.

- Но он совсем не злой, - сказал я. - И ты же видишь, он даже одевается не как полицейский, когда ко мне приезжает.

- Я боюсь, что он меня арестует, и наденет на меня наручники, и будет давить мне на голову, чтобы запихнуть к себе в машину, и все будут надо мной смеяться и говорить: «О-ля-ля! Ахмед опять что-то натворил!», и я попаду в камеру и буду там жить очень долго, и, когда я оттуда выйду, меня никто не узнает.

- Тяжёлый ты случай, Ахмед, - сказал Симон. - Вряд ли ты натворишь что-нибудь вроде похищения, которое совершил твой папа, в тюрьму тебя уж точно не отправят. Ты же не виноват, что у тебя такие безответственные родители. Кабачку повезло с полицейским, который приезжает к нему каждое воскресенье с пакетами конфет и всякими нежностями. К тому же он забирает их с Камиллой на все выходные, а мы поедем в Лувр с Розы и учителем, чтобы узнать там разную скучную фигню. Музей не папа, он не обнимет и не захочет забрать тебя отсюда навсегда.

- Не понимаю, что ты такое говоришь, Симон, - сказал Ахмед с ухом зайца во рту.

- Куда тебе что-нибудь понять с твоим плюшевым мозгом, - ответил Симон. - Слушай, Кабачок, там

Реймон тебе машет, и с ним его мелкий, стоит и таращится на нас. Надо ему улыбнуться.

И Симон соорудил такую страшную гримасу, что Виктор тут же нырнул обратно в машину.

- Я голодный, когда мы будем есть? - спросил я у зеркала в машине, в котором видны были одни только глаза Реймона.

- Сюрприз! - ответил он. Не люблю сюрпризы: от них слишком сильно бьётся сердце, а потом можно ещё и разочароваться.

Сюрприз Реймона находится в конце дороги, от которой больно попе, потому что она вся в колдобинах.

Это ресторан.

Какой-то парадно одетый месье отвёл нас к столу, и какая-то мадам подвинула стул, на котором я сидел, как будто бы я инвалид, а потом она раздала нам большущие меню, и Реймон сказал мне: «Можешь брать всё, что захочешь», и я прямо обалдел.

- Ты уже была в ресторане? - спросил я на ухо у Камиллы.

- Да, мама и папа часто меня туда водили, когда не ссорились.

- А я только в кино видел, и мама говорила, что рестораны - это для богатых.

- Твоя мама говорила ерунду!

- Она не виновата, понимаешь, это всё из-за пива и больной ноги.

- Ну как, дети, вы уже выбрали? - спросила у нас мадам с блокнотом и ручкой в руке.

- Яйцо под майонезом и курицу с жареной картошкой, - ответила Камилла.

- Эм-м... И мне тоже.

Рози мне всегда говорила, что у меня глаза завидующие и что я всегда кладу себе на тарелку больше, чем могу съесть, и всё-таки, будь моя воля,

я бы попросил все закуски и все главные блюда, которые были в меню и казались такими вкусными.

Мадам записала всё к себе в блокнот: у старых вообще плохо с памятью.

На десерт мы съели целую гору мороженого.

Реймон расстегнул ремень и пуговицу на штанах, чтобы живот мог дышать, и закурил сигарету.

- Курить плохо, пап.

- Ты прав, сынок.

И он потушил сигарету о дно пепельницы.

Виктор очень заботится о папе. Он тут же сказал, что пить тоже нехорошо, и Реймон отказался от бокала вина, хотя по глазам видно было, что ему очень хочется.

А потом мы пошли прогуляться к реке, и Камилла собирала цветы, а Виктор держал папу за руку, солнце отражалось в воде, и мы видели маму-утку с утятами, и у них был какой-то пьяный вид, плавали они очень плохо, а я шёл и иногда посматривал на небо, оно было совсем голубое, и я был доволен, что на нём не видно ни облака.

Одно-единственное облако появилось чуть позднее, когда Реймон сказал: «Ну что ж, дети, пора ехать».

- А где твоя мама? - спросил меня Виктор, когда сел в машину рядом с папой.

- Виктор, такие вопросы не задают, - сказал полицейский.

- Мама на небе с пивом и арфой, - ответил я.

- А моя - на кладбище, и мы ходим туда её навещать и носим ей цветы. А твоя, Камилла?

- Там, куда её толкнул папа, на дне реки.

- То есть у нас всех троих нет мамы? - спросил Виктор.

- Да, - ответила Камилла и сжала мне руку.

- Виктор! Сядь прямо и, пожалуйста, перестань им надоедать.

- Он нам не надоедает, месье, - сказала Камилла.

- Можешь называть меня Реймон. Ну вот, приехали.

Реймон живёт в маленьком домике прямо у дороги, за домом большой сад, и в нём очень много цветов. Дом стоит на другом конце нашей деревни, и, даже если залезть на крышу, наверное, не увидишь заброшенного дома, в котором жили мы с мамой.

- Теперь садом занимается папа, - сказал Виктор. - Он прочитал кучу книг, потому что совсем ничего не знал про цветы, и сначала их некому было любить, кроме меня, но у меня было слишком много дел, поэтому они отправились в цветочный рай. Но теперь они растут всюду, прямо как сорняки, а всё из-за папы, который включает им джаз. Они обожают джаз.

- Не знал, что цветы любят музыку, - удивился я.

- Очень даже любят, мама ставила им классическую музыку, но от этого они росли очень воспитанно.

- А диско вы не пробовали? - спросил я.

Я представил себе цветы, которые растут кто во что горазд, но тут раздался бас Реймона: «Кабачок, Камилла, поднимайтесь, ваша комната готова».

Комната оказалась огромной, и кровать - тоже, а за окном были видны поля, и ещё Реймон поставил в вазу цветы, которые собрала в поле Камилла, и я их понюхал, но они ничем не пахли.

В комнате мы не успели ничего достать из рюкзаков, потому что стали играть в лудо с Виктором, который прибежал к нам, когда его папа занялся прополкой в саду.

Обычно я мухлюю и никто этого не замечает, я выигрываю и оказываюсь самым крутым.

Когда мы с жирным Марселем играли в шарики на перемене, я показывал пальцем на самолёт высоко в небе или на пучок учительницы, и этот болван сразу отворачивался посмотреть, а я передвигал шарик, и Марсель тогда начинал кричать: «Ты мухлюешь!», а я:

«Нет, я просто круто играю, так что отдавай мне все свои синие!»

С мамой мухлевать вообще было раз плюнуть, она всё равно смотрела только на телевизор.

– Не знаю, в кого ты такой везучий, – говорила она. – Твой придурок отец ни разу не выиграл ни единого су в лотерею, а я в кроссвордах не могу ни одного слова отгадать.

Но при Камилле я не решился мухлевать.

Правда, по привычке всё-таки попробовал.

Я поставил палец на кубик, чтобы поменять цифру и пройти в два раза дальше, и посмотрел на Камиллу, которая как раз показывала Виктору пятно на потолке, – она как будто говорила мне: «Давай, мухлюй, мне плевать», но не смог.

Я оторвал палец, как будто обжёгся, и продвинулся всего на три клетки. Я боялся, что, если смухлю, это отразится в зелёных глазах Камиллы. А я хочу, чтобы они всегда были счастливыми.

Поэтому я проиграл и гордился тем, что пришёл к финишу последним.

Реймон читал газету и смотрел, как мы играем.

Когда я оглядывался на него, он делал вид, что просто читает газету. Но я-то видел, что он не переворачивает страницы.

Он, кажется, думал о чём-то важном, но я не знал о чём и не решался спросить.

Потом он встал и пошёл поговорить с цветами, а я воспользовался его отсутствием, чтобы спросить у Виктора:

– Как это, когда у тебя есть папа?

Виктор задумался.

– Не так хорошо, как когда есть мама.

– Почему? – спросила Камилла.

- Когда мамы не стало, папа больше ничего не хотел делать, он всё время лежал на диване в гостиной, с бутылкой виски в руке, и смотрел телевизор с выключенным звуком. Иногда Дюгомье с работы приходил его проведать, и ему приходилось влезать в открытое окно, потому что звонить и стучать в дверь было бесполезно, папа ни за что не встал бы, чтобы открыть. Я приходил из школы и шёл покупать продукты на деньги, которые брал у папы в кошельке или у мамы в коробочке для мелочи. Потом я убирался в доме и готовил ужин, иначе папа так бы и сидел голодный. Он даже чуть не потерял работу, и только благодаря Дюгомье всё уладилось. Однажды Дюгомье так сильно наорал на папу, что тот проснулся от своего плохого сна. И это было очень вовремя, потому что у меня как раз закончились деньги на продукты. Папа перестал пить и вернулся в полицейский участок, и Дюгомье и все остальные были очень рады, что их шеф снова с ними, а то без него воры совсем распустились и ограбили кучу домов.

- Это ты всё время оставлял окно открытым? - спросил я.

- Да, я думал так: если не придёт Дюгомье, то прилетит птица, или муха, или призрак мамы, и немного отвлечёт папу от грустных мыслей. Но мамин призрак так ни разу и не появился. Может, он не умел летать, к тому же мама не из тех, кто входит в дом через окно, но всё-таки как было бы здорово, если бы её призрак как следует напугал папу, а то вместо него прилетела оса и ужалила его в руку. Я полечил ему руку лекарствами из маминой аптечки и чуть было не перестал оставлять окно открытым для Дюгомье. В тот вечер я помолился Господу Богу и сказал так: «Будь добр, я дам тебе бумажку из папиного кошелька, не надо больше присылать к нам ос, лучше придумай что-нибудь, чтобы пришёл мамин призрак, и всё,

аминь». Господь Бог наконец-то меня услышал, но только первую часть, про ос, поэтому я бросил в копилку в церкви жёлтую монетку и сказал: «Ты не заслуживаешь большего, потому что ты лентяй, аминь».

- Бедный, ты, наверное, всё время грустил, - сказала Камилла.

- На это у меня не было времени, приходилось столько всего делать.

- Ты совсем не плакал по маме? - спросила Камилла.

- Нет, иногда я думаю, что я, наверное, ненормальный, но слёзы никак ко мне не идут, а я очень старался.

- Ты что, вообще никогда не плачешь?

Я просто поверить в такое не мог.

- Нет, плачу. Когда падаю с велосипеда или когда чищу лук, но это всегда быстро проходит.

- А Реймон тебя когда-нибудь бил?

- Ни разу. Разве что иногда прикрикнет, но от этого слёз тоже не бывает.

- А я не понимаю, почему ты думаешь, что папа - это не так хорошо, как мама. Если бы у меня был такой папа, я бы не стал играть с револьвером. Конечно, тебе было, наверное, невесело, когда он целыми днями сидел перед телевизором, особенно если он не включал звук, но, слушай, зато он никогда не всыпал тебе по первое число, и к тому же в нём так много любви, на всех хватит.

- Да-да, у меня самый лучший папа, но мамы обо всём заботятся, понимаешь. И потом, она всё время была у меня в голове. Когда я ходил за продуктами, я думал так: «Она взяла бы вот это или вот это, потому что там железо и витамины, или потому что там столько-то калорий, или потому что это дешевле, или потому что сейчас сезон этого овоща». Когда я наводил порядок в доме, то думал: «Она бы прошлась

с пылесосом за мебелью, потому что пыль прячется повсюду». Когда открывал окна: «Хорошо, что Дюгомье придёт его проведать, а то нас ведь не будет дома». Когда вытаскивал бутылку виски у него из руки и укрывал одеялом: «Она бы сделала именно так».

- А сейчас он уже не пьёт? - спросил я, потому что вспомнил о маме, которая после пива всегда кричала на меня, а то и что похуже.

- Только один бокал вечером, после работы, я ему сам и наливаю, на донышке, безо льда.

- Может, он пьёт тайком, как бородатый Мишель, он иногда оставляет нас в лесу, чтобы отойти «по зову природы». Однажды я за ним проследил и увидел, как выглядит этот его зов природы: как банка пива. Да если бы я даже за ним и не следил, достаточно принюхаться, когда он разговаривает. Так воняет, что мухи дохнут на лету.

- Нет, точно не пьёт, я сам лично прячу бутылку, а Дюгомье делает то же самое на работе, и иногда папа говорит, что мы над ним смеёмся у него за спиной, но это не так, мы о нём заботимся. Мы больше не хотим видеть его несчастным.

- Ты очень храбрый, - задумчиво произнесла Камилла. - Когда мой папа бывал дома, он пил чаще из бутылки, чем из стакана. Мама от этого ужасно злилась. Она запиралась в спальне, и требовала, чтобы он спал на диване в гостиной, и всё время кричала на него - про то, как у неё могла бы быть совсем другая жизнь, если бы она вышла замуж за другого. Она не пыталась прятать от него бутылки. Лично мне кажется, что это ему надо было жениться на другой. Он-то злым не был. А мама иногда становилась похожей на свою сестру-ведьму. Хоть она и штопала сердца одиноких мужчин и работала днём и ночью, её иглы приносили добро только другим. Она никогда не была довольна своей судьбой и винила в этом папу. Она

видела хорошо сшитую одежду и, когда чинила её, представляла себе, что носит такую же. Каждую секунду она мечтала о другой жизни, а свою собственную проживать даже не пыталась. Со мной она обращалась хорошо – думаю, она меня по-своему любила, но она никогда не умела меня приласкать: проведёт только по щеке ладонью или коснётся плеча, как будто бабочка крылом. Это я всегда сама к ней подходила. Садилась к ней на колени, чтобы она меня приласкала, тогда бабочка садилась мне на лоб, и я слышала: «Иди выпей молока, маме нужно работать», вот и всё.

– Твоя мама и ночью работала? – спросил Виктор.

– Да, вообще без перерыва, но по ночам она не пользовалась швейной машинкой – только пальцами и языком.

– С мужчинами, что ли?

– Да, наверное, это снимало с неё напряжение, как гимнастика.

– Папа знал одну такую женщину, она как-то попала к ним за решётку. Однажды они с Дюгомье о ней разговаривали. Папа всё никак не мог понять, зачем она так живёт. Называл её «женщиной тяжёлой судьбы». Он продержал её всего одну ночь, отпустил и попросил больше не появляться в наших краях.

– Маму никогда не сажали в тюрьму. И, судя по довольным лицам месье, она делала им только хорошее.

– И всё-таки твоя мама была «женщиной тяжёлой судьбы».

– Это да, она всё время повторяла, что ей не повезло в жизни.

– А моя этого не говорила, но судьба у неё тоже была не очень – ну, знаете, с больной ногой, и со всеми этими банками пива, и когда разговариваешь всё время только с телевизором, и одежда грязная, и меня она

била ни за что, и у меня потом на щеке долго оставался отпечаток её ладони, но зато она готовила вкусное пюре, и иногда мы с ней здорово смеялись, когда смотрели телевизор.

- Тук-тук! - сказал Реймон, он появился на пороге в соломенной шляпе, садовом фартуке и с большими ножницами в руках. - Вы решили весь день просидеть в доме? Там такое солнце! Может, прогуляемся все вместе?

И мы сказали «да», потому что ему явно было приятно, что мы все - полностью в его распоряжении.

Мы шагали через поля, мягкая земля липла к подошвам, и после очередного поворота мы вышли на дорогу, которая была мне хорошо знакома.

Думаю, Реймон привёл нас туда не нарочно, судя по его лицу.

Было очень странно снова увидеть свой дом.

Трава сильно разрослась, и окно в кухне было разбито, может, это соседский мальчик швырнул туда камень, а может, ветер стучал в стекло слишком сильно, потому что никто ему не открывал.

Я захотел войти внутрь и показать Камилле свою комнату, но Реймон положил руку мне на плечо и сказал: «Туда нельзя входить, это запрещено», и показал бумажную ленту и огромный замок, который висел на двери.

- А в люк на заднем дворе тоже запрещено залезать?

- Какой ещё люк, малыш?

- Пойдём, я покажу. Я залезал в него, когда мама отправляла меня за консервами.

- Ладно, но только ненадолго, - кивнул Реймон.

Мы пошли через заросли травы за дом, я поднял крышку люка, и мы стали спускаться в темноту, и Виктор чуть не подпрыгивал от волнения.

- Прямо как в «Индиане Джонсе», - сказал он.

Камилла держала меня за руку, а Реймон сказал: «Дети, осторожно, не упадите», как будто мы только и мечтали, как бы переломать себе ноги.

Пахло там не очень хорошо из-за протухших фруктов и овощей.

Мы поднялись по лестнице в кухню, и там на полу лежали осколки стекла, под потолком тянулась паутина, и в луче солнца кружилась пыль. Камилла и Виктор вскрикнули, увидев маленькуюдохлуюмышку, и мы полезли ко мне в комнату, там пахло очень странно, поэтому я открыл ставни и увидел соседского мальчика, который смотрел на нас со своего двора.

- Что это за мальчик там на свинье? - спросила Камилла.

- Да так, один тип, который боится всех, кроме своего отца и свиней.

Я помахал ему, и, как ни странно, он помахал мне в ответ.

- Как его зовут? - спросила Камилла.

- Натан. Однажды мне было грустно, и мама сказала, что мне очень повезло. «Ты посмотри на этого рыжего мальчишку, вечно грязный и вонючий, носит отцовскую одежду, подвязывает штаны верёвкой, чтобы не спадали, а футболку ему отец стирает под краном. Они мыла сроду не видели, свитер весь в комьях грязи и изъеден молью, а ноги босые зимой и летом. Ты-то хотя бы немного похож на нормального человека. Благодаря мне ты чистый, у тебя есть рубашки нужного размера, ты ходишь в школу, и, даже если ты там ничему не научишься, по крайней мере ты при деле. Сытый, чистый и есть где жить, а знаешь, сколько детей спят под мостами, если, конечно, они вообще когда-нибудь спят и если у них есть мост, чтобы под ним можно было поспать».

- Я же сказал недолго, Кабачок! - крикнул нам Реймон.

И мы ушли. На пороге я всё-таки оглянулся и увидел, что Натан мне улыбается, и у меня сжалось сердце.

Я никогда раньше не видел, чтобы он улыбался кому-нибудь ещё, кроме свиней.

Реймон отправил нас в душ, потому что мы были все грязные с ног до головы – и одежда, и лица, и руки. Потом мы надели чистую одежду и щедро побрызгались туалетной водой Реймона.

И играли в «Нинтендо» Виктора.

– Дети, к столу! – объявил Реймон и улыбнулся так, что было видно: он одинаково рад всем нам троим.

Мы ели помидоры с петрушкой из огорода, и курицу с пюре, и клубнику со сливками, и всё это оставило следы на футболке Виктора, который ел руками, как Беатриса.

– Виктор, вилка, – сказал Реймон.

– Что – вилка?

– Перестань. Возьми вилку и ешь как следует.

Виктор взял вилку, но у него дрогнула рука, и всё, что было на вилке, свалилось на футболку, и тогда Реймон закатил глаза к потолку, и мы с Камиллой тоже взяли вилки, и у нас дрогнули руки, и еда упала прямо на чистую одежду, и Виктор засмеялся, и Реймон тоже.

Потом мы немного посмотрели телевизор, там показывали футбольный матч, но мы с Камиллой так зевали, что у нас чуть челюсти не сломались.

– Ложитесь-ка спать, ребята. – Реймон крепко нас обнял, и было так странно видеть, как маленькие ручки Камиллы обхватывают его огромную шею.

Камилла опустила голову на подушку и сразу закрыла глаза.

И я тоже не помню, как уснул.

* * *

Утром Реймон на кухне пил кофе.

Он предложил нам провести весь день в «Монстре».

У меня даже тост с джемом выпал из рук.

- Серьёзно? - Я не мог поверить собственным ушам.

С этими взрослыми никогда не знаешь.

- Серьёзно, - ответил полицейский.

- Ву-ху-у-у! - закричали мы с Виктором.

- Что такое «Монстр»? - Камилла выглядела встревоженной.

- Это такой парк, - сказал я. - С поездом ужасов и разными другими штуками. Я один раз ходил туда с Грегори и его мамой, и это было круто! Правда, потом дома на меня наорала мама за то, что я натащил на ботинках грязи и испачкал ковёр, и она не захотела слушать, как я провёл день, поэтому мне пришлось лезть на чердак, чтобы она мне не всыпала по первое число, и там рассказывать про аттракционы яблокам - больше рассказать было некому.

«Монстр» был весь залит солнечным светом.

Как будто бы все дети, которые пришли в парк, с утра драили перила, чтобы аттракционы сверкали как новенькие.

Реймон предложил нам сладкую вату.

Не знаю, почему её называют «папиной бородой» - лично я ни разу не видел, чтобы борода у чьего-нибудь папы была розовой.

Люди иногда вообще не думают, когда сочиняют названия.

Мы шли все вчетвером и жадно разглядывали аттракционы, и под ногами валялись разноцветные бумажки, которые прилипали к подошвам. Виктор взял полицейского за руку и не отпускал всё время, пока мы стояли в очереди к поезду ужасов. Камилла села на железную перекладину, болтала ногами и облизывала палочку от сахарной ваты.

- Осторожно, не проглоти, - сказал Реймон, будто Камилла только о том и думала, чем бы таким продырявить себе желудок.

Взрослые иногда говорят полную чушь - это всё из-за страха, который пожирает им сердце.

Лучше бы посидели в тишине, помолчали.

Послушать их, так получается, что дети - все сплошь полные идиоты, которые спят и видят, как бы поскорее проткнуть себе горло, упасть с велосипеда и сломать шею, скатиться с лестницы и переломать себе руки и ноги или для разнообразия глотнуть вместо колы хлорки.

А если посмотреть на них самих, так эти взрослые только притворяются сознательными людьми, но на деле ведут себя гораздо хуже, чем дети. Ну да, мы не всегда такие послушные, как дети на картинке, но заметьте, это ведь не дети вламываются в чужие дома, или взрывают бомбы, или стреляют из винтовок (ну, не считая меня, - но это был всего лишь револьвер, и к тому же я выстрелил случайно). Вот взрослые всё делают нарочно, чтобы причинить боль или украсть у кого-то нажитое долгим трудом, и это вообще никуда не годится. А потом они спят под мостами и ждут, когда их заберут на небо, чтобы можно было уже ни о чём не беспокоиться.

Итак, поезд ужасов.

Из коробки выскочил скелет и коснулся волос Камиллы, она закричала и прижалась ко мне. Иногда наш вагончик начинал вдруг катиться быстрее. Казалось, что он вот-вот слетит с рельсов, но нет, он подлетал к закрытой двери, которая распахивалась в последний момент, и мы проезжали через паутину гигантского паука, и над головами у нас взмывала в воздух ведьма на метле. Потом вдруг становилось совсем темно, и Камилла щипала меня за руку, и вдруг безголовые чудовища, все с ног до головы в крови,

принимались танцевать в ярких лучах света, и мы зажмуривались, чтобы они нас не сожрали, а когда решались открыть глаза, нас снова и снова пронесло через очередные запертые двери, и, прежде чем мы вырвались наконец наружу, чья-то рука дотронулась до наших плеч, и мы с Камиллой заорали как резаные, и это было круто.

Виктор выскочил из своего вагончика совершенно счастливым.

О его папе трудно было сказать то же самое.

Он с трудом вытащил своё толстое пузо из тесного вагончика.

- Американские горки! - закричал Виктор.

- Точно, Реймон, пойдём на американские горки, - подхватил я, и мы встали в бесконечную очередь, и Камилла поднимала глаза к небу и следила за жёлтой гусеницей, которая летела в бездну.

- Люди в России вот так спускаются с гор? - спросила она.

- Россия - это где? - в ту же секунду спросил Виктор.

- Сразу за Марселем, - ответил я.

Реймон посмотрел на меня:

- Сразу за Марселем?

- Ну да. - Я очень гордился своим ответом.

- Россия в тридцать раз больше Франции и к Марселю не имеет никакого отношения, малыш. Она находится к югу от скандинавских стран вроде Финляндии и к северу от Китая.

- А, ясно, - я немного растерялся. - Наверное, я спал, когда месье Поль показывал нам её на карте.

- Ну и к тому же аттракцион так называется не потому, что в России все вот так спускаются с гор. Просто там есть очень высокие горы, вот и всё.

- А эта штука точно не развалится? - спросила Камилла.

- Точно, - ответил я. - Сердце внутри обрывается, только когда летишь, но на земле оно встаёт на место.

- А, - сказала Камилла, и было похоже, что моё объяснение совсем её не успокоило.

- Тебе совсем не обязательно туда идти, - сказал Реймон. - Если хочешь, подождём мальчиков вон там, на лавочке, съедим по мороженому.

- Нет, спасибо. Если она развалится, я хочу быть там и погибнуть вместе с Кабачком.

- Девочка моя, не волнуйся, она не развалится. Поверь мне. Эти машины проходят серьёзную проверку.

- Мне очень приятно, что вы назвали меня «девочка моя», месье Реймон, но, какую бы они там серьёзную проверку ни проходили, мне всё равно страшновато смотреть на эту штуку.

- Ну тогда и ты называй меня Реймон, и, кстати, уж чего-чего, а разных аттракционов тут предостаточно, не обязательно идти именно на этот.

- Когда чего-то боишься, Реймон, месье, нельзя перед этим отступить, а то страх так и останется с тобой на всю жизнь.

- Ты совершенно права, Камилла. Но ведь американские горки - всего лишь игра.

- Всё на свете игра, месье Реймон.

- Реймон, девочка моя. И это неправда, что вся жизнь - всего лишь игра. Кто тебе такое сказал?

- Никто, я сама это придумала, чтобы защититься от ведьмы, которая хотела, чтобы я называла её Николь, а потом была очень злой. Когда я натирала паркет, я говорила себе, что всё это просто такая игра, и тогда мне было не так грустно.

- Николь?

- Это её тётя, - сказал я. - Настоящая гадина.

- Икар, нельзя так говорить.

- Но ты сам так говоришь. Когда рядом мадам Пампино или судья, она прикидывается, что Камилла -

бедная несчастная малютка, а когда они остаются наедине, становится злой.

- На Рождество мне действительно показалось, что она какая-то странная.

- Кстати, знаешь, Реймон, у нас есть план, как от неё избавиться.

- Икар, что значит «избавиться»?

- Не по-настоящему, конечно, но я не могу тебе рассказать. Это наш секрет.

- Из тебя вышел бы неплохой детектив! - рассмеялся Реймон.

- Да, и я мог бы помогать тебе ловить преступников.

- Ага, и как бы ты это делал?

- Этого я пока не знаю, но ты мог бы меня научить.

- Посмотрим, малыш. Ну, дети, наша очередь!

Мы уселись все вчетвером на первый ряд гусеницы.

Реймон сел с одного края, а я - с другого, чтобы защищать Камиллу, которая вся сжалась, как перед прыжком в открытый космос.

Гусеница с пугающим скрежетом медленно поползла вверх. Все закричали.

Небо было так близко, что казалось, можно достать рукой.

А толпа внизу, наоборот, стала совсем крошечной.

- Если будет слишком страшно, закрой глаза, - сказал я Камилле, и в эту секунду гусеница опрокинулась.

Она покати́лась вниз, и - оп! - мы ринулись в бездну и сделали несколько крутых петель, Камилла закрыла глаза руками, мы ещё немного поднялись и снова обрушились вниз, мы катились всё быстрее и быстрее, и у меня сердце колотилось во всех местах сразу, и казалось, что голова сейчас взорвётся, и было ужасно здорово, а потом сердце оторвалось и поплыло внутри в свободном полёте, и я посмотрел на Реймона, который тоже закрыл глаза, и на Виктора, который кричал

«Нет!», и тут – оп! – резкий спуск, ещё несколько петель, скорость всё больше, новый, последний подъём, после которого опять падение и сумасшедший полёт вниз, и лицо как будто бы улетает куда-то в бездну, а сердце вот-вот выскочит изо рта, и это просто невероятно, вот наконец последняя петля, и Камиллу изо всех сил придавливают ко мне, и она хватается меня за руки, и её глаза смотрят на меня, зелёные-презелёные, и всё это так быстро, так невероятно быстро, и наконец движение замедляется, и полёт окончен.

– Давайте ещё раз?! – закричал Виктор. Он прямо дрожал от восторга, но его папа, белый как мел, показал на огромную очередь, которая выстроилась, пока мы катались, и к тому же Камилла, как мне казалось, вполне заслужила мороженое.

– Давайте потом, – предложил я, и Камилла подарила мне взгляд, полный нежности.

– Когда потом? – расстроился Виктор.

– Всё в порядке? – спросил я у Камиллы, и она кивнула.

– Папа, пожалуйста, – не унимался Виктор.

– Ну ладно, дети, я схожу с Виктором ещё раз. Далеко не отходите. Держите, вот вам деньги, купите себе мороженого.

Камилла выхватила купюру из рук Реймона и потащила меня к тележке мороженщика, и остаться вдвоём с Камиллой – это было ничуть не хуже, чем пойти ещё раз на американские горки, и сердце у меня колотилось с точно такой же силой.

Мы взяли себе по двойному рожку.

Камилла – шоколадно-ванильное. Я – клубнично-фисташковое.

Мы сели на скамейку и сидели там послушные, как дети с картинки.

– Ты испачкался, – сказала Камилла.

- Где? - спросил я и стал осматривать рубашку и штаны, но нигде ничего не было.

- Вот тут.

И она поцеловала меня в губы.

- О! Какая прелесть! - воскликнула проходящая мимо старуха лет тридцати.

Прелесть или не прелесть, старой прохожей это совершенно не касалось, поэтому я дождался, пока она отойдёт подальше, и только тогда поцеловал Камиллу в ответ, и от губ её пахло шоколадом. Мне сразу стало очень жарко, по рукам и ногам побежали мурашки, и я подумал, что, наверное, это солнце воспользовалось тем, что у меня приоткрыт рот, и проскользнуло прямо внутрь тела.

Мне надоело быть послушным.

- Пойдём, я подарю тебе гигантского медведя!

- Кабачок! Это ведь деньги полицейского.

- А я его сам выиграю. Не беспокойся.

Месье из тира протянул мне винтовку, которая стреляла пулями, и я посмотрел на разноцветные воздушные шарики, которым наверняка хотелось вырваться из клетки.

- Простите, - сказал я шарикам.

Если бы сейчас рядом оказался судья, он бы больше не стал называть меня «недееспособным несовершеннолетним», потому что я попал во все шарики и выиграл гигантского медведя.

- А где твой папа? - спросил меня месье с шариками.

- У меня нет папы.

- О, а я думал, месье Реймон с вами.

- Ты знаешь Реймона?

- Да. Это давняя история. Но ему не обязательно передавать, что я вас видел.

Камилла потянула меня за руку. Второй рукой она прижимала к себе гигантского медведя.

- Пойдём, Кабачок, нам пора. Полицейский будет волноваться.

Реймон и Виктор ждали нас на скамейке.

- Откуда медведь? - спросил Реймон.

- Это Кабачок его выиграл, он попал во все шарики. А ещё месье из тира вас знает, но нам не обязательно вам об этом говорить.

- Ах, вон оно как! И где же он, этот торговец медведями?

- Вон там, месье в клетчатом пиджаке.

- Да это же ворюга Жильбер!

- Кто такой Жильбер, пап?

- Похититель автомобилей, я его как-то поймал.

- Мой папа - самый крутой, - Виктор задрал нос от гордости.

А потом добавил шёпотом:

- Особенно с тех пор, как перестал надираться!

Нам всем троим стало очень смешно, и Реймон спросил: «Чего вы смеётесь, детишки?», а мы: «Ничего», - и захохотали ещё громче.

Реймон посмотрел на нас и улыбнулся: «Надо мной смеётесь, да?», и мы: «Нет, что ты!» - и хохочем уже до слёз.

В конце концов мы успокоились, потому что Реймон предложил съесть по гамбургеру с картошкой фри и прокатиться на автодроме.

- Я, чур, с Кабачком, - сказал Виктор.

Я увидел, что Камилла немного расстроилась, и мне было приятно смотреть на её огорчённое лицо, потому что оно означало, что мы уже не можем жить друг без друга.

- Ну что ж, девочка моя, - сказал Реймон, приобняв Камиллу за плечо. - Похоже, у нас нет выбора.

Камилла задрала голову и улыбнулась полицейскому.

- Да, выбора у нас нет, но сейчас мы им навалием!

- Камилла, нехорошо так говорить.

- Конечно, нехорошо, Реймон, но это ведь факт: навалием! По первое число!

И тут ангел Камилла покраснела - и Реймон тоже, потому что она впервые назвала его просто по имени.

Мы очень долго ждали, пока освободятся машинки, и тем временем пили колу через трубочку.

Реймон по очереди сажал нас к себе на плечи.

Одна очень старая дама сказала Реймону:

- У вас такие красивые дети!

- Спасибо, мадам, - ответил ей Реймон.

Виктор посмотрел на нас.

Ведь вообще-то мы никакие не дети Реймона, и, наверное, Виктору не очень-то приятно слышать такие вещи.

- Знаешь, папа, - сказал он, - если бы у меня были брат и сестра, я бы хотел, чтобы они были похожи вот на этих.

И он даже как будто немного прослезился.

А Реймон поперхнулся колой.

А мы с Камиллой заулыбались как идиоты и поцеловали Реймона в щёку, чтобы его утешить.

Виктор взял меня за руку и затолкал в красную машинку, а Камилла тем временем потащила Реймона в зелёную, и он еле-еле туда втиснулся.

И началось.

Виктор бросился таранить Камиллу, а она увернулась от него и врезалась в машину той самой старушки, и Виктор стал вращать руль во все стороны, и мы вернулись к краю площадки, чтобы подкараулить машинку Камиллы и снова её протаранить. Реймон погрозил нам кулаком и сказал со смехом: «Сейчас вы у нас получите!», но он не успел договорить, как какой-то высоченный худой месье врезался в их машинку, и тогда она врезалась в другую, а та - в следующую, и в итоге врезались друг в друга все машинки, кроме

одной – нашей: мы себе спокойненько катались по краю. Наконец куча машинок распуталась, и Камилла на полном ходу полетела наносить нам ответный удар – и настигла нас сзади.

– Осторожно! – крикнул я, но машинка Камиллы оказалась быстрее, чем моё предупреждение, и произошла авария, мы подлетели, оторвавшись от сидений, аттракцион остановился, и нам пришлось выбираться из машинок и предоставлять наши места, ещё горячие от недавнего сражения, новым счастливицам.

– Уже поздно, – сказал Реймон. – Скоро пора возвращать вас в «Фонтаны», мои дорогие.

– Папа! Ещё разок на американской горке, пожалуйста!

– Виктор, мы не успеем.

– Да нет же, успеем, смотри, очереди больше нет!

– Да, очереди нет, но это будет не слишком мило по отношению к Камилле.

– Я уже не боюсь, – сказала Камилла. – А ты, Реймон?

И по глазам полицейского было видно, что мы выиграла ещё одну поездку: он же не позволит себя запугать малявкам вроде нас.

* * *

Орфография начинает действовать мне на нервы.

Нужно переписать предложения, в которых смысл подчёркнутых слов совпадает.

Я сразу вижу, что дело дрянь, потому что ни в одной фразе никакого смысла вообще нет.

1. Мама приготовила телячий язык.

Какая мерзость – есть язык животного.

Переходим к следующему.

2. Арабский язык – национальный язык марокканцев.

Мы с Симоном внимательно осмотрели язык Ахмеда и пришли к выводу, что язык у него точь-в-точь такой же, как у нас, и он заревел, потому что мы слишком сильно тянули.

3. Мой брат учит иностранный язык.

Переходим к следующему, потому что ни у Симона, ни у меня нет брата.

4. Бруно должен держать язык за зубами.

У нас тут никто не знает никакого Бруно.

Очень жаль: это единственная фраза, в которой был хоть какой-то смысл.

Но тут вдруг появилась мадам Колетт и спасла меня от этого идиотского задания.

– Кабачок, директор и Роза ждут тебя в моём кабинете.

– Ну и достанется тебе сейчас, – сказал Симон.

– Нет, Кабачок ни в чём не виноват, – сказала мадам Колетт.

У Симона удивлённо вытянулось лицо.

– В смысле?

– В том смысле, в каком нужно. И я, кажется, пригласила Кабачка, а не тебя? С тобой мы увидимся позже.

Мадам Пампино сидела в кресле мадам Колетт, сама психолог – на письменном столе, а Роза – на пуфике, на котором обычно сидят дети.

Она там едва уместилась со своей толстой попой, и мне было очень трудно не засмеяться, потому что все они смотрели на меня ужасно серьёзно.

– Ну что ж, малыш, мы хотели бы узнать, как прошли твои выходные в гостях у месье Реймона, – начала мадам Пампино.

– Вы что, все трое ради этого здесь собрались?

– Да, малыш.

– И я ничего не натворил?

- Во всяком случае, я ничего об этом не знаю, - сказала мадам Пампино и посмотрела на Рози, но та руками показала, что нет, не натворил.

- Тогда не надо называть меня малышом, мне уже почти десять.

- Конечно, ты уже большой мальчик, Икар, но, знаешь, «малыш» - это просто ласковое обращение.

- Я не малыш.

И тут я подумал про Реймона, который тоже так меня называет, но Реймон - это другое дело, он может называть меня как хочет.

- А зовут меня Кабачок.

Директор посмотрела на потолок.

- Ну так мы тебя слушаем.

- Нам было весело. - Я замолчал.

Не знаю почему, но мне вдруг показалось, что лучше рассказывать им не всё, поэтому мне нужно было немного подумать, а на это требовалось время.

- О чём ты думаешь, Кабачок? - спросила психолог.

- Ну, о ресторане на берегу, о прогулке с утками и о цветах, которые слушают джаз в саду у Реймона.

- Что значит «слушают джаз»? - спросила Рози.

- Вы что, не знали? Цветы очень хорошо растут, если включать им музыку. Иногда такое ощущение, Рози, как будто ты живёшь в пещере с кроманьонцами.

- А что ещё, Икар? - нетерпеливо напомнила о себе мадам Пампино.

- Мы спали в большой кровати.

- Мы?

- Мы с Виктором. Камилла спала в кровати Виктора.

- А он не расстроился, что ему пришлось уступить ей свою комнату?

- Не-ет, Виктор очень добрый. Вот только мне было трудновато уснуть, потому что он без конца говорил.

Я подумал, что меня наверняка поймают на всём этом вранье, особенно если мадам Пампино задаст

точно такие же вопросы Реймону.

Надо будет не забыть позвонить ему и попросить, чтобы он тоже наврал.

- О чём он говорил? - спросила мадам Колетт.

- О том, как он навалял нам с Камиллой в «Нинтендо».

- «Нинтендо»? - переспросила Роза с таким отвращением на лице, как будто бы я рассказывал про телячий язык.

- В их возрасте это нормально, - заступилась за меня мадам Пампино.

- Может, это и нормально, но в таких играх нет ничего хорошего. Они изолируют детей друг от друга.

- Роза! У вас какой-то ретроградный взгляд на вещи! Если ребёнок весь вечер играет в приставку, то, возможно, вы правы, но играть понемногу даже полезно, это развивает рефлексы.

- Что такое ретроградный? - спросил я на случай, если они про меня забыли.

- Дремучий, - объяснила Роза.

- Дремучий?

Я совсем перестал понимать, о чём это они.

- Да, мой дорогой Кабачок. Мадам Пампино хочет сказать, что я дикий человек.

- Этого я не говорила, Роза.

- Нет-нет, Женевьева, вы именно это и сказали. А я вот горжусь тем, что предпочитаю старинные колыбельные всем этим глупым играм. И дети тоже, кстати, с удовольствием их слушают, правда, Кабачок?

- Да, Роза.

Одним враньём больше, одним меньше...

- И всё-таки давайте вернёмся к нашему разговору. Что вы делали в воскресенье?

Голос у мадам Колетт твёрдый, как сухарь.

- Мы ездили в парк «Монстр», - сказал я. - И Камилла немного испугалась американских горок,

поэтому я её защищал, а потом я стрелял из винтовки и выиграл гигантского медведя.

- Реймон разрешил тебе стрелять из винтовки? -
Мадам Пампино подпрыгнула как ужаленная.

Эх, зря я ляпнул про винтовку.

- Да он не виноват, - сказал я. - Виктор хотел ещё раз прокатиться на американских горках, и Реймон дал нам с Камиллой денег, чтобы мы пока сходили и купили себе мороженое.

- Нельзя оставлять детей одних в таком большом парке! - сказала Роза. - Вы могли потеряться, или, ещё хуже, вас могли похитить!

- Ну я же не слабак. Если незнакомец захочет меня увести, ничего у него не получится. По средам у нас ведь дзюдо, так что я ему наваляю!

И в доказательство я ударил кулаком пуфик, на котором сидела Роза.

Питательница от этого подпрыгнула, а мадам Пампино рассмеялась.

- А как отреагировал Реймон, когда узнал, что ты стрелял из винтовки? - спросила психолог.

Я принялся врать не хуже зубного врача: «О, он страшно разозлился и сказал, что я был не прав, когда решил поступить так глупо, и что он больше никогда не оставит нас одних».

- А когда он не злится, как он обращается с тобой и Камиллой?

- Очень хорошо обращается. Он покупал нам сладкую вату и гамбургеры, и катал на разных аттракционах, и сажал к себе на плечи, и держал нас за руки, а вечером он нас обнял перед сном.

- А Виктор?

- Виктор хотел бы, чтобы у него были такие брат и сестра, как мы, но я не знаю, куда ему нужно обратиться с такой просьбой. Возможно, есть супермаркеты, где мамы покупают себе детей,

но, поскольку у Виктора мамы больше нет, боюсь, он в пролёте.

- Ну хорошо, - сказала директор с улыбкой. - В следующую субботу ты опять поедешь к Реймону, но на этот раз без Камиллы.

- Почему? - спросил я разочарованно.

- Потому что к ней на выходных собирается тётя.

- Может, ведьма её отпустит?

- Икар, нельзя так говорить о взрослом уважаемом человеке.

- Мадам Пампино, ничего уважаемого в ней нет, и она даже никакой не человек, когда разговаривает с Камиллой. Спросите у месье Поля или у Реймона, что они думают о ведьме, сами увидите.

- Мне нет необходимости у них спрашивать. Они уже сами мне всё рассказали. Так или иначе, их отношения тебя не касаются, и ты не присутствуешь на их личных встречах, а значит, не можешь знать наверняка, о чём они разговаривают между собой.

- Я не присутствую, но Камилла мне всё рассказывает, так что я всё знаю. Роза говорит, что нашими устами глаголет истина, а ведьма - не младенец и вообще не ребёнок, поэтому её дурацкими устами глаголет одно только враньё, и Камилле от этого плохо. А если Камилле плохо, то плохо и мне.

Мадам Пампино встала и подошла к окну. Она смотрела не знаю куда, и можно было подумать, что её вообще больше нет в комнате.

Роза мне подмигнула, и я ей улыбнулся.

Психолог сидела на столе и читала бумаги директора, а это нехорошо делать тайком.

- Можно мне уже идти? - спросил я.

Мадам Пампино обернулась.

- Ты не замечал ничего странного в Симоне?

Я немного растерялся, но всё-таки сказал «нет».

- Тебя не удивляет его осведомлённость?
- Его что? - не понял я.
- Ты никогда не задумывался, почему Симон всё про вас знает?

А я ведь не стукач и не хочу, чтобы Симону влетело, поэтому я говорю:

- Нет, просто мы сами ему всё рассказываем.
- Хорошо, теперь можешь идти, - сказала мадам Пампино. - Но я бы хотела, чтобы ты не рассказывал о нашем разговоре Симону. Я могу на тебя положиться?
- Конечно, - сказал я, но пальцы за спиной, конечно, скрестил.

А потом я побежал в нашу комнату и всё рассказал Симону, хотя и не должен был этого делать.

- Нельзя нарушать обещания, - сказал Ахмед.
Симон молчал, и настала странная тишина.
- Почему ты ничего не говоришь? - спросил я встревоженно.

- Не твоё дело, - ответил Симон.
И он вышвырнул плюшевого зайца Ахмеда в окно.
- Достали, - бросил он и захлопнул за собой дверь.
Но дверь хлопнула не так уж и громко по сравнению с плачем Ахмеда.

* * *

В среду у Беатрисы был день рождения. Ей исполнилось девять.

Камилла нарисовала праздничный торт с разноцветными свечками, и мы все написали под ним свои имена и прикрепили рисунок скотчем на стене в кухне - и каждый раз, когда приходили есть, смотрели на него и с нетерпением ждали среды и шоколадного торта, который испечёт повар Фердинан.

Иногда, если мы ведём себя хорошо хотя бы неделю (а это не так-то просто, потому что мы «бешеная мелюзга», как говорит Полина), Фердинан разрешает нам мыть листья салата или отрывать хвостики от клубники или зелёной фасоли.

Однажды Борис взял большой острый нож с зубчиками, чтобы почистить картошку, и Фердинан закричал: «Это опасно, ты отрежешь себе руку!», а Борис ответил: «Ну и ладно, у меня есть ещё одна», – и разрубил картофелину на две половинки. Фердинан строго указал на него пальцем: «Немедленно отдай нож», тогда Борис швырнул нож, и он пролетел в каком-то миллиметре от уха Фердинана и воткнулся в стену. С тех пор Борису больше не разрешают приближаться к кухне, а когда другие туда ходят, он говорит, что это не по-товарищески. Зато Антуан туда теперь тоже не ходит – это, наверное, по-братски.

Жужуб на кухне не может удержаться и ест всё подряд, даже хвостики от клубники. Однажды он проглотил тесто для пирога и потом два дня пролежал в постели, и Симон сказал, что он это устроил для того, чтобы не ходить в школу. Жужуб иногда совсем ничего не соображает.

Как-то раз он был таким голодным, что стал пытаться выловить макароны прямо из кипящей воды, и тогда пластырь ему на руку в кои-то веки приклеили по делу.

Симон говорит: «Я не встречал таких обжор, как Жужуб», а Беатриса на это вынимает палец из носа и говорит: «И хорошо, а то бы у нас совсем не осталось еды».

Борис поливал жареную картошку кетчупом из соусницы.

Я спросил у него на ухо:
– Что такое импотент?

Борис опрокинул всю соусницу себе на картошку, и Роза его отругала, а он сказал:

- Я не виноват.

Я успел вспотеть от страха - думал, он меня выдаст.

Я ел крем-карамель, когда Борис ответил мне на ухо: «Импотент - это когда у тебя не сто́ит», и я ничего не понял, и стал дожидаться, когда мы поедем на автобусе Жерара, и тогда отозвал Бориса в сторону и снова спросил: «Когда что не сто́ит?»

- «Стоит» - так говорят, когда пиписька становится твёрдая, как деревяшка.

- А, - сказал я. - Это больно?

- Вот про это ничего не знаю.

- А почему пиписька становится твёрдая, как деревяшка?

- Потому что там происходит эрекция.

- А что такое эрекция?

- Слушай, ну иногда кажется, что ты с Марса прилетел. Ты что, никогда не смотрел фильмов для взрослых?

- Почему, я по телевизору всякие фильмы смотрел, и детские, и взрослые, но не понимаю, какое это имеет отношение к пипиське, которая становится твёрдой, как деревяшка.

- Всё-таки Симон прав, что у тебя не все дома.

- Симон так про меня говорит?

- Слушай, ну тебя интересуют фильмы для взрослых или нет? Если нет, я лучше плеер послушаю.

- Нет, расскажи, пожалуйста.

- Фильмы для взрослых - это такие фильмы, которые смотрят папы, когда мамы уходят за покупками, или когда они встречаются пообедать с подружками, или когда они спят, потому что ночь. Папам тогда становится скучно, и они смотрят фильмы для взрослых. Фильмы - дурацкие, там нет ни Брюса Уиллиса, ни погонь на машинах, ни катастроф,

от которых нужно спасти планету, просто люди, которые всю дорогу только и делают, что раздеваются и залезают друг на друга. Мы с Антуаном их смотрели, когда родители уходили к друзьям играть в карты, а няня засыпала в гостиной на диване. Мы шли в кабинет к папе и смотрели кассету, которую Антуан нашёл как-то раз, когда искал пульт от видеоманитона. В этих фильмах девушки жутко накрашены, и они страшные, и у них нет других интересов, кроме как садиться на какого-нибудь месье (и эти месье всё время разные).

- Садиться на месье?

- Да, и в конце все засыпают или курят, а потом мы поставили другую кассету, потому что няня проснулась, и стали смотреть «Крепкий орешек» или «Армагеддон», и это было уж лучше.

- Ерунда какая-то, а не фильм. В любом случае, я скажу Камилле, что пиписька её папы не становилась твёрдой, как деревяшка, потому что ему она была нужна для других целей - просто чтобы ходить в туалет. Ей будет приятно это услышать.

В автобусе Жерара сидели все, кроме Беатрисы, которая рисовала в кабинете у психолога. Симон сказал, что лучшим подарком для неё было бы, если бы её мама наконец решилась сесть в самолёт. Мадам Пампино дала нам карманных денег, и я каждые пять минут проверял, не выпали ли мои двадцать франков.

Жужуб прилепил свои монеты себе на глаза и изображал монстра, но они очень быстро отвалились. Одна монета упала и покатила к Полине, которая в это время разговаривала с Жераром, и Жужуб был слишком толстым и не смог пролезть под её сиденье, поэтому он заревел, а Полина обернулась и сказала: «Жужуб, вернись на место, я разговариваю с Жераром, ты что, не видишь?», и Жужуб ответил: «А мне пофиг», и тогда Полина встала и схватила Жужуба за ухо: «Ах,

тебе пофиг, ну тогда поговорим по-другому». Жерар сказал: «Оставь парня в покое», и Полина выпустила ухо Жужуба из пальцев, как будто бы обожглась, уселась обратно на своё сиденье и надулась, потому что Жерар включил Патрика Брюэля слишком громко.

Камилла залезла под сиденье Полины и достала монетку, и Жужуб за это поцеловал её в щёку, и мне захотелось расцарапать ему лицо, не знаю почему.

В деревне все вышли из автобуса, и только Жерар остался внутри и закурил.

- Ты не идёшь? - спросила Полина.

- Нет, магазины - это не по мне.

А мы это дело обожаем.

Камилла примерила колечко, такое же розовое, как очки у Беатрисы.

- Очень красиво, - сказала Полина и сама стала примерять кучу разных украшений, но ничего не покупала из-за этикеток, которые были к ним прикреплены.

Борис и Антуан намазали себе губы помадой, смотрели друг на друга в зеркало и хохотали.

Продавщица и Полина не увидели в этом ничего смешного.

- Прошу прощения, - сказала Полина. - Дети, сами понимаете...

- Я-то понимаю, мадам, - ответила продавщица. - Но с вас сто пятьдесят франков.

Полина достала из сумочки кошелёк, протянула продавщице большую купюру и всё это время смотрела на братьев Шафуан, которые вытирали рот бумажными салфетками.

- Вы что, не можете нормально себя вести, да? Это для вас невыполнимая задача? Нет, ну надо же, помада за сто пятьдесят франков! Когда вернёмся, я всё

расскажу мадам Пампино, и посмотрим, когда вам в следующий раз захочется так себя вести!

Продавщица нам подмигнула, как будто говорила: «А она не подарок, да?»

- Только попробуй - пожалеешь, - сказал Симон.

- Чего?

- Я говорю, только попробуй рассказать директорисе, и я тогда расскажу ей про твоего жениха.

- Про какого? - спросила Полина, как будто у неё их целая толпа.

- Того, который с тобой обжимается, пока мы в бассейне.

Тут Полина раскрыла рот, но из него так и не вышло ни звука.

Братья Шафуан отдали все свои деньги за куклу, которая смеётся, когда ей нажимаешь на живот. Жужуб купил два пакета печенья с шоколадом, один для себя, другой - в подарок Беатрисе, но съел оба пакета раньше, чем дошёл до кассы.

Ахмед заплакал, когда продавец сказал:

- Вот этот заяц? Он стоит сто франков, дружище.

Какая-то дама, которая стояла рядом с кассой, возмутилась: «Как вам не стыдно, месье, довести до слёз ребёнка!» - и посмотрела на продавца так, как будто бы он настоящее чудовище, и подарила зайца Ахмеду, и мы все посмотрели на неё так, как будто она фея. Все, кроме Полины, конечно, потому что она всё ещё дулась.

* * *

Все подарки лежали грудой у неё на тарелке, и Беатриса подпрыгивала от нетерпения. Она так бешено вертелась на стуле, как будто ей под попу подложили клопов, и в какой-то момент совсем исчезла

под свёртками, а потом забралась на стул с ногами и стояла там, и держала палец в носу, и хохотала, и мы видели её розовый-прерозовый язык и белые-пребелые зубы, а она сама ничего не видела, потому что у неё стёкла очков были все в шоколаде.

Мы очень обрадовались, что месье Поль приехал к нам в приют поужинать вместе с нами.

Хоть какое-то разнообразие, а то мы уже устали от всех этих его «стеклянных, оловянных, деревянных».

Камилла потянула Беатрису за юбку:

- Давай уже открывай свои подарки.

Беатриса вынула палец из носа и тут же затолкала его в рот.

Казалось, она сейчас расплачется.

- У меня ещё никогда не было столько подарков на день рождения.

- Начинай вот с этого, - сказал Жужуб и показал на свой свёрток.

- Жужуб, ты всех достал, - сказал Симон.

- Дети, что за слова! - крикнула Роза.

- Я ничего такого не говорил, - заревел Ахмед.

Беатриса свернулась калачиком, и Камилла сняла с неё очки. Теперь она видела свои подарки, а мы - её слёзы.

- Не плачь. - Камилла взяла её за руку, но это не помогло.

Слёзы из глаз Беатрисы так и хлынули - настоящий водопроводный кран!

Роза подняла её и усадила к себе на колени, и Беатриса уткнулась ей в шею, как будто хотела спрятать там всю свою печаль.

- Ну, ну, мышонок, всё пройдёт, - приговаривала Роза, похлопывая её по голове, и было видно, что Роза сама очень растрогана, у неё даже голос дрожал и губы тоже, и казалось, что ещё чуть-чуть, и она тоже заплачет.

- Но ведь я тоже страдаю! - сказал Жужуб и показал свой пластырь.

- Жужуб, умолкни, а? - сказал Борис. - У тебя этот пластырь уже две недели, там даже царапины не осталось.

И Жужуб больше ничего не стал говорить, а сидел и дулся, но мы уже привыкли, даже месье Поль, и все просто подняли глаза к потолку. И вот Беатриса вытерла слёзы маленькими кулачками и выхватила самый большой подарок, который лежал под остальными свёртками, и куча обрушилась, и Беатриса засмеялась, и Розы тоже, и месье Поль, и даже Жужуб перестал дуться.

Самый большой свёрток был от Розы, в нём оказалось платье в красно-белую клетку, завёрнутое в красивую белую бумагу, и Беатриса положила бумагу себе на голову, и казалось, что она выходит замуж, но не знает за кого. Теперь ей уже совсем не хотелось плакать, она разрывала узлы и цветную обёрточную бумагу, как будто бы спешила куда-то на свидание, а мы все забрались с ногами на стулья, и Розы даже на нас не кричала, и мы тоже развязывали узлы и разрывали бумагу, но только одними глазами - нам ужасно хотелось увидеть подарок раньше, чем Беатриса, но вот она уже прижимает его к себе, и это плюшевый заяц Ахмеда. Она прошептала в его плюшевое ухо слова, которых мы не услышали, осторожно положила его на платье в красно-белую клетку и разорвала очередной свёрток, и там оказалась кукла от братьев Шафуанов, которая смеётся, когда ей нажимают на живот, и Беатрис ещё об этом не знала, она нажала нечаянно, и кукла засмеялась, и Беатрису это напугало, и она застыла и спрятала палец в носу, и глаза у неё стали огромными, когда Алиса в свою очередь тоже коснулась живота куклы. Беатриса выдернула куклу из рук Алисы и крикнула:

- Моя!

Алиса задрожала, как будто в комнате наступила зима.

Она стала похожа на листок, который вот-вот сорвётся с дерева и упадёт, и она действительно упала, и казалось, на полу лежит просто ворох тряпок и волос.

- Как нехорошо, - сказала Роза и поспешила утешить Алису. Беатриса посмотрела на месье Поля, который показывал ей большие глаза, а когда Камилла что-то шепнула ей на ухо, вид у бедняжки стал такой, как будто она вот-вот опять заплачет. Беатриса встала и подошла к кучке тряпья, которую прижимала к своей груди Роза, и посмотрела на Розу, которая делала вид, что не видит её, поднялась на цыпочки и немного потрясла Алису за плечо, и тогда та повернула голову, но лица было не видно за волосами, поэтому Беатриса немного отодвинула их в сторону и погладила веснушки на лице Алисы, а потом поднесла к её обезумевшим глазам куклу.

- Держи, это тебе.

Она не увидела улыбки Розы.

Только улыбку Алисы, едва заметную, как искорка.

- Спасибо, - произнесли её губы и поцеловали куклу.

И все захлопали в ладоши, кроме Жужуба: «Вот я бы никогда не отдал своего подарка», на что Симон сказал: «Конечно, ты бы его съел», и это рассмешило даже куклу. Беатриса надела на палец розовое колечко, а на голову - наушники, которые подарил ей месье Поль. Потом развернула рисунок Жужуба: пляж, на нём деревья с перьями вместо листьев, в небе - большое солнце, а под солнцем лежит на песке маленькая чернокожая девочка в розовом купальнике.

- Роза мне немного помогала, - признался Жужуб. Беатриса его не слушала.

Она смотрела на рисунок так, как будто бы оказалась внутри.

- Это очень похоже на мой дом, - сказала она и погладила пляж пальцем, и по щекам у неё опять потекли слёзы, и стало совсем не похоже на день рождения.

- Я хочу есть! - крикнул Жужуб, и в кои-то веки это было кстати.

Все сразу забыли про печаль. Когда человек хочет есть, ему ни до чего. Тёртая морковка, рыба с макаронами и под конец - шоколадный торт, который испёк повар Фердинан. Рози и Камилла зажгли на нём девять свечек, и мы суперфальшиво запели «С днём рожденья тебя!», а Беатриса так сильно дунула на свечки, что вся шоколадная пудра слетела на Ахмеда.

Он стал таким же чернокожим, как Беатриса.

Жужуб слопал свой кусок вместе с воском от свечки, а заодно и кусок Алисы, которая предпочла играть с куклой, которая смеётся, и после этого его затошнило, и Рози увела его в медкабинет.

А мы остались с месье Полем. Беатриса уснула у него на плече, и слышно было только, как смеётся кукла и как братья Шафуан играют в словарь.

- Атаксический.

- Лимфатический.

- Нефритический.

А потом я уже ничего больше не слышал.

Я положил голову Камилле на колени и тоже уснул.

* * *

Я без передышки задавал Рози вопросы.

- Во сколько мы уезжаем?

- А Полина с нами едет?

- А что у нас в чемоданах?

- А что мы будем есть на горе?

И Розы вздохнула:

- Это просто невероятно, не ребёнок, а мельница с вопросами!

- А что такое мельница?

Она уже хотела взорваться от возмущения, но я сказал: «Шучу!», Ахмед заревел непонятно почему, и Розы сказала: «Вы моей смерти хотите?», а Антуан тогда: «Розы, ты что, с ума сошла? Как мы будем без тебя жить?»

Всё это происходило ещё до того, как мы сели в поезд вместе с лыжами и огромными сумками, вот только у Жужуба сумки не было, он забыл её на вокзале, пока покупал печенье. Я прилип к окну и запоминал образ Розы, которая не поехала с нами, и представлял, что везу её с собой.

Розы говорит, что горы – это очень высоко и что она на стул-то боится залезать или в окно выглядывать: у неё от этого возникает желание свалиться в пустоту. Я на это сказал, что спас бы её от такой глупости и не дал свалиться с горы, но Розы ответила, что она всё равно уже слишком старая, чтобы кататься на лыжах и играть в снежки.

Я не могу спасти Розы от старости.

Я уезжал с тяжёлым сердцем, и Симон мне сказал, что мы ведь сможем звонить ей по телефону, и на сердце у меня стало немного легче, и вот мы приехали на гору, и я ни разу не вспомнил, что собирался ей позвонить.

Я вертелся и никак не мог уснуть.

В итоге встал потихоньку, чтобы не разбудить остальных, и пошёл к Яйцеголовому, который поселился в другой комнате.

- Спишь? – спросил я.

Я включил лампу и потряс питателя за плечо.

- Что такое, Кабачок, ты чего тут?

Я уселся к нему на постель:

- Мне не спится.

- Иди к себе в комнату и считай овец. - И этот балбес отвернулся к стене.

Я немного подождал и сказал:

- У меня в комнате нет овец, и к тому же там слишком темно и ничего считать не получится.

Яйцеголовый не ответил, и это вывело меня из себя.

Я крикнул ему в самое ухо:

- У меня в комнате нет овец!

Питатель подскочил на кровати: «Ты больной или как?», стал тереть глаза и смотреть на меня, и видно было, что я победил: «Ну ладно, давай рассказывай, чего тебе не спится», - и он зевнул, и зубы у него оказались совсем жёлтые.

И вот я стал рассказывать, как холод пробирается сквозь здоровенные лыжные ботинки и морозит пальцы ног, и руки так замерзают в толстых варежках (совершенно неудобных, потому что в них невозможно разворачивать фантики), что годятся только чтобы держать лыжные палки, да и то только в тех случаях, когда стоишь на ногах, потому что большую часть времени ты сидишь на попе в снегу.

Лыжи - это примерно как наступить на банановую кожуру.

Всё время падаешь.

И спускаться этим их плугом у меня не получается, никакого плуга у меня нет и не было, я падаю то вперёд, то назад, то вбок, Камилла тоже, хотя вот Симон - тот стоит на ногах, спускается плугом и говорит, что это нефиг делать, и инструктор доволен и просит нас делать так же, но мы всё время падаем, как будто и ходить разучились.

Падать вообще-то больно, если, конечно, ты не Борис или Антуан, которым никогда не бывает больно и которые всё время хотят скатиться ещё, а мы

говорим: «Чур, без нас», – и ложимся в снег, и смотрим на инструктора как на какое-нибудь чудовище, особенно Жужуб, который, когда падает, ещё и подскакивает обратно, как резиновый.

Но это мы, конечно, так, в шутку.

На самом деле инструктор никакое не чудовище.

Его зовут Бальтазар, но мы его зовём Батаза, из-за Беатрисы, у которой по-другому не получается.

Например, меня она зовёт Кабатёк.

Батаза очень добрый: он гораздо больше времени проводит на корточках, поднимая нас из снега, чем на ногах, объясняя, как делать этот их идиотский спуск плугом.

Губы у него всегда блестят и пахнут клубникой. Лицо очень загорелое – ну ещё бы, он ведь целыми днями на солнце с детьми. А очки зеркальные, и в них виден ты сам.

Что нравится лично мне, так это подниматься по склону лесенкой.

Я поднимаюсь, как будто бы на снегу есть ступеньки, и вот это действительно нефиг делать. Проблема только в том, что, поднявшись, надо опять спускаться вниз, а это я умею делать только сидя на попе.

Ахмед так рыдает, что инструктор зажимает его у себя между ног, и Ахмед больше не падает и говорит: «Нефиг делать!», но потом инструктор его всё-таки ненадолго отпускает, и Ахмед врезается в ёлку, но это не страшно.

Все остальные тоже хотят, чтобы Батаза их прокатил между ног, кроме Жужуба, который лежит на снегу и ест печенье, и кроме меня, потому что меня совсем не тянет врезаться в ёлку.

Мне это напомнило мамину аварию и тот дуб, из которого потом сделали стол и кровать. А мне совсем не хочется об этом думать.

Камилла прибегает запыхавшись и говорит мне, что было здорово. Я не хочу выглядеть трусом в её глазах, поэтому я закрываю свои и делаю всё так, как просит Батаза. Сгибаю ноги в коленях и ставлю лыжи в перевёрнутую букву V.

В конце я открываю глаза, и Батаза говорит, что я будущий чемпион, а Камилла целует меня в щёку, и мне так жарко, как будто бы её губы – батарея парового отопления.

Иногда я смотрю, как взрослые пытаются ухватиться за большую лыжную палку, которая отнесёт их на вершину трассы, но эта большая палка выскользывает у них из рук, и поднимается сама по себе, и врезается в снег, и я тогда думаю, что мы ничуть не хуже взрослых, которые постоянно делают вид, что всё знают и умеют.

Лично я, когда стану взрослым, буду всегда подниматься на вершину трассы лесенкой.

После занятия мы сели в «яйцо» – так называется кабина подъёмника – и поднялись на вершину горы, чтобы пообедать. Яйцеголовый сказал: «Посмеялись, и хватит!», но мы никак не могли успокоиться и хохотали как сумасшедшие.

Мишелю было совсем не смешно, потому что Ахмед уронил лыжную палку в огромную дырку в «яйце», которую там как будто специально для этого проделали.

Я очень обрадовался, когда мы наконец приехали в ресторан, потому что мне страшно хотелось писать, но оказалось, что за вход нужно заплатить два франка, которых у меня не было. Я подпрыгивал на одной ноге и сжимал рукой пипиську, и в самую последнюю секунду меня спас Яйцеголовый.

Потом мы ели картошку фри и мясо на террасе, и там было так солнечно, что нам стало жарко. Тут

пришёл Мишель с палкой Ахмеда, он, видите ли, вывихнул руку из-за того, что снега слишком много.

Я не очень внимательно его слушал.

Я смотрел на Камиллу.

И чувствовал себя очень странно – как будто бы сердце играет с желудком в футбол.

Но этого я не стал рассказывать придурку Яйцеголовому, хоть и благодарен ему за то, что не написал тогда в штаны.

– Ладно, Кабачок, – сказал он. – А теперь возвращайся в кровать, иначе завтра будешь спать стоя на лыжах.

Он отвернулся к стене, но я сказал:

– Я ещё не рассказал тебе, что было после обеда.

– Расскажешь завтра, – зевнул Яйцеголовый.

– Нет, сейчас, – безжалостно ответил я.

Взрослые люди всегда и всё переносят на завтра.

Вообще-то это бесит.

– Я сплю, – сказал Яйцеголовый.

– Нет, не спишь, иначе ты не мог бы этого сказать.

– Слушай, ну будь человеком, уходи, а то я сейчас разозлюсь.

– На что же тут злиться? Я всего лишь надеялся, что тебе будет интересно узнать, что со мной происходит, но теперь-то я отчётливо вижу, что ты меня не любишь.

– Это неправда, и ты сам это прекрасно знаешь.

– Нет, ничего такого я не знаю.

– Ладно, – вздохнул он. – Рассказывай.

И я начал рассказывать ему о канатной дороге.

Мне было очень страшно, и я держался за перекладину, чтобы не выскользнуть наружу.

У меня даже ноги дрожали, когда я смотрел на людей внизу. А потом на середине горы подъёмник вдруг остановился, и снизу на нас дул ветер, как на аттракционе.

- Сейчас разобьёмся, - пошутил я, хотя мне было совсем не смешно.

Тогда Камилла сжала мою варежку, и больше я уже не боялся.

На вершине спуска Батаза убедился в том, что мы все хорошо пристегнули лыжи к ботинкам, и я смотрел, как одна женщина поправляет лыжи и костюм маленькому мальчику, и я не один на неё смотрел.

Симон сказал:

- Повезло ему.

Борис:

- Может, это и не его мама.

Жужуб:

- Но если это его мама, она заботится только о нём одном.

Беатриса:

- Моя мама ещё красивее.

Камилла:

- Ага, но кнопку вот тут ты всё-таки не застегнула.

Алиса:

- Всё равно мамы - это теперь не для нас.

И она была права.

Я в последний раз взглянул на женщину, которая сняла рукавицы, и застёгивала мальчику куртку, и натягивала ему шапку пониже, чтобы спрятать уши.

Я всегда одевался сам, и, если застёгивал куртку не на ту пуговицу, мне никто ничего не говорил.

Даже мама, потому что она смотрела телевизор.

Она никогда не была для меня такой мамой, как эта для своего мальчика.

- Каникулы - забава для богачей, - говорила она.

В школе Марсель и Грегори смеялись надо мной, потому что я никогда не был ни на море, ни в горах.

Сами-то они много раз спали в палатке в кемпинге, и я больше не хотел их слушать, потому что мне было не по себе от их рассказов про каникулы богачей.

А теперь я, наверное, стал богачом, раз смог поехать на каникулы.

Если бы я не убил маму, я бы так никогда и не узнал, что такое горы.

В горах трассы обозначены разными цветами.

Мы спускаемся по зелёной, а взрослые – по чёрной.

Симон говорит, что зелёная трасса горизонтальная, а чёрная – вертикальная, вот почему мы никогда на неё не ходим. Если с неё упасть, то падать будешь очень долго. И потом над горой будет летать вертолёт и собирать кусочки, потому что ты себе всё переломаешь.

А мне и зелёная трасса кажется супертрудной.

С тех пор как Симон рассказал мне про вертолёт, я смотрю на небо каждый раз, когда падаю, но вижу над собой только лицо Батаза, и он помогает мне подняться.

Вернувшись в лесной домик, мы устроили классную битву снежками.

Алиса и Ахмед смотрели на нас издалека. Ахмед предпочёл сосать ухо зайца, а Алиса не хочет драться.

Она говорит, что это у неё на всю жизнь.

А мы обожаем друг друга обстрелять.

Потом мы построили снеговика, чтобы Алиса и Ахмед не стояли одни слишком долго. Мы приделали ему два камешка вместо глаз, нос-морковку и соломинку-улыбку.

Я бросил рассказывать всё это Яйцеголовому.

Всё равно никакого смысла.

Этот придурок давным-давно храпел.

* * *

В последний день каникул бородач Мишель сказал, что мы отправимся подышать «свежим горным

воздухом», как будто бы до этого мы дышали выхлопными газами.

Но, наверное, прогулка могла пойти на пользу его руке, которая вся была перебинтована.

Мы все напоминали эмблему шин «Мишлен» – из-за толстых свитеров и курток нас можно было принять за надувных человечков.

Солнце потихоньку растапливало снег на еловых лапах, и иногда, если нарочно потрясти, он обрушивался большими кучами, и в это время лучше было держаться от ёлки подальше.

Мы с Камиллой сняли по рукавице, чтобы держаться за руки, и иногда я засовывал наши руки к себе в карман куртки, чтобы немного их согреть.

Идти по снегу очень смешно: идёшь и оставляешь о себе напоминание в виде следов. Иногда под ногой у меня что-то трещало, я не знаю, что это было, и мы с Камиллой представляли себе, что это кости скелетов, и нам становилось страшно, но всё-таки топтать кости лучше, чем цветы, которые, может быть, пытались выбраться наружу из-под толстого белоснежного ковра. Иногда дорога становилась совсем узкой, нам приходилось идти друг за другом, и я пропускал Камиллу вперёд.

– Осторожно, не подходите слишком близко к краю, можете поскользнуться и упасть, – сказал Яйцеголовый.

Как будто мы все мечтали свалиться в пропасть – ну, просто посмотреть, что там да как.

Какая красота – все эти ёлки, одетые в белые одежды, и крыши домов, и весь этот снег – снег, на который никогда не ступит нога человека и под которым трава и цветы дожидаются лета, чтобы снова начать расти.

Мороз сохраняет траву и цветы, как морозильная камера.

- Кабачок, пойдём, а то отстанем, - сказала Камилла.

Я посмотрел на неё: длинные волосы, выбившиеся из-под шапки, стали совершенно белые, как будто за время пути она состарилась.

На свете нет улыбки прекраснее этой: она освещает всё лицо, как лампочка, которую включили над головой, и она красивее горных вершин и белоснежных ёлок, спускающихся по склонам в долину.

- Чего? Что там у меня? - спросила Камилла.

- На свете нет ничего прекраснее тебя, - сказал я.

Она смешно скривилась и сказала:

- Есть много девочек, которые гораздо красивее меня.

- Правда? Где это ты таких видела?

Я огляделся по сторонам и стал делать вид, что ищу этих самых девочек.

- Ты считаешь, что я красивая?

Камилла скрестила ноги и смотрела куда-то в снег прямо под собой, как будто бы ответ должен был прийти оттуда, из толстого белого ковра.

- Самая красивая на свете.

Я поцеловал её в щёку и посмотрел вперёд, там уже никого не было видно: «Пойдём скорее, а то нас будут ругать», и мы поспешили, но не слишком, чтобы не сломать себе ногу, и вся наша группа сидела под большим деревом, и бородач нас отругал.

Мы снова отправились в путь, солнце спряталось, и большие белые облака закрыли всю небесную синеву.

- Вперёд, ребята, приют уже совсем близко, - сказал Мишель.

Мы укрылись в деревянном домике, чтобы съесть бутерброды, и вдруг в небе сверкнула молния и прогремел гром - так неожиданно, что мы все

подпрыгнули, особенно Алиса и Ахмед, которые немедленно спрятались под столом.

- Скоро утихнет, - сказал Яйцеголовый.

Но голос у него был не слишком уверенный. Какой же он всё-таки трус!

- Мы будем здесь ночевать? - с надеждой спросил я.

- Нет, этот дом не годится для ночлега, - ответил Мишель.

- Потому что тут нет зубных щёток и мыла? - пошутил Симон.

- У нас мало еды, и к тому же это помещение не приспособлено для того, чтобы в нем спали.

- Мы умрём от голода? - забеспокоился Жужуб с набитым ртом.

- Конечно, нет. Эти грозы всегда быстро проходят, - успокоил его Мишель.

- Надо было посмотреть прогноз погоды, - заметил Яйцеголовый.

- Ну хватит ныть, - сказал Мишель. - Борис, помоги мне разжечь огонь.

- Ух ты! Класс!

- Можно я тоже помогу? - спросил я.

- Да, делай комочки из этих старых газет.

- А мне что делать? - спросил Борис.

- То же самое.

- А мне? - спросил Симон.

- Возьми брёвнышко и положи его на кучку бумаги в камин. Да, вот так, молодец.

Мишель чиркнул спичкой, и мы все подошли к огню, кроме Алисы и Ахмеда, которые не желали выбираться из своего укрытия.

Мишель предложил игру.

Придумывать по очереди общее длинное предложение.

Каждый говорит слово и повторяет слово предыдущего игрока, чтобы из этих слов получилось

предложение. Беатриса ничего не поняла, поэтому, когда настала её очередь, забыла повторить слова, которые назвали до неё, и выбыла.

Следующим выбыл Яйцеголовый, который забыл слово «анорексичка» (его назвал Борис), за ним – Жужуб: он пропустил слово «фиолетовый» от Беатрисы, потом – Симон, потому что не назвал слово «вместе», придуманное Мишелем.

В какой-то момент у нас получилось: «Мадам Пампино съела анорексичку-булимичку в фиолетовом купальнике, которая чистила кабачки вместе с луком, ведь почтальон забыл отправить свою фуражку».

Камилла добавила:

– Потому что.

Антуан:

– Месье.

Я:

– Поль.

Игра пошла быстро, потому что нас осталось всего трое, и мы добавили ещё целую кучу слов, пока Антуан наконец не выбыл, потому что забыл «булимичку» Жужуба.

Мы с Камиллой посмотрели друг на друга.

Я дождался, чтобы она отбарабанила: «Мадам Пампино съела анорексичку-булимичку в фиолетовом купальнике, которая чистила кабачки вместе с луком, ведь почтальон забыл отправить свою фуражку, потому что месье Поль прятал помидоры от красного павлина на зелёном чердаке», и нарочно пропустил слово «зелёный» перед чердаком, так что Камилла выиграла и была объявлена победительницей, и я очень гордился своим поступком.

– А вот и гроза прошла, – радостно объявил Яйцеголовый.

Я протёр рукавом свитера запотевшее окно. Снаружи всё было белым, даже дорога, которую замело

снежной бурей. Я почувствовал, как кто-то взял меня за руку, и оглянулся.

- Можно возвращаться домой? - еле слышно спросила Алиса.

- Да, Алиса, можно возвращаться домой.

И я почувствовал, как её маленькая ручка крепко сжала мою ладонь.

* * *

Было очень странно снова оказаться в «Фонтанах» после каникул, проведённых в снегах. Тем более что на смену величественному белому ковру пришёл дождь, и мы не могли больше ходить гулять в лесу из-за ям, в которые «можно провалиться и утонуть», как говорит трус Яйцеголовый.

Как будто бы по средам в бассейне нас не научили плавать, ну, всех, кроме Ахмеда, конечно, потому что он всегда плавает с кругом, чтобы не захлебнуться.

И потом, настоящая проблема была не в каких-то там ямах, а в том, что Яйцеголовому не хотелось пачкать свои новые кроссовки, и из-за этого он лишил нас прогулки, а это несправедливо.

Поэтому мы с Симоном стащили у Фердинана кетчуп и вылили его на «аидасы» Яйцеголового, так ему и надо.

Правда, он настучал мадам Пампино, и нас с Симоном лишили десерта на целую неделю, но нам плевать, потому что Фердинан не любит Яйцеголового и по секрету подкармливал нас яблоками.

А потом на нас обрушилась неприятность куда серьёзнее, чем лишение десерта.

Всё произошло из-за Полины.

Она забыла в «Фонтанах» сумочку и в два часа ночи вернулась за ней и наткнулась на Симона.

Симон сидел и читал её блокнот. Полина разбудила всех, как будто Симон хотел её убить или, что ещё ужаснее, украсть кошелёк, который лежал у неё в сумочке.

- Я его прямо за руку поймала! - кричала она, хотя это полная ерунда, потому что ни за какую руку она никого не хватала, просто увидела, как Симон сидит и читает этот её идиотский блокнот.

А её кошелёк он вообще не трогал.

Очень ему нужны фотографии её женихов!

Рози ужасно распереживалась.

Она винила себя за то, что не заметила Симона, когда прятала ключ.

Она говорила:

- Я могла бы убрать его в карман, и ничего этого не произошло бы.

Вот почему Симон всё про нас знает.

Я не умею хранить секреты.

Я всё время поскорее избавляюсь от них, потому что мне кажется, что я лопну, если буду держать их в себе.

А тут уже речь идёт не о том, чтобы «драить перила» или остаться без десерта хоть на целый год. Симон вышел из кабинета директора с таким лицом, что страшно было смотреть, и сказал:

- Меня выгоняют.

Я пошёл к мадам Пампино и стал её уговаривать.

- Женестьева, вы не можете так поступить. Симон хороший, и кошелёк он вообще не трогал!

- Мне приятно, что ты наконец-то зовёшь меня по имени, но я не могу оставить подобный проступок безнаказанным. Симон будет переведён в другой детский центр, более строгий, и я надеюсь, что это послужит ему уроком. Информация, которая касается вас, конфиденциальная. И я знаю, что он, слава богу, не украл ничего из того, что было в кошельке!

- Но ведь вы любите Симона, он приходит к вам домой, чтобы слушать месье Моцарта!

- Ты, оказывается, многое знаешь, малыш.

- Не называйте меня малышом, особенно если собираетесь забрать у нас Симона! Я вот не читаю никаких блокнотов, но у меня есть уши, и я не могу ими не слышать. И мне совершенно ясно, что у вас нет ни сердца, ни чего-нибудь ещё, иначе вы бы никогда так не поступили. Это Полину нужно наказать за то, что тот месье с ней обжимается по средам, пока мы в бассейне.

- Подожди, подожди.

- Да! И она не стесняется задирать юбку и разевать рот пошире, чтобы месье засунул туда свой язык!

- Ладно, ею я займусь позже. Икар, понимаешь, Симон, как и вы все, ребёнок, которому не повезло. Его родители умерли. Я хорошо знала его маму и обещала заботиться о нём, если с ней случится несчастье. А наркотики, малыш, это очень большое несчастье.

- Очень большое несчастье - это если вы его отправите в другое место. Ему будет очень плохо без вас, Женевьева, а нам без него будет ещё хуже.

- Ничего, мы сможем это пережить. Пойми, я не могу поступить по-другому. Я бы и тебя вынуждена была отправить в другой приют, если бы на месте Симона в ту ночь оказался ты.

От этих её слов у меня внутри похолодело.

Навсегда потерять Камиллу и всех моих друзей!

Мне даже думать о таком страшно, не то что пережить на самом деле.

- Ну-ну, Икар, не делай такое убитое лицо, речь ведь идёт не о тебе, а о Симоне. И отменить своё решение я уже не могу.

Я вышел из кабинета директора с тяжёлым сердцем, как будто шёл к реке с огромным камнем в руках. Камилла ждала меня за дверью, и ей не пришлось

спрашивать, как всё прошло с мадам Пампино, – ответ был написан у меня на лице.

Рози проходила мимо и согрела нас своей улыбкой.

– Детки мои дорогие, – сказала она.

И больше ничего.

Она понимала, что дела Симона плохи.

Села на лавку и стала вдруг выглядеть так, как будто ей сто лет.

– Кошка драная настучала, – сказал я. – Но ведь в нашей жизни ничего не меняется, если даже Симон всё про нас знает, правда, Рози?

– Не меняется, – ответила Рози.

– Ты ни в чём не виновата, – сказала Камилла. – Ты-то нас любишь. Ты бы никогда никого не выдала.

– Но теперь всё будет по-другому! Уж теперь я позабочусь о том, чтобы Полина ответила за свои поступки, можете не сомневаться!

И она встала, снова ожившая и помолодевшая, и постучалась в дверь мадам Пампино.

В кухне было так тихо, что даже мухи не решались пролететь, только вилки постукивали по тарелкам, хотя ел из всех нас один Жужуб, остальным было не до еды.

Я вспомнил свой первый завтрак, на котором Симон пригрозил испортить мне жизнь, если я не буду намазывать маслом его тосты.

Скоро уже восемь месяцев.

Но сейчас никто бы не поверил, что он может быть таким задирой.

Он ни на кого не смотрел и катал серые шарики из хлебного мякиша.

Фердинан испёк его любимый торт с меренгой и шоколадом, но Симон посмотрел на угощение так, как будто это телячий язык.

– Симон, это ведь для тебя Фердинан приготовил такую красоту!

Голос Розы должен был звучать строго, но в нём не было ничего такого. На самом деле ей просто хотелось, чтобы Симон улыбнулся, хотя бы разочек.

- Плевать, - огрызнулся он.

- А мне - нет. - И Жужуб схватил себе здоровенный кусок.

- А ну не трогай! - Розы хлопнула Жужуба по пальцам вилкой.

- Ай! Ты мне палец сломала!

- Точно, - мрачно подтвердил Симон. - А голова как, не болит?

- Конечно, болит, как всегда, - сказала Алиса.

- Ну хорошо, раз вы все против меня, то я пошёл в медкабинет.

- Правильно, сходи к Ивонне, - поддержал его Симон. - А мы пока от тебя отдохнём.

- Отдохнёте, да! - крикнул Жужуб. - А ты скоро окончательно от меня отдохнёшь!

И поскакал прочь, как заяц, за которым гонится лиса.

- Зачем он так сказал! - заревел Ахмед. - Я совсем не хочу, чтобы ты от нас уходил!

- Ну-ну, мышонок, не надо плакать, - сказала Розы.

И сама разрыдалась, а за ней - Беатриса, и братья Шафуан, и у меня стало щекотно в горле, и у Камиллы тоже, Алиса залезла под стол, а Симон обхватил голову руками и спрятал лицо.

Теперь даже если бы сотня мух принялась кружить рядом с нами, мы бы их не услышали, потому что у всех текло из носа, и мы громко шмыгали.

- У меня есть идея, - вдруг всхлипнула Камилла.

И вот мы все идём решительным строем, готовые снять с Полины скальп, если она попадётся нам на пути, стираем кулаками слёзы, и на щеках остаются боевые разводы, как у настоящих индейцев, и мы даже в дверь

не стучимся, а просто вваливаемся все разом в кабинет к директору.

- Розы, объясните, пожалуйста, что это за вторжение!

- Женестьева, мы пришли вас просить не отсылать Симона.

- Розы!

- Я знаю. Это на меня не похоже, и за тридцать лет работы здесь я ни разу ни на что не жаловалась и не выражала недовольства. И хотя это всё не мои дети, мне-то кажется, что они мои, и я не могу видеть их такими несчастными.

- Но вы же понимаете, что Симон совершил непростительное нарушение?

- Мадам директор, - зарыдал Ахмед. - Если Симон уедет, я здесь не останусь. Я тогда уеду в Америку с тем месье и стану самым несчастным человеком на свете, и ты будешь в этом виновата!

- Ахмед, послушай, но ведь это не так уж и плохо - уехать с родным папой.

- Это не мой папа! - буркнул Ахмед.

- А у меня никого нет, - сказала Алиса. - И если вы отправите Симона, я больше никогда не буду улыбаться. Но если Симон останется, я обещаю завязывать волосы резинкой, и ещё я тогда вам обязательно улыбнусь.

- Ну пожалуйста, мадам, - взмолился Борис. - А мы обещаем всегда-всегда себя хорошо вести!

- И ещё я мог бы навести порядок у вас в кабинете, - сказал Антуан. - Смотрите, как тут пыльно.

Он провёл пальцем по полке, и палец стал чёрный.

- Симон ведь знает не только то, что в этих блокнотах, - заметила Камилла. - И, хоть он и знает всё про нас, он никому не желал зла. А вот вы, получается, желаете нам зла, раз хотите отобрать у нас брата. Как

будто бы мы и без того не были достаточно несчастными со всеми нашими бедами, без мам и пап!

- Она права, - поддержал я. - Не надо этого делать, Женевьева, и не надо думать, что мы сможем это пережить. Мы все заболеем, и виновата в этом будешь ты.

Наши голоса вдруг слились в один, и комната наполнилась общим криком: «Пожалуйста!», и было так странно, что в этот момент на губах у нас читалось одно и то же, и сразу после этого слова в кабинете директора настала полная тишина.

Мадам Пампино вертела в руке карандаш.

Мы все смотрели на этот самый карандаш, и нам казалось, что прошла уже целая вечность.

Наконец мадам Пампино сказала:

- Ладно, я подумаю.

И мы все бросились к ней и чуть не задушили объятьями и поцелуями, а Роза прижала Симона к себе, и я думаю, что она заплакала, во всяком случае, плечи у неё дрожали.

* * *

Роза говорит, что я схватил насморк, когда играл в футбол под дождём.

Симон и Ахмед уехали в школу вместе со всеми.

А я должен лежать в постели и, когда пытаюсь встать, чувствую себя очень странно, всё крутится, как на карусели, и приходится держаться за стол, чтобы не упасть.

Медсестра Ивонна дала мне термо-что-то-там и велела зажать между губами, а потом поднесла палочку к лампе, посмотрела на неё и сказала, что у меня жар, и тогда я спросил у неё: «Я умру?», а она:

«Конечно, нет, что ты говоришь! Обыкновенная простуда!», но я ей не поверил.

Я сказал себе: «Ну вот и всё, это конец, теперь я отправлюсь на небо, а я даже не умею играть на арфе». Я опустил голову на подушку, и смотрел на потолок, и видел ангелов с большими чёрными крыльями, а что было дальше, я не знаю.

Наверное, я всё-таки немного умер, потому что не помню, как Роза оказалась на краю моей постели с книжкой в руках.

- Ну как ты, малыш?

- Я решил, что уже умер.

- Не надо так говорить. Подумаешь, простудился.

- Да, но у меня ещё и сильный жар.

- Будешь принимать лекарства, и всё пройдёт. Не беспокойся.

Не знаю, в чём тут дело - в её голосе или в том, как она на меня смотрит, - но, когда Роза рядом, мне даже умирать не страшно. Ивонна с её разными медицинскими штуками - совсем другое дело.

Мне не нравится, когда она заставляет пить воду, в которую подмешала какую-нибудь вонючую гадость, а потом сразу уходит, потому что у неё куча других детей, которых тоже нужно лечить, и я остаюсь один со своими насморком и жаром, и это несправедливо. Меня как будто бы наказали, потому что все мои друзья уехали и Камилла тоже, а я остался.

Приятно только то, что, когда болеешь, можно ныть и никто тебя за это не отругает, а наоборот, все будут очень к тебе добры. Даже мадам Пампино заходила спросить, как у меня дела, и я сделал очень грустные глаза, и мадам Пампино сказала: «Бедный малыш», и оставила у меня на столе целую горсть конфет, а я сделал вид, что мне их совсем не хочется, но, как только она ушла, принялся разворачивать и жевать, как

будто кто-то собирается их у меня отнять, и потом меня затошнило, и вместе с насморком и жаром это было уж слишком.

- Что это за книга? - спросил я у Розы, поднимаясь на подушках, от которых немного пахнет куриным сараем, ведь я не мылся со вчерашнего дня.

- Это история маленького туарега.

- Кто такой туарег?

- Туареги - это кочевники, они живут в Африке, в пустыне Сахара.

- А кто такие кочевники?

- Кочевники - это народ, который никогда не задерживается надолго на одном месте.

- Почти как мы?

- В каком-то смысле да.

И Розы рассказала мне историю туарега Хассана, моего ровесника, который целыми днями сидит на спине у верблюда, путешествуя по пустыне под очень горячим солнцем - солнце там даже ещё горячее, чем мой лоб. Хассану хотелось бы слезть с верблюда и пойти пешком, но песок раскалённый и к тому же в него можно провалиться и исчезнуть под ним навсегда. Поэтому Хассан ждёт ночи. Сначала он делает несколько шагов под шатром, но там приходится ходить кругами, как зверю в клетке. И когда его семья засыпает и все храпят так, что можно разбудить диких хищников, Хассан выходит наружу. Звёзды рисуют в небе стрелки, когда он сбивается с пути, тёплый песок твердеет, чтобы мальчик в него не провалился, дикие хищники прячутся в темноте, чтобы его не напугать, и Хассан может осуществить свою мечту и наконец без опаски прогуляться пешком. Он идёт по пустыне несколько часов, а когда возвращается и ложится спать, то не знает, что время остановилось на время его прогулки, чтобы он успел выспаться и не чувствовал себя усталым, когда настанет день. Он может спать

спокойно, а ангелы пустыни будут его охранять, потому что у него больше нет ничего, кроме его снов.

- У него есть родители, - сказал я.

- Да, но родители должны разбивать лагерь, прокладывать маршруты, следить за тем, чтобы верблюды не убежали, и ни у кого нет времени на маленького туарега.

- Дурацкая история. Мальчику повезло, у него есть семья, а он мечтает о том, чтобы походить по песку, потому что весь день сидит на верблюде.

- Это сказка, Кабачок.

- Ну, значит, я не люблю сказки. У нас тоже не очень много всего есть. Может, мы и не живём в пустыне и мы много гуляем по лесу, конечно, кроме тех дней, когда Яйцеголовому не хочется пачкать новые кроссовки, но у нас тоже нет своих домов и мы совсем как кочевники, потому что всё время надеемся на то, что в один прекрасный день двинемся отсюда куда-нибудь дальше, и те, у кого есть родные, так же несчастны, как этот Хассан. Какой смысл иметь семью, если у твоих родных нет времени на то, чтобы быть рядом с тобой и любить тебя?

- Но тут ничего не говорится о том, что Хассана не любили родные. Жизнь в пустыне тяжёлая, тяжелее, чем в деревне или в городе, и у его семьи просто нет выбора. Хассан счастлив, потому что осуществил свою мечту, и он не знает, что в этом ему помогли ангелы.

- Ты думаешь, что и за нами присматривают ангелы, и звёзды рисуют на небе стрелки, когда мы сбиваемся с дороги, и время остановится, если мы пойдём ночью гулять в лесу?

- Конечно, мой дорогой Кабачок.

- Кажется, сегодня утром я видел ангелов с большими чёрными крыльями.

- Где это? - встревожилась Роза.

- Прямо у меня над головой, сразу после того, как принял лекарство Ивонны.

- Наверное, ты уснул, малыш, а может, это были тени, которые пробились через закрытые ставни.

- Нет, это были ангелы с большими чёрными крыльями, - сердито буркнул я.

Какой смысл рассказывать истории про ангелов, которые заботятся о ребёнке, если сам в них не веришь?

Иногда взрослых хочется встряхнуть, чтобы разбудить ребёнка, который спит у них внутри.

Мне из-за всего этого совсем не хочется взрослеть.

Я-то уверен в том, что и феи, и ангелы обо мне заботятся, иначе как бы я встретил Камиллу?

Ангелы несли меня в пустыню Хассана, но их перья выскользнули у меня из рук, я начал падать и кружиться в солнечных лучах и вдруг почувствовал, как кто-то ласково касается моих волос. Тогда я открыл глаза и увидел перед собой моего собственного ангела.

- Я включила свет, - сказала Камилла. - Тут у тебя ничего не видно.

- Смотри, как бы Розы не заглянула. Если она тебя тут увидит...

- Не беспокойся, они все на кухне. Я сказала, что не очень хорошо себя чувствую.

- Это правда?

- Нет, - улыбнулась Камилла. - А ты как поживаешь? Вот тебе повезло, можно целый день спать!

- Не знаю, повезло ли, ведь я целый день тебя не вижу.

И Камилла нежно поцеловала меня в губы.

- Осторожно! - сказал я. - Подхватишь мой жар!

- Ну и трус! - засмеялась она. - Ты просто боишься Розы!

- Да, - признался я.

Ну и получим мы по первое число, если нас застукают здесь вдвоём. Но мне так хотелось поцеловать Камиллу в ответ, и вот мы сидели и смотрели друг на друга не мигая, и я обхватил её лицо двумя руками, как драгоценную салатницу, которую боюсь уронить. Я поцеловал её, и глаза у меня были широко открыты. Мне казалось, что сердце сейчас взорвётся, было так страшно от мысли, что какой-нибудь питатель может увидеть, как мы обнимаемся, но в то же время это было так здорово, и время как будто остановилось, как в той сказке, чтобы задержать наш поцелуй, и тут Камилла вдруг спрыгнула с кровати.

- Я слышала какой-то шум.

- Это моё сердце.

- Нет, больше похоже на шаги Розы.

- И кто из нас трус? - засмеялся я, но тут и сам услышал чьи-то шаги, шепнул Камилле: «Быстрее, за кровать!», и через секунду в комнату вошла Розы.

- Всё хорошо, малыш?

- Да, только устал немного.

- Ну, хотя бы поел хорошо, молодец.

Она нагнулась, чтобы забрать поднос, и я задержал дыхание - на случай, если Розы услышит дыхание Камиллы.

Она сказала:

- Приготовлю тебе молоко с печеньем и вернусь.

И она вышла, и я подумал, что сейчас умру от страха.

- Как хорошо, что она ушла. - Я заглянул за кровать. Камиллы там не было.

Она ведь ангел. Наверное, улетела или просто исчезла.

* * *

Симон говорит:

- Иногда всё идёт как в замедленной съёмке, и это называется скука.

Но я с ним не согласен.

Я просыпаюсь. Чищу зубы. Моюсь. Роза проверяет, с мылом или без. Завтракаю. Смотрю на Камиллу. Бегу в автобус. Узнаю, что в конце слов женского рода после шипящей пишется мягкий знак. (Это полезно знать, потому что, когда эти слова произносишь, никакого мягкого знака в конце не слышно.) Потом перемена. Мы с ребятами играем в шарики или догонялки. С Камиллой ни во что не играем. Возвращаюсь в класс. Месье Поль объясняет нам электричество. Я ничего не понимаю. Полина уехала и даже с нами не попрощалась. Никому не жаль, что она уехала. Особенно Роза. Рассказываю мадам Пампино, как мне понравилось ставить опыты по электричеству. Беру себе конфет из её запасов. Проглатываю полдник и смотрю на Камиллу. Праздную день рождения Жужуба. Потом Бориса. Алисы. Делаю уроки вместе с Симоном и Ахмедом. В понедельник вечером смотрю телевизор. В среду иду в бассейн. А на выходные мы с Камиллой едем к Реймону.

Вот и закончилась неделя. Почему же Симон говорит, что всё идёт как в замедленной съёмке?

К тому же Симон всё время оказывается там, где не положено, можно подумать, он это нарочно. Он как раз проходил по коридору, когда мадам Пампино и Полина разговаривали про месье, который обжимается с ней по средам, пока мы в бассейне, и Симон стоял под приоткрытой дверью и всё слышал.

- Наверняка это Роза, - сказала Полина. - Она-то, конечно, не постеснялась вам насплетничать.

- Неважно, кто мне об этом рассказал, - ответила директор. - Ваша задача - присматривать за детьми, пока они находятся в бассейне.

- Они же были с Мишелем, всё в порядке, никто не утонул.

- То, что вы делаете в свободное время, меня не касается. Но если вы на глазах у детей обнимаетесь с незнакомым мужчиной, это, извините, совершенно недопустимо.

- Да какой он незнакомый! Вы его прекрасно знаете, это...

- Не надо! Мне это неинтересно. Ваше поведение недостойно звания педагога.

- Да что вы говорите?! А если я поступлю как достойный педагог и расскажу месье Клерже историю с учительскими блокнотами?

- Нет никакой истории, - ответила мадам Пампино. - И не советую вам обращаться к судье, иначе я лично займусь вашим делом, и, поверьте мне, ваше увольнение из «Фонтанов» покажется пустяком в сравнении с тем, что вас ожидает.

- Я пошутила, мадам Пампино. - И Полина захлопнула за собой дверь.

Но, судя по походке, ей было сейчас совсем не до шуток.

Не знаю, что рассказала директору Розе, но зато хорошо помню, что сказал я сам, чтобы спасти шкуру Симона, и, честно говоря, когда я увидел, что Полина уезжает вот так, ни с кем не попрощавшись, я почувствовал себя виноватым.

Розе сказала:

- Тебе не в чем себя винить, мышонок. Эта драная кошка могла всё рассказать судье, и тогда мадам Пампино вряд ли смогла бы помочь Симону.

Но главное - наш хитрый замысел сработал.

И ведьма даже ничего не заподозрила.

Когда Камилла вошла в комнату, у неё в кармане лежал магнитофон Бориса.

Ведьма заперла дверь на ключ.

- Теперь сюда уж точно никто не заглянет. В прошлый раз я оплошала, как последняя идиотка.

- Как поживаешь? - спросила Камилла, как будто ничего не слышала.

- С чего это тебе вдруг интересно, как я поживаю?

- Просто хотела узнать, как у тебя дела, дорогая тётя.

- Не называй меня так. Я предпочитаю не вспоминать о том, что мы с тобой родственницы.

- Если бы это было так, ты бы, наверное, больше сюда не приезжала?

- Размечталась. Я человек долга и поместила тебя сюда, потому что у меня нет никакого желания с тобой возиться. И средств на это у меня нет. Я честно зарабатываю на жизнь. Я даже не решаюсь предположить, чего бы ты мне стоила, если бы продолжала жить у меня. И потом, от тебя будет гораздо больше проку, когда ты достигнешь совершеннолетия. А до той поры хорошо бы тебя научили манерам. Правда, здесь, как я посмотрю, этим никто не занимается. Впрочем, я подумываю забрать тебя отсюда.

- Почему?

- Потому что тебе нужны не нежности, а твёрдая рука, которая выбьет у тебя из головы все бредовые идеи.

- Какие ещё идеи?

- Не пытайся казаться глупее, чем ты есть. Здесь ты делаешь только то, что хочешь, и не имеешь ни малейшего представления о том, что ждёт тебя снаружи. Что ты себе возомнила? Что будешь всю жизнь питаться святым духом? Если бы я была твоей матерью...

- Ты бы утонула.

- Не смей говорить со мной таким тоном. Кто ты вообще такая? Несчастливая сиротка, уродливая,

невоспитанная, одеваешься как распутница. Но чего же тут удивляться, когда твоя мать спала с каждым встречным, а отец с утра до ночи не просыхал?

- Почему ты такая злая? Я же не сделала тебе ничего плохого, я ни о чём тебя не просила, и, может, из меня и не вышло пока ничего хорошего, но, если бы папа был жив, он бы не позволил тебе так говорить обо мне.

- Это уж точно, он бы и меня пришиб. Он только в одном был хорош! Взять хотя бы твою мать - видала, что он с ней сделал? А ты уже сейчас на неё похожа. Тоже станешь гулящей, это у тебя на лбу написано.

- А гулящие - они какие? Такие, как ты, тётя?

- Вот чему тебя тут учат! Но долго это продолжаться не будет, уж можешь мне поверить.

- К тебе я никогда не вернусь, а если ты захочешь отдать меня куда-нибудь ещё, я скажу об этом полицейскому.

- Твой полицейский ничего мне не сделает, закон на моей стороне.

- А если бы кто-нибудь услышал, как ты со мной тут разговариваешь, тогда на чьей стороне был бы закон, а, тётя?

- Это что, по-твоему, кино? Думаешь, тут повсюду видеокамеры и дети-пройдохи стоят под дверью и подслушивают? Никто тебе не поверит, твоё слово против моего мало чего стоит. Я уже предупредила вашу директрису, что у тебя патологическая склонность к мифотворчеству. Бедняжка, враньё из тебя так и лезет - ну, неумудрено с такой мамашей.

- Что значит мифотворчество?

- Это значит, что ты врёшь как дышишь и выдумываешь разные вещи, которых на самом деле нет!

- Но это ведь ты такая, а не я!

- Мир жесток, дорогуша. Как ты думаешь, кому они больше поверят - сиротке с патологической склонностью к мифотворчеству или порядочной взрослой женщине?

- Никакая ты не порядочная!

- Кроме нас двоих, этого никто не знает, чучело!

Мне так хотелось стать маленькой мышкой, и не только мне одному, когда мадам Пампино, Розы и мадам Колетт слушали магнитофон Бориса. Мы видели, как судья вышел из кабинета и сказал очень грозно:

- Ну, я этого так не оставлю!

Камилла всё нам рассказала, и я позвонил Реймону, и он сразу же приехал в «Фонтаны», чтобы поговорить с мадам Пампино.

- Надо с ней поосторожнее, - сказал он. - Судья предупредил инспектора социальной службы, и, думаю, ведьме предстоят не самые приятные минуты общения с ним. Я его знаю, добряком его назвать нельзя, особенно когда он слышит, что кто-то плохо обращается с детьми.

А потом, как будто нам было мало всех этих переживаний, в «Фонтаны» вдруг заявила мама Беатрисы - приехала её навестить.

Беатриса без конца повторяла, что солнце теперь прямо у неё в сердце, и нам было радостно видеть её весёлой, хохочущей и с улыбкой во весь белозубый рот. С тех пор как Беатриса узнала, что мама действительно наконец-то к ней едет, она стала пользоваться вилок и даже начала с аппетитом есть, и Розы страшно гордилась этой переменной.

Вот только мама Беатрисы приехала не одна. Она привезла с собой в сумочке револьвер.

Потому что решила, что Розы заняла её место в сердце малышки.

И никакого солнца в сердце у Беатрисы больше не было, когда она выбежала из кабинета и крикнула Розы:

- Прячься, мама хочет тебя убить!

В приюте стояла мёртвая тишина, потому что дети вместе с питателями уехали в парк «Астерикс». Даже мадам Пампино взяла два выходных, чтобы съездить к подруге в деревню, а тех детей, у кого есть родители, увезли на выходные домой или на прогулку за город.

Мы с Камиллой были у Реймона.

В «Фонтанах» остался только Симон, потому что не сделал вовремя уроки. Он услышал крик Беатрисы и вышел из комнаты.

Ведь это, как ни крути, куда интереснее, чем спрягать глаголы в будущем времени.

Он забежал в кабинет секретаря и спрятался там. Иногда он высовывал наружу голову, но никто его так и не заметил.

Ну вот в этом весь Симон.

Розы строго посмотрела на огромную чернокожую женщину, которая выхватила из сумки револьвер и страшно вращала глазами.

Она кричала:

- Мама Беатрисы - это я, и другой мамы у неё нет и не будет!

А Розы на это:

- Конечно, мадам, это всем прекрасно известно, - таким спокойным голосом, как будто никто вовсе не целился в неё из револьвера.

- Ты решила её у меня украсть, да? - кричала женщина, и каждое слово отзывалось эхом, как будто бы отскакивало от стены, падало на пол и там ещё несколько раз подпрыгивало.

- Нет, ничего такого у меня и в мыслях нет. Я всего лишь хочу, чтобы бедные дети были счастливы. Будьте благоразумны, мадам, отдайте мне оружие.

- Где моя малышка? Я приехала ради неё!
- Она спряталась в безопасном месте, револьвер её напугал.

- Я не хочу её пугать, я хочу только сказать, что я по ней скучаю.

Рози сделала два шага вперед:

- Сказать с револьвером в руках?

- Не приближайся, а то пристрелю.

- Вам ничего не стоит меня пристрелить, мадам, но подумайте хорошенько, прежде чем это сделать. Подумайте о Беатрисе, которую вы после этого рискуете потерять навсегда. Если вы меня убьёте, никто не проявит к вам жалости.

- Я просто хочу увидеть мою девочку.

- Ну так давайте сюда револьвер, и я вас отведу к ней.

- Я не виновата в том, что не могу приезжать чаще. У меня нет денег, а её отец не хочет, чтобы я уезжала из дома.

- Понимаю, мадам.

- Нет, ничего вы не понимаете! Вы можете сколько угодно называть меня «мадам», но её мать - это я, только я!

- Никто с вами не спорит.

- Я так устала. - Большая женщина опустила руку, и из глаз её покатились крупные слёзы.

- Я сейчас подойду к вам, - сказала Роза.

Женщина не ответила.

Рози медленно двинулась к ней, очень осторожно вынула у неё из руки револьвер и положила его на пол. Затем она ногой оттолкнула оружие подальше по полу, оно проскользило в направлении Симона, и тот его немедленно подобрал.

- Вот и всё, - сказала Роза и взяла маму Беатрисы за руку. - Я никому ничего не скажу, обещаю.

- Можно мне с ней повидаться? - всхлипнув, спросила женщина.

- Да, пойдёмте со мной.

Женщины отправились на поиски Беатрисы, и Симон двинулся за ними с револьвером, спрятанным в задний карман.

- На всякий пожарный, - объяснил он мне позже.

К счастью, никакого «всякого пожарного» не было. Беатриса просто испугалась и не хотела оставаться наедине с мамой. Поэтому Роза посидела с ними и постаралась быть совсем маленькой и незаметной, чтобы любовь настоящей мамы казалась больше, чем она есть на самом деле.

- Тебе повезло, что тебя не заметили, - сказал я. - Ты правда так и ищешь неприятности на свою голову. Когда-нибудь ты всё-таки попадёшься, если будешь и дальше так внаглую заходить в кабинет к мадам Пампино.

- Я испугался за Беатрису и Розу. Но если что, я бы просто выстрелил в воздух, понимаешь?

- Правильно сделал, что потом положил револьвер на место, вернулся в комнату и притворился, что учишь уроки.

- Ничего я не притворялся!

- Симон!

- Чего Симон? Я, честное слово, учил! Когда Роза пришла звать меня на полдник, я ей рассказал всё про знаки препинания. «Здравствуй, запятая, волк, точка. Погода сегодня не очень, точка. Морозит, запятая, знаете ли, точка».

- А Беатриса?

- Роза приготовила классный полдник, но она к нему даже не притронулась. Ну, когда палец всё время держишь во рту, там больше ни для чего и места-то нет. Мама пыталась заставить её проглотить тост с джемом, но Беатриса только мотала головой, и мама её совсем

скисла. Но я вообще-то старался не слишком на неё смотреть – боялся, что она всё увидит по глазам. Когда она уехала, я сказал: «Пока», и Роза так злобно на меня посмотрела, нет, ну а что, не целовать же мне было женщину, которая разгуливает с револьвером. Беатриса дала себя обнять, но сама-то она, насколько я видел, никого не обнимала, ну, если не считать собственного большого пальца. Быстро поцеловала маму в щёку, и всё. А когда эта уехала, Беатриса не захотела играть с Розой. Взяла свою куклу в купальнике и нацепила на неё кучу всякой одежды, как будто кукла на север собралась.

* * *

Я проснулся из-за того, что кто-то включил свет. Я сказал: «Что за фигня?», Симон забурчал сквозь сон, а Ахмед вообще ничего не сказал, и это было неудивительно, потому что его кровать была пустая.

– Симон, – тихо сказал я. – Ахмеда нет.

– Ну просто пописать пошёл, спи.

– Нет, писает он в постель, я никогда не видел, чтобы он для этого вставал по ночам.

– М-м-м...

– Ладно, оставайся здесь, если хочешь, а я пойду разбужу новую питательницу.

– Ну ты и зануда, Кабачок. – Симон потёр кулаками глаза и тоже встал.

Новую питательницу зовут Шарлотта, у неё волосы как будто горят, такой у них цвет, и спит она, похоже, очень крепко, мы вдвоём её еле добудились.

– Что? Кто? А! Слушайте, вы что здесь делаете?

И она уже стояла посреди комнаты в ночной рубашке, которая ей сильно велика.

– Ахмед, – объяснил я. – Его нет в кровати.

- Ладно, дайте мне спокойно одеться, и я приду к вам в комнату.

Шарлотта классная.

Симон слышал, как Рози говорила директору: «Она слишком молода для этой профессии. И опыта совсем нет», но мадам Пампино ответила: «Рози, вам невозможно угодить. Вы знаете, как тяжело в наши дни найти педагога? Я скоро начну думать, что вы попросту ревнуете детей к женщинам».

- Я? - возмутилась Рози, прижав руки к своей большой груди.

- Да, вы. И, если хотите моего совета, лучше подружитесь с ней, сделайте своей союзницей.

С Шарлоттой совсем не трудно подружиться, хоть она и поднимает брови чуть ли не до неба, когда мы что-нибудь натворим. Она учит нас разным играм и часами гуляет с нами по лесу, и ещё она знает названия всех цветов и деревьев и показывает нам, какие грибы съедобные, а ядовитые топчет. У неё всегда найдётся ласковое слово для нас и для Рози, которая в итоге стала её подружкой. Та ещё картина, когда они проходят мимо Мишеля и Франсуа, такие гордые, ну прямо павлины с распущенными хвостами. Симон мне сказал, что Мишель хотел, чтобы Шарлотта стала его девушкой, но, видимо, класть руку ей на попу было не лучшей идеей, потому что Шарлотта в ответ залепила ему оплеуху. С тех пор он держится от неё подальше, а Яйцеголовый, который и женщин боится, не отходит от Мишеля, и Рози фыркает: «Ох уж эти мужчины!», а Шарлотта такая: «Мужчины? Где ты видишь мужчин?», и мы все смеёмся и надуваем мускулы, которых у нас вообще-то нет, если не считать Симона, который часто делает зарядку. Бородач тогда плюёт на землю, а Франсуа говорит: «Не обращай внимания», а Рози: «Да они ещё и невоспитанные вдобавок ко всему».

- Я взяла фонарик, - сказала Шарлотта. - И надо, наверное, пойти разбудить Розы, вчетвером будет легче искать.

- Супер! - обрадовались мы с Симоном, потому что боялись, что она велит нам остаться в постели, а мы уже даже нарочно оделись.

Мы все вместе пошли к Розы, на цыпочках, чтобы не разбудить остальных детей.

Я подумал, может, надо разбудить и Камиллу, но решил, что это уже перебор.

Ну ничего, я беру с собой Камиллу в своих мыслях.

Мы с Симоном и Шарлоттой чуть не умерли со смеху, когда обнаружили Розы в ночном чепчике и в маске на глазах, и она храпела так, что слышно было даже за дверь. Разбудить её оказалось ещё труднее, чем Шарлотту, а одевалась она и того дольше, и нам от всего этого было ужасно смешно.

Сначала мы обыскали всё здание. Открывали каждую дверь, но его нигде не было.

- Ничего не понимаю, - говорила Розы. - Куда он мог подеваться, этот мальчишка?

Вдруг она повернулась и строго ткнула в нас указательный палец:

- Вы, надеюсь, не заперли его в шкафу?

- Мы бы тогда не стали будить Шарлотту, - сказал Симон.

- И к тому же... - начала было Шарлотта.

- Я тебе потом расскажу, - оборвала её Розы. - Но не мог же он выйти на улицу. Дверь заперта на ключ.

- Смотрите, - крикнул я и указал на распахнутую балконную дверь, и мы все бросились к ней.

- О боже, - простонала Розы. - Если он ушёл в лес, нужно сообщить в полицию.

- Было бы очень странно, если бы он ушёл в лес, - сказал я. - Он ведь боится провалиться в лужу или что деревья накроют его ветками, как в том кино.

- В каком ещё кино? - спросила Шарлотта.

- Ну, в каком-то. Мы однажды в понедельник перепутали каналы, нажали не на ту кнопку на пульте, и... ай!

Это Роза схватила меня за ухо.

- Хороша я, конечно, что оставляю вас за мультфильмами одних, будет мне урок. Слушайте, ну куда же он мог пойти... А! Вон там что-то, смотрите, у воды! Скорее!

Но Роза ошиблась. Это было всего лишь толстое бревно, и мы всё искали и искали, но Ахмеда нигде не было.

- Он не мог пойти гулять к реке, - сказал Симон. - Он её боится. Лично я считаю, что он пошёл по дороге.

И вот мы тоже пошли по тёмной дороге, и путь нам освещал фонарик Шарлотты, правда, света было совсем мало, еле-еле хватало на то, чтобы смотреть под ноги, а иногда он и вовсе выключался, и тогда становилось совсем темно. У реки-то хотя бы луна светила, а на дороге было «темнее тёмного», как говорит Симон. Мы прошли под мостом, под которым всегда проезжаем на автобусе, когда едем в школу.

- Мы его не найдём, - вздохнула Роза. - Нужно возвращаться и звонить в полицию. Только время теряем. Идти по дороге в темноте опасно, машины нас не заметят.

Никто ей не ответил. Все слишком сосредоточенно смотрели под ноги и старались ставить их так, чтобы не оказаться на середине дороги и не соскользнуть на обочину в крапиву.

- Осторожно! - крикнула Шарлотта. - Машина! Дети, давайте вправо.

Как будто сами мы только о том и мечтаем, как бы попасть под колёса.

Машина проехала мимо, и вдруг Симон как заорёт - так, что у меня чуть уши не взорвались:

- Смотрите, там, куда фары светят, Ахмед!

И мы действительно увидели Ахмеда, он шёл в пижаме и забрёл уже довольно далеко. Нас он не видел и не слышал и к тому же шёл медленно, так что мы его быстро нагнали. В последнюю секунду он оглянулся и попытался убежать с плюшевым зайцем, которого прижимал к себе, но Шарлотта оказалась быстрее, она схватила его и, как пушинку, подняла на руки. Ахмед начал брыкаться и вырываться, заяц выпал у него из рук, и он потянулся за ним, чтобы поймать.

- Держи, - сказал Симон и протянул ему зайца.

- Куда же ты шёл, малыш? - спросила Роза и погладила его по голове.

- Далеко. Я не хочу встречаться с месье, который приедет в субботу.

- Это он про отца, - объяснила Роза новенькой питательнице.

Мы пошли обратно в «Фонтаны», в темноте и тишине. Слышно было только, как плакал Ахмед, потому что боялся, что его теперь накажут.

- Нет, мышонок, - сказала Роза, - никто тебя не будет наказывать, но уходить вот так среди ночи нельзя. Мне даже подумать страшно, что могло с тобой случиться, если бы мы тебя не нашли!

- Я не хотел, чтобы ты волновалась, - всхлипывал Ахмед. - Я даже чуть было не вернулся, сел на дорогу, чтобы подумать, но испугался, что меня накажут, и поэтому пошёл дальше.

- Но у тебя была хоть какая-то мысль о том, куда именно идти? - спросила Шарлотта.

- Да, я хотел найти учителя. Месье Поль - мой друг. Иногда на переменах мы с ним разговариваем про месье, и он мне говорит, что мне совсем не обязательно уезжать в Америку, если я не хочу.

- А ты знаешь, где живёт месье Поль? - спросила Шарлотта.

- Да, я был у него в гостях в субботу, перед тем как тот месье приехал меня навестить.

- Ведь это далеко отсюда, малыш, - сказала Рози.

- Ну ничего, - сказал Ахмед. - Я бы тогда подождал, пока наступит утро, и попросил бы какую-нибудь машину отвезти меня к месье Полю.

- Господи боже, да ведь тебя бы похитили! - воскликнула Рози. - И чем только у тебя голова набита - гороховым пюре?

- Ну нет, гороховое пюре я не люблю, - заревел Ахмед. - Просто иногда у меня там всё как будто бы перепутывается.

И он показал пальцем на свою голову.

Симон сказал:

- Думаю, твой заяц будет очень недоволен, если ты опять захочешь уйти из приюта один.

- Да? - спросил Ахмед. - А он мне ничего не говорил.

- Ясное дело, не говорил. Плюшевые звери не разговаривают. Но я по его глазам вижу, что он недоволен.

- А, понятно, - сказал Ахмед, моргая, чтобы слёзы не так застилали глаза.

- Рози, я ведь прав?

- Да, Симон. Я тоже вижу, что у зайца сегодня недовольный взгляд.

Я посмотрел на плюшевого зайца и увидел только стеклянные шарики вместо глаз и кучу грязи на шерсти.

Надо будет его постирать в стиральной машине.

Рози достала ключи и пропустила нас вперёд. Шарлотта зажгла свет в прихожей. Ахмед крепко прижимал к себе зайца. Симон зевал, я тоже.

Завтра утром нужно обо всём рассказать Камилле.

Рози и Шарлотта проводили нас до самой комнаты, мы разделись (кроме Ахмеда, который уже и так был

в пижаме), и питательницы нас крепко обняли – но Ахмеда, думаю, крепче всех.

Я потянулся к выключателю, чтобы погасить свет, но тут Ахмед сказал:

– Роза, спой мне «В красной шапке ты летишь»!

* * *

Я по пальцам считаю дни, которые остались до моего десятилетия.

Мой день рождения приходится на субботу, и мы с Камиллой будем у Реймона.

Я наблюдаю за Камиллой, которая ходит с очень загадочным видом, особенно с тех пор, как они с Шарлоттой съездили в деревню.

Мадам Колетт, как назло, задержала меня своими чёрно-белыми картинками, и я не смог выйти встречать красную машину Шарлотты, когда она шумно затормозила на гальке у «Фонтанов».

Я валяю дурака и спрашиваю: «Что там за подарок?», а Камилла смотрит на меня так, как будто ничего не слышала, и говорит: «Пошли на качели», и тогда я беру её за руку и прямо в самое ухо повторяю вопрос: «Что там за подарок?», а она: «О, у тебя болит спина, ну да, тогда лучше обойтись без качелей», – и начинает танцевать диско – так бешено, что можно подумать, её оса ужалила. Я пытаю счастья с Шарлоттой, но та пожимает плечами: «Я вообще не понимаю, о чём ты», как будто бы я ошибся, считая на пальцах, или как будто бы не видел, как они уезжали на её красной машине.

Тогда я немного обижаюсь, потому что решаю, что никому нет никакого дела до того, что в эту субботу ко мне придёт старость.

Даже Симон, которому я всё рассказал, говорит:

- Подумаешь, день рождения, просто свечек на одну больше воткнут в торт, а то ещё и подарка никакого не будет, если взрослые слишком заняты, собака заболела и нужно сделать ей укол, или бабушка заболела, или уж не знаю кто.

Но я не вижу никакой связи между своим десятилетием и какой-то бабушкой, которой нужно сделать укол. Симон говорит ещё:

- Ты бы лучше повторил слова, которые не употребляются во множественном числе, вон, смотри, у тебя написано «пальта», а надо «польто».

А мне так надоели эти уроки, я лучше напишу слово «подарки», оно употребляется во множественном числе, и это мне сейчас очень даже кстати!

- Не понимаю. Когда были дни рождения у Жужуба или Алисы, мы за неделю до этого рисовали картинку и прикрепляли её скотчем на стену, и ездили в деревню, чтобы купить кучу пирожных для Жужуба или разных там браслетов для Алисы, а мне почему-то ничего: и рисунка нет, и все ходят с таким видом, как будто никакого дня рождения нет и мне всю жизнь теперь будет девять.

- У тебя день рождения в субботу? - спросил Симон.

- Да.

- Ну вот тебе и ответ.

- В смысле?

- В субботу тут ведь никого не будет. Вы с Камиллой поедете к своему полицейскому, а мы - в Париж.

- Зачем в Париж?

- На скелеты смотреть в музее.

- Тоже мне веселье! - сказал я, умирая от зависти.

- Ага, скукота, - ответил Симон и посмотрел на свой учебник так, будто это вкуснейший в мире гамбургер с картошкой фри.

- Не хочу ехать смотреть на скелеты! - заревел Ахмед. - Симон говорит, иногда они кривляются, чтобы

напугать.

- Нашёл кого слушать. Скелетам не хватит сил тебя напугать, они давно умерли.

- Ты точно знаешь?

- Нет.

Я изобразил скелета с безвольно висящими руками и двинулся на Ахмеда, а он завизжал и спрятался под одеялом.

- Икар! - крикнула Шарлотта, заглядывая к нам с линейкой в руке. - Это так ты делаешь уроки?

Взрослые вечно вваливаются в комнату без предупреждения. Могли бы постучать или, я не знаю, носить специальные туфли с колокольчиками, чтобы мы успевали вычеркнуть «подарки» из списка слов-исключений.

- «Пальто», а не «польты», Кабачок! Я тебе уже сто раз говорила, как странно, что месье Поль этого не сделал!

- Месье Поль хотя бы не стучит по учебнику линейкой! - сказал я.

- Может, лучше сразу тебе по рукам стукнуть? - предложила она.

- Э, нет, спасибо, а слово «подарок» употребляется во множественном числе, или нужно делать укол бабушке?

- Что? Какой укол? Я тебя иногда не понимаю, а «подарок», конечно, употребляется во множественном числе.

- В грамматике, может, и употребляется, а вот в жизни - похоже, нет, - буркнул я.

- Ну надо же, как некоторые маленькие мальчики умеют надуться из-за одного маленького замечания!

- Начиная с этой субботы я уже больше не маленький мальчик! - Я надулся ещё больше.

- Давай-ка тогда напиши сто раз слово «подарок» во множественном числе и не забывай, что буква «о»

тут беглая. А вы, дети, идите поиграйте, и, Ахмед, будь человеком, вылезай из-под одеяла, там ты уж точно никакой грамматики не выучишь.

Ну вот, в итоге я наказан и пишу сто раз слово «подарки», пока мои друзья играют во дворе. И никакого множественного числа у подарков в субботу не будет, а может, ещё и Реймон забудет про торт и свечи, потому что надо делать бабушке укол, и это несправедливо.

Я сидел в кабинете у мадам Пампино, и она делала вид, что читает чьё-то личное дело.

Время от времени она поглядывала на меня и улыбалась.

Из телефонной трубки раздался голос Реймона.

- Ну, ты рад, что приедешь ко мне в субботу?

- Да. Реймон, скажи, пожалуйста, у тебя есть бабушка?

- Бабушка? К сожалению, нет, малыш, она на небесах. Забавно, что ты об этом спросил, потому что бабушка Виктора как раз приехала к нам в гости на неделю. У неё плоховато со слухом, так что нужно с ней разговаривать погромче и кричать прямо в ухо.

- И вы из-за этого будете ей делать укол?

- Укол? С чего ты взял, малыш?

- Симон говорит, что взрослые забывают про дни рождения, потому что им надо делать уколы собакам или бабушкам.

- У Симона слишком богатое воображение, малыш. Взрослые не забывают про дни рождения, особенно когда речь идёт об их детях. Честное слово.

- Но ведь я не твой ребёнок. Твой ребёнок - Виктор. Значит, про меня ты всё-таки можешь забыть?

- Мы с Виктором относимся к тебе точно так же, как если бы ты был мой сын, и я ни за что на свете не забуду про твой день рождения. Передай, пожалуйста, трубку мадам Пампино, малыш.

- Женевьева, это тебя. - Я отдал ей трубку и быстро выбежал из кабинета, как будто спешил к друзьям.

Но на самом деле это была военная хитрость.

Я остался под дверью и слушал, что говорит директор.

А говорила она так:

- Да.

- Как ваши дела?

- Хорошо, спасибо.

- Месье Клерже предлагает встретиться в понедельник в 17:00.

- Да, конечно, он будет там.

- У него в кабинете.

- Хорошо.

- Я уверена, что он будет на седьмом небе.

- До свидания, Реймон.

- Да, конечно. Думаю, сразу после завтрака.

Мне непонятно, кто будет на седьмом небе и зачем Реймон и мадам Пампино встречаются с судьёй.

Конечно, месье Клерже не похож на судей из фильмов. У него нет молотка, и вид не слишком грозный, и он никого не отправляет за решётку, потому что занимается только детьми.

И всё-таки я его немного побаиваюсь, особенно когда он сердится. В прошлый раз, когда он кричал на ведьму, она, конечно, сама была во всём виновата, но мне бы не хотелось, чтобы на меня так кричали. С нами, детьми из «Фонтанов», он всегда разговаривает очень ласково, и мы ему всё рассказываем, но иногда он вдруг выхватывает из рассказа какое-нибудь слово или предложение и начинает тыкать в нас своими «почему?», как иголками, а это только Борису и Антуану не больно, когда в них втыкаются иголки. Борис говорит, что фамилия судьи означает «церковный», и у месье Клерже правда есть что-то общее с Господом

Богом. Он принимает решение, сколько времени мы здесь пробудем, отправить ли Ахмеда в Америку, запретить ли маме Беатрисы к ней приезжать и перевести ли нас в другой приют, если мы натворим что-нибудь плохое. Иногда мы играем или пьем молоко с печеньем, и мадам Колетт может вдруг прийти и забрать кого-нибудь к себе в кабинет, потому что судья хочет с нами поговорить, и тогда никому уже больше не хочется никакого печенья с молоком и становится не до игр, все сидят встревоженные и ждут возвращения провинившегося, как будто боятся, что никогда больше его не увидят. Я знаю, что судья нас слушает и никогда не пойдёт против нас. Если, конечно, не решит, что это «для нашего же блага».

Интересно, почему взрослые всё время принимают за нас решения, ведь с нами, в отличие от обычных детей, совершенно непонятно, что будет, когда мы станем старыми. Роза говорит, что судья не отправит Ахмеда в Америку, если Ахмед сам этого не захочет. А ещё она не стала никому рассказывать про револьвер мамы Беатрисы, и Беатриса тоже про это молчит, потому что она слишком сильно любит свою маму и не хочет с ней навсегда распрощаться. Хотя месье Клерже и говорил с ней очень ласково, чтобы она выложила ему всё как есть, Беатриса в ответ на его «почему?» только сосала большой палец, и судья её так и «не раскусил», как сказал Симон, которому тоже удалось увернуться от острых зубов месье Клерже.

Проснувшись, я зажал последний палец, и получился кулак – правильно, ведь сегодня суббота, и я сосчитал уже все дни этой недели, которые отделяли меня от дня рождения.

Ну вот, мне десять лет, а ничего не изменилось, какое разочарование.

Никто не говорит со мной о моём дне рождения – ни Симон, ни Ахмед, ни Роза, ни даже Камилла, и я бы,

наверное, заплакал, если бы повар Фердинан не шепнул мне на ухо:

- Похоже, сегодня у тебя день рождения.
- Откуда ты знаешь?
- От своего мизинца. Это он мне рассказал.
- Ерунда какая, мизинцы не разговаривают.

Фердинан рассмеялся:

- Дорогой мой Кабачок, да ведь все знают, что у тебя сегодня день рождения. Держи, это тебе, только никому не говори.

И он вручил мне совсем маленький шоколадный торт в форме сердечка, и я его немедленно проглотил.

- А почему никому нельзя говорить? - спросил я, облизывая губы.

- Потом узнаешь. Ну всё, меня ждут жена и дети, до понедельника, Кабачок!

И повар Фердинан уехал на своём фургончике, а я стоял и думал, зачем он, интересно, наврал.

Ведь все знают, что у Фердинана нет ни жены, ни детей - кроме нас, конечно.

А потом все мои товарищи набились в автобус, и я с завистью смотрел, как они уезжают. Скелеты - это, наверное, круто, это тебе не обычная поездка в гости к Реймону, хотя я, понятное дело, был очень рад, что снова увижусь с ним и Виктором. Странно было, что и все питатели тоже забрались в автобус, даже Роза, которая обычно по субботам отдыхает у себя наверху. Обычно, когда мы едем в парк, лес или музей, нас сопровождает либо учитель, либо один из питателей. Остальные питатели остаются в этот день дома, чтобы «провести свинское утро с телевизором, гамбургерами и пивом», как как-то сказал мне бородатый Мишель.

- Вот именно что свинское! - фыркнула Роза, которая услышала наш разговор.

Жужуб после этого тоже потребовал себе «свинское утро», а когда мы его не разбудили и он проспал кучу

прекрасных вещей, был страшно недоволен. Ничего, зато ему наверняка приснилось много всякой еды.

Я уже начинал думать, что полицейский забыл про нас с Камиллой, но тут наконец из-за деревьев показалась машина с голубым помпоном и с треском затормозила на галечной дорожке.

Мы в это время раскачивались на качелях и были во всём приюте практически одни, если не считать секретарши мадам Пампино, она смотрела на нас в окно и иногда кричала: «Дети, осторожно, не так высоко, вы сломаете себе ноги!», как будто мы специально для этого полезли на качели.

Вот не нашла она себе занятия получше, чем сидеть там в субботу и присматривать за нами одними?

Как будто бы без взрослых мы не продержались бы и часу: обязательно побежали бы дёргать перья из павлина, дразнить злого осла или швыряться мукой на кухне, пока нет Фердинана, а то и вовсе разожгли бы огонь и сели попой на раскалённую плиту.

– Простите, дети, – сказал Реймон.

– Мы едем на службу в церковь? – спросил я, соскакивая с качелей.

– Конечно, нет, малыш, с чего ты взял?

– Ну, ты так одет, как будто да.

– Ах, это... А что, мне разве не идёт?

– Очень идёт! – сказала Камилла и бросилась ему на шею. – Расскажем ему?

– Что расскажете?

– Ничего, малыш. Кстати, с днём рождения, дорогой Кабачок.

– А, вот про это нельзя было мне рассказывать?

Я чувствовал себя обманутым – как будто надеялся, что мне привезут целый воз подарков.

Мы ехали вдоль реки, и я спросил:

– А Виктор почему не приехал?

– Он остался с бабушкой.

- С глухой дамой, которой нужно кричать в самое ухо? - крикнул я в самое ухо Реймону.

- Осторожно, малыш, я веду машину.

- Ладно, больше ничего не буду говорить.

И я надулся.

- Что-то тебя совсем не слышно, - сказал Реймон.

- Конечно, не слышно, он ведь дуется. - Камилла пощекотала меня, и я засмеялся.

Перед самым домом Реймона Камилла велела мне закрыть глаза.

- Зачем? - спросил я.

И закрыл глаза.

Как я мог не послушаться Камиллу?

- Увидишь! Я сейчас завяжу тебе глаза шарфиком, вот так. Ты возьмёшь меня за руку, и я буду говорить тебе, куда идти, чтобы не упасть.

Я вышел из машины, Камилла держала меня за руку.

- Стоп! Осторожно, тут ступеньки.

Я высоко поднимал ноги, чтобы подняться по лестнице, вошёл в дом и медленно двинулся через прихожую в сад, и ангел Камилла всё время была рядом и не отпускала моей руки. И всё-таки я наткнулся на какой-то стул или стол.

- Ай!

- Я же не говорила тебе идти налево. Ты идёшь не в ту сторону!

- Я же не каждый день хожу с завязанными глазами, а где Реймон?

Чем дальше я шёл, тем отчётливее были слышны впереди шёпот и хихиканье.

- Почти пришли. Ещё один шаг... Стоп! Ну вот, можешь снимать повязку.

И вот я открыл глаза и сразу же снова их зажмурил.

Я стоял совершенно огорошенный и не знал, что со мной происходит, и по щекам у меня катились слёзы.

Камилла отпустила мою руку, и я остался один на один со своим подарком, самым прекрасным подарком за всю мою жизнь.

Я не буду сразу на него набрасываться, я позволю себе насладиться этим моментом.

Я сжал кулаки и вытер слёзы, и я стоял, и смотрел, и смотрел на всех, и они тогда запели: «С днём рожденья, Кабачо-ок!»

Там были все-все.

И повар Фердинан.

И судья с мадам Пампино.

И все мои товарищи, и все питатели, которые не поехали смотреть ни на какие скелеты.

И месье Поль с мадам Колетт.

И медсестра Ивонна с шофёром Жераром.

И Виктор, который держал за руку Камиллу.

И Реймон, который спрятался за торт и думал, что я этого не заметил.

Это самое огромное шоколадное сердце на свете, и мне не терпится на него наброситься.

Но это ещё не всё.

Целая гора свёртков с цветными ленточками и воздушные шары.

А ещё в инвалидном кресле в центре моей большой семьи сидела крошечная старушка с голубыми улыбающимися глазами, мы с ней не знакомы, но я сразу догадался, что это бабушка Виктора, и не знаю, в чём было дело – в этих её голубых глазах или в руках, которые она протянула, чтобы меня обнять, но я укрылся в этих протянутых руках, поцеловал её в щёку и почувствовал, что руки обхватили меня, и воздушные шары взмыли вверх, и мне показалось, что если эта бабушка расцепит сейчас свои объятия, то и я тоже оторвусь от земли и полечу вслед за шариками в вышину.

Очень старые люди – это те же дети, им только больше лет, и зубы они по вечерам вынимают изо рта и кладут в стакан с водой.

Они такие же непослушные, как и мы, и так же плохо едят.

А ещё Симон говорит, что возраст – это как резинка, и дети со стариками тянут её каждый в свою сторону, но в итоге она разрывается и ударяет в лицо всегда стариков, и после этого они умирают.

Бабушку с голубыми глазами зовут Антуанетта, и Виктору очень с ней повезло.

Когда я был маленьким, моя бабушка уже была на небе, вязала там свитера ангелам.

Я видел её только на фотографии.

Все смотрели, как из объектива сейчас вылетит птичка, и только бабушка не смотрела, она вязала свитер.

Она не успела довязать его на земле: у неё случился «приступ сердца», и она умерла сразу после того, как была сделана эта фотография.

Антуанетта не вяжет свитеров, она вяжет только предложения, и иногда ей бывает трудно довести их до конца. Но она не виновата, она совершенно ничего не слышит, даже если кричать ей в самое ухо. Иногда кажется, что она это делает нарочно и что её вполне устраивает быть глухой. А ещё она умеет читать по губам, совсем как мы. Кожа у неё жёлтая, как омлет. А волосы такие белые, что я даже подёргал за них, чтобы убедиться, что они настоящие, и Антуанетта закричала, и я извинился. Она мало говорит, но смотрит на людей так, как будто бы видит их насквозь. Она всё время напевает какую-то мелодию, сама не знает какую.

Она говорит:

- Этой песне больше лет, чем мне.

Она живёт в доме вроде наших «Фонтанов», только вместо питателей у них там медсёстры, а вместо детей – такие же старые люди, как она сама.

Её дом называется домом престарелых.

Она говорит:

- Я, конечно, и сама престарелая, но не ожидала, что когда-нибудь окажусь в компании таких древних стариков. Мир жесток, деточка, ты когда-нибудь сам это... Что я сейчас сказала?

И она начинает напевать.

Все дети из «Фонтанов» хотят поиграть с Антуанеттой, и я вижу, что она, как и я, любит мухлевать, чтобы всё время выигрывать. Если она проигрывает, то даже начинает дуться, и Реймон говорит ей: «В твои-то годы!», и она смотрит на него как на чудовище. В шарики она играет лучше Симона, а Симон вообще-то в шариках чемпион. Зато с составлением общего предложения у неё совсем плохо. Она не может запомнить даже слово, которое назвал её сосед, и выдумывает вместо него какие-нибудь другие, и спорит, что это был «помидор», а вовсе не «слабительное», и иногда мы говорим: «Ладно, Антуанетта», иначе она может надолго обидеться из-за слов Бориса. В лудо она потихоньку переворачивает кубики и говорит: «Неправда!», когда Жужуб это замечает и громко объявляет всем, ведь победителю полагается дополнительный кусок торта.

Она обнимает нас так нежно, как никто никогда не обнимал, и мы все уже побывали в её объятиях, кроме Жужуба.

Ему она сказала:

- Нет, ты меня раздавишь.

И Жужуб в отместку съел столовой ложкой целую банку варенья, и потом его затошнило, и весь оставшийся день он изображал больного – не помогла ни таблетка Ивонны, ни то, что никто ему не верил.

– Ну что, нравится тебе мой мальчик-здоровяк? – спросила меня на ухо Антуанетта.

– Не такой уж он и здоровяк, ваш Виктор, – сказал я.

– Я не про Виктора, я про Реймона.

– А, да, но он ведь вам не сын.

– У кого усы?

– Он вам не сын, – прокричал я ей в самое ухо.

– А! Какая разница. Я потеряла дочь, но у меня остался сын и ещё вдобавок внук, так что мне повезло.

– А как вам ваш приют?

– Да что ты, никогда не плюют, они у меня оба воспитанные.

И она опять стала напевать.

Я произнёс, отчётливо шевеля губами:

– Не «плюют», а «приют».

– Ах, ты об этом. Приют очень большой и набит старичьём, так себе местечко. Ла-ла-ла-а-а...

– О чём ты поёшь?

– Ёж? Неужели кто-то принёс ежа?

– Ну ты смешная!

– Да, а что мне ещё остаётся? Иди-ка поиграй вон с той малышкой.

– С Камиллой?

– Когда ты вырастешь, вы поженитесь.

– Откуда ты знаешь?

– Старики видят дальше, чем вы думаете.

Мы улеглись на траве – Камилла, Виктор, Алиса, Беатриса и я.

Мадам Колетт, Шарлотта, Роза, Ивонна и мадам Пампино пьют красное вино, сидя под зонтиком.

Остальные играют в футбол с Реймоном и судьёй.

Лично я стараюсь держаться от судьи подальше, хоть рубашка и выбилась у него из штанов точно так же, как у Реймона, и вид у них такой, будто им ужасно весело. С моим везением я наверняка засвечу ему мячом в лицо, и он захочет отомстить и переведёт меня в приют, где на окнах будут решётки, и тогда я больше не смогу лежать на травке с друзьями.

Алиса сдержала обещание: с тех пор как Симона оставили с нами, она завязывает волосы резинкой, и губы у неё дрожат, только когда кто-нибудь с ней разговаривает.

Беатриса сосёт большой палец, и волосы у неё все в травинках. Она смеётся и катается по траве, а потом уходит нюхать цветы и руки держит за спиной, как будто боится нечаянно коснуться цветка.

Виктор пытается свистнуть через травинку, зажатую между пальцев, но вместо свиста у него получается что-то вроде пука, и мы все оглядываемся на взрослых, но те ничего не заметили, поэтому мы хохочем.

- О-ля-ля, - воскликнул Виктор. - Судья поскользнулся, как корова на льду, и теперь лежит на траве!

- Какая ещё корова? - возмутился я. - Разве можно так говорить про судью?

- Кабачок, ну это просто такое выражение. Ты иногда совсем тупой. Даже тупее того толстяка, как его зовут?

- Жужуб, - хихикнула Беатриса.

- Где он, кстати? - спросил я.

- В моей постели, ему стало плохо, - ответил Виктор.

- Ага, плохо ему, как же! Обычные штучки Жужуба. Просто ему захотелось полежать на твоей кровати,

и теперь он оставит там кучу крошек.

- Симон говорит, родители Жужуба скоро приедут в «Фонтаны», - сказала Камилла.

- Откуда он знает? Опять читал учительские тетради?

- Нет, услышал разговор в кабинете директора.

- Вот это да, ну Симон! - воскликнул я. - Так мама Жужуба не была ни в каком Перу?

- Перу - это где? - спросила Алиса.

- Примерно там же, где Россия, - наугад ляпнул я.

- Неважно, где она была, а где нет! За это время можно было уже весь мир сто раз кругом объехать, - сказала Камилла.

- Может, они и ко мне на Мартинику заезжали? - спросила Беатриса.

- Наверняка, - улыбнулась Камилла.

- А главное - Жужуб ведь никогда не говорил о своём папе, - сообразил я. - И на его открытке только один почерк - мамин.

- Папы никогда не пишут на открытках, - заметила Беатриса. - Это мама пишет: «Папа и мама тебя целуют». Папы целуют только на открытках, а в жизни они бьют маму и запирают маленьких девочек в стенном шкафу.

- Вот это да, - сказал я. - А с маленькими мальчиками они что делают? Зажаривают на вертеле?

- Этого я не знаю, у меня не было братика. Папа говорил, что у нас и без того проблем хватает.

- Иногда папы бывают добрыми, - сказала Камилла. - Как Реймон у Виктора.

- Про папу Жужуба этого не скажешь, - заметил я. - Он, наверное, вообще забыл, что у него есть сын.

- Но теперь вспомнил, - сказал Виктор. - Поэтому и приезжает.

- А я бы не хотела, чтобы мои родители ко мне приехали. - Алиса дрожала. - Я бы тогда ушла, пока они

не появились, и никто бы меня никогда не нашёл.

- А где они, твои родители? - спросил я.

- Не знаю.

- А давно ты их в последний раз видела?

- Не знаю.

- Оставь её в покое! - вмешалась Камилла. - Ты же видишь, её трясёт.

- Ну как вы тут, загораете? - К нам подошла Шарлотта, немного навеселе. - Смотрите не заработайте солнечный удар, это очень неприятно.

И она тоже легла на траву и сразу же уснула.

- Наклюкалась ваша училка! - хихикнул Виктор.

- Зато она очень красивая, - сказала Камилла и погладила волосы цвета морковки.

Фердинан и Ивонна пошли за пирожными. Роза разливала по стаканам апельсиновый сок. Симон валял дурака. Судья рухнул в кресло, и под мышками у него, как и у Реймона, появились огромные тёмные пятна. Мишель отодвинул стакан и спросил, нет ли пива. Яйцеголовый выпил залпом бутылку воды. Мадам Пампино попросила Симона успокоиться, и Симон успокоился. Антуанетта посадила Алису к себе на колени. Мадам Колетт сказала учителю: «Я больше люблю море, чем горы», но сказала она это напрасно, потому что месье Поль смотрел на Шарлотту, и всем было прекрасно видно, что ему плевать на море и на горы, и Шарлотте тоже на всё это плевать. Она зевнула, и мадам Пампино строго на неё посмотрела.

- Извините, - сказала Шарлотта, потому что поймала на себе взгляд директора, и прикрыла рот рукой.

Борис и Антуан слушали вдвоём плеер, воткнув каждый в ухо по наушнику. Все зааплодировали Фердинану и Ивонне, когда они появились с блюдами, полными пирожных, и вслед за ними явился не запыхавшийся Жужуб, который даже из комнаты Виктора унюхал сладкое. Камилла повытаскивала

у Беатрисы из волос травинки. Они обе сели на колени к шофёру Жерару.

- Какой замечательный день! - воскликнул судья.

- Возьмите же ещё пирожное, - предложил Реймон.

- А какой сейчас год? - спросила Антуанетта.

- Год моего десятилетия, - ответил я.

Рози налила Мишелю апельсинового сока.

- Нет, спасибо, - отказался он.

- Это лучше, чем пиво, и от него не так толстеют. -

Рози ткнула пальцем в пузо бородача.

- На вкус и цвет... - Жерар отхлёбывал пиво прямо из бутылки.

- Симон! - сказал месье Поль. - Если мадам Пампино просит тебя успокоиться, это не значит, что надо продолжать беситься, как только она отвернётся.

- А она не отвернулась.

- Симон, ну почему надо обязательно дерзить? - спросила директор.

- Я не дерзил, я поддержал разговор, мадам Пампино.

- Пожалуй, я положу себе ещё торта, - облизнулась мадам Колетт.

Не дожидаясь одобрения остальных, она взяла кусок.

- Я смотрю, Жужубу уже лучше, - сказала Ивонна с улыбкой.

- М-м-м, - ответил Жужуб с набитым ртом.

- Я предлагаю всем поднять бокалы за здоровье Кабачка, - предложил Реймон.

- Я вроде бы и так здоров!

Но все всё равно подняли бокалы, и вино стало весело расплёскиваться направо и налево.

- За здоровье Кабачка. Гип-гип-ура!

Антуанетта уронила голову назад и захрапела. Скоро нам стало смешно её слушать, и все засмеялись - и она от нашего смеха проснулась.

- Что я там говорила? Ах да, никакой не помидор, деточка, а слабительное!
И она запела.

* * *

Однажды на кухню «Фонтанов» вошёл кот - Розы с Камиллой как раз в этот момент готовили салат. Первым его заметила Беатриса - и давай кричать: «Котик, котик!», и Розы тогда оглянулась и тоже закричала: «Э, нет, только блох нам здесь не хватало, а ну-ка, кот, марш отсюда!» - и погналась за ним с большой салатной ложкой, а Беатриса расплакалась.

- Ну, ну, мышонок, - сказала Розы. - Не плачь. Животные разносят всякие болезни. Кто его знает, откуда он пришёл, этот кот, и к тому же тебе прекрасно известно, что правила приюта запрещают держать домашних животных.

- К чёрту правила приюта! - сказал Борис и взял Беатрису за руку. - Пойдём найдём его.

- Борис! Беатриса! - рассердилась Розы. - Немедленно вернитесь!

Но они побежали так быстро, что ей было за ними не угнаться, и Розы плюхнулась на стул.

Казалось, страницы календаря перелистываются с бешеной скоростью, и Розы стареет, сидя на месте, и даже не замечает, как сменяют друг друга её дни рождения.

Камилла посмотрела на меня, я прочитал в её глазах: «Идём?», и мы пошли, и Розы даже не попыталась нас удержать, и вот она осталась на кухне совсем одна, а мы, дети, убежали искать кота.

- Вон он! - крикнул Жужуб и указал пальцем, не решаясь приблизиться.

Кот и павлин испуганно смотрели друг на друга. Кот выгнул спину, шерсть встала дыбом, он шипел и пристально смотрел на павлина, а тот подскакивал на месте. Беатриса подошла к ним: «Котик, котик!», и тогда котик вдруг цапнул её растопыренными когтями и огромными скачками умчался прочь. Камилла повела Беатрису в медкабинет, а мы побежали ловить кота, который бросился в поле в направлении злого осла.

– Кот! Кот! – кричала Алиса. – Не ходи туда!

Но бедное животное её не слышало, и вот кот уже стоял рядом со злым ослом, мирно жевавшим траву. Кот обошёл его кругом, и осёл наблюдал за ним и пока что не пинал копытом, от которого пострадало уже множество детей. Мы все держались от него подальше и кричали издали: «Кот!», «Котёнок!», но всё было зря, ему было плевать, он катался в траве прямо перед огромной пастью осла и тянулся к нему лапой, чтобы поиграть. Осёл слегка оттолкнул его мордой, но кот только встряхнул головой и вернулся к ногам осла, и тот перестал жевать траву. Он снова подтолкнул котёнка и издал громкое «иа-а-а!», так что кот подпрыгнул от неожиданности.

Антуан подошёл к ослу и погладил его. Осёл уткнулся мордой в траву. И тогда мы все подошли и положили руки на серую шкуру, колючую, как борода у Мишеля. А котёнок проскользнул между ног у Алисы.

Алиса взяла его на руки, и он не стал возражать.

Его голова свесилась вниз, а все четыре лапы вытянулись вверх.

– Пошли, котёнок! – сказала Алиса. – Мы дадим тебе молока.

Кот положил лапы Алисе на плечи, она прижала его к себе, и мы все вместе двинулись обратно к «Фонтанам», и осёл шёл за нами и иногда говорил:

«Иа!» У деревянной изгороди ослу пришлось остановиться, а мы снова пролезли под перекладинами.

- До свидания! - сказали мы и помахали ослу рукой, а он вытянул шею, как будто унюхал целое блюдо моркови, и долго стоял у изгороди и провожал нас взглядом.

- Не такой уж он и злой, - сказал Жужуб, который так и не решился его погладить.

- Наверное, те дети его щипали, - сказал Симон. - Или били палкой, так что ему пришлось защищаться.

- Скорее, - захныкал Ахмед. - Рози будет ругаться!

Когда мы ввалились в кухню, Беатриса сидела за столом с повязкой на руке, над ней склонились Рози с Камиллой.

- Не сердись, Рози, - сказал Борис. - Мы ему только дадим молока.

Антуан открыл двери холодильника и буфета и налил в мисочку молока.

- А закрывать за собой кто будет? - спросила Рози и показала рукой на холодильник.

- Я просто не успел, - сказал Антуан.

И толкнул дверь холодильника попой.

- Как я устала! Из кожи вон лезу, чтобы о вас заботиться, а вам плевать!

- Рози вылезла из кожи? - удивился Ахмед.

- Сам ты вылез, малограмотный! - прикрикнул Борис. - Это такое выражение.

- Рози, нам не плевать, - сказал я. - Мы просто хотели накормить котёнка и поиграть с ним.

- Ага, и теперь эта грязная зверюга оцарапала Беатрису, - напомнила нам Рози.

- Ничего страшного, - сказала Беатриса. - Он просто испугался и царапнул меня не нарочно, правда, кот, ведь ты не нарочно?

Но кот её не слушал, он пил молоко.

- Он играл с ослом, - выдал Ахмед.

- Так вы ещё и на луг к ослу ходили? - простонала Роза. - Дети, да вы вообще, что ли, ничего не соображаете? Он ведь мог вас лягнуть. Чтобы это было в последний раз, я ясно говорю?

- А осёл совсем и не злой, - сказала Алиса. - Мы его даже погладили.

Роза заголосила:

- Господи боже мой, за что мне такие безмозглые дети? Ведь на лугу опасно, как вы этого не понимаете?!

- Во-первых, мы совсем не безмозглые, - возразил я. - А кричишь ты просто потому, что испугалась за нас. Взрослые всё время так - кричат на ровном месте. Ведь мы все здесь, живые и здоровые, и осёл ничего плохого нам не сделал. Вот Господь Бог это прекрасно знает, потому что он всё видит. Спроси у него, если нам не верить.

- Я не кричу на вас на ровном месте. Я вас люблю и не хочу, чтобы вы подвергали себя опасности. В прошлом году малышке Франсуазе сильно не повезло там, на лугу.

- Может, она плохо обращалась с ослом, - предположил Симон.

- Плохо или не плохо, но она несколько недель провела в больнице, - сказала Роза. - Это животное опасно, уж я-то знаю.

- Мы есть будем? - спросил Жужуб.

- Роза, вот ты представь, что эта девчонка тебя ущипнула или стукнула палкой. Ты бы что, не стала защищаться?

- Стала бы, но ведь не ногами же топтать, Симон!

- Но осёл же не мог лишиться человека десерта или отправить драить перила, - стоял на своём Симон.

- Есть хочу! - вопил Жужуб.

- Он всё выпил, - Алиса гладила кота.

- Я вам ещё раз повторяю: ходить на луг запрещено, и нравится вам это или нет, но если ещё один из вас

хотя бы раз туда полезет, то будет иметь дело со мной!

- Тогда пойдём туда в следующий раз вместе! - сказал Симон. - И ты сама увидишь, что осёл совсем не злой.

- Никакого следующего раза не будет!

- Ну, как хотите, - проворчал Жужуб и набросился на хлеб так, как будто бы много лет не видел ничего съедобного.

- Ну я не знаю, пойдти туда с Жераром, Мишелем или Яйцеголовым, с кем хочешь. Если ты нас любишь, сделай это. Давай, Рози!

И мы все закричали: «Рози, давай!»

- Ладно, посмотрим. Скорее за стол, а то хлеба вам не достанется, да, Жужуб?

- Что? - пробубнил Жужуб с открытым ртом, и смотреть на него было противно.

На следующий день Рози отправилась вместе с нами на луг, и ещё пошли Мишель, Жерар, Шарлотта и Яйцеголовый, который уже второй раз повторял: «А мне обязательно идти? У меня вообще-то дел полно».

- Ты уже всех достал, - сказал бородач.

- Да, всех уже достал, - повторил Ахмед, и все засмеялись, кроме, конечно, Яйцеголового, он тут же надулся, как обычно.

- Так, дети, но вы ведь помните, что ворота открывать запрещается? - сказала Шарлотта.

- Помним, - ответили мы.

Мы всё равно никогда эти ворота не открываем, потому что прекрасно пролезаем под оградой. Но этого мы им рассказывать не будем.

Кот теперь всюду ходит с нами и путается под ногами.

Имени, кроме «кота» и «котёнка», у него пока нет, но зато он, похоже, прекрасно нас понимает, особенно когда мы едим.

В эту ночь он спал в корзинке на кухне, и утром там не очень хорошо пахло, потому что ему ведь нужно было «справлять естественные нужды», как сказал бородач. Роза послала Жерара в деревню, и он вернулся с коробкой маленьких шариков. Их нужно менять каждый день, и сегодня это сделал Борис, как только мы вернулись из школы.

- Фу! - сказал он, зажимая нос.

Мы бы, конечно, с радостью взяли кота с собой на уроки к месье Полю, но Роза и слышать об этом не желала, и мы не стали слишком настаивать, потому что она добавила: «Вот возьму и вышвырну вашего блохастого друга обратно на природу».

Иногда лучше делать так, как требуют взрослые, это такая военная хитрость. Нужно притвориться, что ты с ними согласен, а когда у взрослого будет очень хорошее настроение, можно попробовать его переубедить. И потом, если даже Роза вышвырнет кота обратно на природу, он ведь наверняка вернётся за молоком, творогом и шоколадными мишками, которых проглатывает и потом с наслаждением облизывается.

Мы все стояли у изгороди, но нам, детям, почти ничего не было видно, если, конечно, не считать меня, я выше остальных на целую голову.

Осёл стоял, смотрел на нас и потихоньку помахивал коротеньким хвостом. А я теперь уже не знал, что думать про хвосты, потому что Шарлотта мне как-то сказала: «Ослы не собаки. Они машут хвостом не от радости, а от злости!»

- Он рад нас видеть? - спросил я у Шарлотты.

- Может быть, и рад, а может, просто отгоняет мух.

Роза достала из пластикового пакета несколько морковок и бросила их за ограду. Осёл понюхал угощение и радостно захрустел. Он весело тыкался мордой то туда, то сюда, и скоро в траве не осталось

ни одной морковки. Осёл подошёл к Розе и понюхал пакет, и Роза отскочила назад.

- Не бойся, - сказал Борис. - Он просто хотел узнать, не осталось ли у тебя ещё немного моркови.

И мы не стали ничего рассказывать о том, что утром уже побывали тайком в кладовке, где хранятся овощи, тем более что у Жужуба морковь уже и так торчит прямо из кармана.

Антуан первым проскользнул под оградой.

- Антуан, немедленно вернись! - закричали Шарлотта и Роза, а Мишель и Жерар перескочили через изгородь.

Осёл немного попятился.

Антуан протягивал морковь и медленно шёл к животному.

Роза попыталась перебраться через ограду, но она слишком мало занимается спортом, и нам всем стало очень смешно, когда она свалилась в траву. Шарлотта мигом перелетела через изгородь и присоединилась к Жерару. Но тот схватил её за руку и сказал:

- Подожди, не надо. Смотри.

Осёл ткнулся мордой в ладонь Антуану, и через секунду ладонь была пуста.

Мы воспользовались удачным моментом, чтобы тоже пролезть под оградой, и Роза уже ничего не могла поделать с тем, что все от неё убежали - ну, понятно, все, кроме Жужуба, потому что он такой большой, что его ничего не стоит поймать. Осёл не знал, куда тыкаться мордой, - вокруг было так много моркови, но скоро он съел всё и никого не укусил и не ударил, а просто пошёл и укрылся в тени дерева. Кот сидел на руках у Алисы, но тут он вдруг выпрыгнул, опустился на все четыре лапы и побежал к своему другу ослу.

- Котёнок! - крикнула Алиса. Но кот её не слышал, он улёгся рядом с ослом, и Роза велела нам возвращаться.

- Он вернётся, когда проголодается. Не волнуйся, мышонок.

- Ну вот, видишь? - сказал Симон Рози. - Осёл всё-таки не злой.

- Да, ты прав, не злой. Но всё равно я его побаиваюсь.

- Не беспокойся, мы с тобой! - И Симон взял Рози за руку.

* * *

- Лев его проглотит и даже не заметит! - сказала Шарлотта.

Кот этого не слышал, он охотился за солнечным лучом.

Мы были очень довольны, что едем в цирк, но расстраивались, что кота придётся оставить дома.

- А может, надеть на него поводок? - предложил Борис.

- Или просто посадить его к тебе в сумку, - сказал я.

- Нет. У животных сильно развито обоняние. Коту будет очень плохо, если ему на шею нацепить поводок, а из сумки он унюхает львов и тигров и станет нервничать. И цирковые звери тоже распереживаются, если почувствуют запах кота. В цирк водят детей, а не животных. И давайте без ваших военных хитростей, хорошо? Со мной это не пройдёт. Кабачок, ты меня слышишь?

- Я ничего не делал.

- Вот и хорошо.

На прощанье мы все погладили кота, но ему было плевать.

Он продолжал ловить лапой луч и, когда мы вышли из комнаты, даже не побежал нас провожать.

На стоянке у дома стояла большая белая машина, а перед ней – нарядно одетая женщина с сигаретой в руке. Она постукивала по сигарете пальцем и стряхивала на землю пепел, делала она это слишком часто, так что в итоге упал и рыжий кончик, и женщине больше нечем было затягиваться, если не считать чистого воздуха «Фонтанов». Я успел заметить какого-то месье за рулём машины, но тут меня позвала Шарлотта.

Я запрыгнул в автобус, пошёл в конец салона и еле нашёл свободное место. Все ребята забрались с коленями на сиденья и смотрели в окно на белую машину, только Жужуба в автобусе не было.

– Почему она так одета? – спросил Ахмед.

– Идёт на службу в церковь, – предположил я.

– Да нет, Кабачок, – возразил Симон. – Сегодня ведь суббота, а по субботам Господь Бог отдыхает. Она едет вместе с нами в цирк.

– Она льва напугает своими духами, – сказала Беатриса. – Раз у животных сильно развит нюх, то в цирке будет просто кошмар.

– А кто это такая? – спросил я.

– Это мама Жужуба, – ответил Симон. – По-моему, ему повезло, что у него такая красивая мама, да ещё и машина крутая. «Мерседес»! Похоже, у родителей Жужуба куча бабла.

– Что такое бабло? – спросил я у Симона.

– Кабачок! Ты, может, нарочно прикидываешься? Бабло – это то, чего ни у кого из нас нет. Деньги, вот что, и у тебя их, наверное, столько, что ты даже не знаешь, куда их девать.

– А я бы знала, куда их девать! – сказала Беатриса. – Я бы купила билет и поехала проведать маму, и мы бы с ней уехали подальше от папы.

– А сколько плюшевых зайцев можно купить на бабло этой тётки? – спросил Ахмед.

- О! Такую гору, что тебя за ней не будет видно, - ответил Симон.

- Если бы у меня было бабло, я поехал бы вместе с братом на море. Да, Борис?

- Не знаю, вообще-то мы там уже были, давно, в детстве.

- Ну, теперь всё будет по-другому.

- Может, но бабла у нас всё равно нет.

- Дети! - крикнула Шарлотта. - Немедленно садитесь на свои места.

Жерар поставил кассету, и Шейла запела «Окончена школа»^[7].

Ага, если бы.

Я сел рядом с Камиллой.

Она смотрела на пейзаж за окном, как будто бы сама была где-то там.

- О чём ты думаешь?

- О детях, у которых есть настоящие родители, и эти родители прямо сейчас с ними.

Она посмотрела на меня, и я пожалел, что выдернул её из пейзажа за окном.

- Настоящие или ненастоящие - это ведь неважно, - сказал я. - Главное, чтобы они тебя любили, правильно?

- Нет, это разные вещи.

- Знаешь, иногда мне снится, что я всё ещё живу с мамой. Я не рылся в её ящиках комода, не играл с револьвером. Она по-прежнему разговаривает с телевизором, и я всё время один. Я могу поиграть в шарики с жирным Марселем или Грегори и могу позавидовать соседскому типу, который разговаривает со свиньями, но всё это занимает совсем мало времени, а дальше я уже больше не знаю, чем заняться. И вот когда-нибудь я вырасту, и пойду работать на завод, и после работы буду приходить домой только для того, чтобы подавать маме новое пиво и до поздней ночи

смотреть вместе с ней телевизор, и мы даже перестанем на ночь перебираться в кровати, будем засыпать прямо там, на диване, и я очень радуюсь, когда просыпаюсь и понимаю, что однажды я всё-таки порылся у неё в комод.

- А мне сны не снятся, - сказала Камилла. - И я прекрасно знаю, что папа так часто уезжал из-за того, что они с мамой всё время ссорились. Мама занималась иголками и сердцами, которые нужно штопать, потому что просто не умела говорить: «Я тебя люблю». И всё-таки это была моя мама, и у меня был папа, и был дом, и даже моя собственная комната, и, когда я спускалась по лестнице завтракать, это была моя лестница, и когда я пила шоколад, то пила его из своей любимой кружки с маленькими зелёными ушами и моим именем на боку, и я думаю, что у всех детей, которые живут здесь, всё тоже было так. Даже если родители их били или привязывали к батарее, даже если папа или мама попали в тюрьму, или пытаются бросить пить, или что похуже, всё равно это был их дом, их родители, и всё это было лучше, чем тут, в «Фонтанах».

- Камилла, ну что ты говоришь? Ведь здесь у нас есть всё. Дома я ел только макароны с кетчупом, картошку, паштет или мясной фарш. У нас никто даже не знал, что бывает такая вещь, как шпинат. Тут мы ходим в бассейн и играем в футбол, учимся кататься на лыжах, и питатели о нас заботятся. Здесь гораздо лучше, чем дома, и к тому же у меня есть ты, и Симон, и все остальные.

- Ты во всём находишь солнечную сторону. Иногда я тебе завидую. Я не могу просто так взять и стереть из памяти ведьму, и к тому же в один прекрасный день и Симон, и все твои друзья вырастут и разъедутся кто куда, и ты больше никогда их не увидишь. Может, ты даже и меня потеряешь навсегда.

- Нет, тебя я никогда не потеряю. Антуанетта сказала, что мы поженимся. И к тому же у нас есть Реймон. Он никогда не даст нас в обиду, и он знает, что я не могу приходить к нему в гости без тебя, и он любит тебя точно так же, как меня, и Виктор тоже, и жить на солнечной стороне, по-моему, гораздо лучше, чем жить под грозowymi тучами.

Камилла взяла меня за руку и крепко сжала её:

- Когда ты рядом, мне не так страшно.

- А я всегда буду рядом. Насчёт этого можешь не волноваться.

Реймон, Антуанетта и Виктор ждали нас у входа в цирк, и я надулся от гордости, когда Реймон попросил меня катить инвалидное кресло Антуанетты.

- Настоящий чемпион, какая мускулатура! - воскликнула Антуанетта, но она всё-таки немного помогала мне направлять кресло, особенно когда понадобилось удержать его перед ступеньками. Хорошо, что она помогала, иначе я бы, наверное, упустил кресло, хоть я и настоящий чемпион с прекрасной мускулатурой.

Но вообще лестницы - это ужасно неудобно, если у тебя не работают ноги.

Мы все уселись на первом ряду под огромным шатром цирка-шапито, включая Антуанетту в её собственном кресле.

Жужуб оказался стиснут между родителями, и каждый захватил одну из его рук. Наверное, это ему ужасно мешало доставать печенье из кармана.

Мама называла его Жюльен, и это было очень странно: мы уже давно забыли, какое у него на самом деле имя.

Его папа ослабил галстук и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Лицо у него было аж чёрное от загара, и у мамы тоже, и видно было, что они просто

счастливы быть рядом с Жужубом: они всё время на него смотрели, а Жужуб вжался в кресло и выглядел не очень счастливым. Наконец он силой выдернул у папы руку и тут же запихнул её в карман. Он достал оттуда печенье, и лицо его сразу посветлело, он даже улыбнулся родителям, но делиться печеньем ни с кем не стал, печенье – это только для него.

Ну такой уж он, этот Жужуб.

К тому же родители у него совсем тощие, вряд ли они любят все эти «вредные гадости», как говорит Роза.

Ну, конечно, если не считать сигарет.

В цирке мама Жужуба курить не могла, но всё равно достала из плоской коробочки сигарету и держала её зажатой между двух пальцев: не зажигала, но время от времени подносила к губам и делала вид, как будто курит, но так-то оно лучше для всех: незажжённую сигарету можно сколько угодно подносить ко рту, и никто вокруг не закашляется.

Когда занавес раздёрнули, мы уже все были на взводе.

Пошёл дождь из конфетти, бумажных ленточек и разноцветных шариков, и среди всей этой красоты было очень трудно оставаться послушными.

К тому же в цирке было полно детей, и все кричали. Один даже попытался выскочить на арену, и его папе пришлось как следует за ним побегать, он даже стал весь красный. Шарлотта и Роза всё время вставали со своих мест, чтобы усадить нас.

Не знаю, зачем они вообще садились.

Ну а как же мы могли сидеть и не реагировать, если сверху падали разноцветные шары, и по ним можно было хлопать ладонью, чтобы отправить летать дальше! А ещё пол под ногами был усыпан попкорном. Нам его раздали на входе, и мы устроили настоящую попкорновую битву! Повсюду летали зёрна кукурузы, конфетти и бумажные клочки, и часть из них оседала

у нас на головах, например, у Ахмеда волосы стали как радуга!

Месье в сверкающем плаще спросил в микрофон, всё ли у нас хорошо и довольны ли мы, что пришли в цирк, и мы закричали «да!» раньше, чем он закончил вопрос, и он посмотрел на нас и сказал: «Я смотрю, дети в первом ряду в отличной форме!», и мы немного покраснели, как бывает, когда на тебя показывают пальцем, но в то же время страшно загордились собой.

Месье продолжал говорить в микрофон, а на арену вывалились два клоуна, подбежали к нему сзади и стали ставить ему рожки из пальцев, и тут кто-то крикнул: «Осторожно, сзади!», и это был Ахмед, который вскочил и настучал на клоунов, указав на них пальцем.

- Спасибо, малыш, - сказал месье в микрофон, обернулся, взмахнул обеими руками и крикнул: «У!», и оба клоуна опрокинулись на спину.

- Они умерли? - спросил Ахмед.

Все, кто это услышал, засмеялись.

Потом клоуны поднялись и подмигнули Ахмеду, и тогда он уселся обратно на место, а они достали из широких карманов мячики и стали вращать их очень быстро на кончике пальца и время от времени ещё их подкручивать, и все им аплодировали. И тут один из клоунов пошёл вперёд, а второй дал ему ногой под зад и тут же убежал вглубь сцены.

- Пойдёшь со мной? - спросил клоун у Ахмеда и протянул ему руку.

Ахмед посмотрел на Розу, та ему кивнула: «Да!», и он позволил вытащить себя на арену.

- Как тебя зовут? Ахмед? Поаплодируем Ахмеду, медам и месье!

И мы на первом ряду зааплодировали так сильно, что чуть руки себе не отбили.

Клоун попросил Ахмеда поднять вверх палец и опять закрутил на своём пальце мячик, а потом перенёс его на палец Ахмеда, но тот согнулся под тяжестью мяча и страха, и мяч свалился на пол.

- Держи палец очень прямо и не сгибай, что бы ни произошло! - Клоун начал заново, и на этот раз Ахмед не уронил мяч, тот вертелся как волчок, и мы кричали: «Ахмед - крутой!»

Ахмед вернулся на место, а клоуны стали жонглировать тарелками, стаканами и даже салатницами, и я подумал про себя, что, наверное, лучше не пытаться это повторить в «Фонтанах», потому что только перебьёшь посуду и нарвёшься на неприятности, хотя, конечно, очень хочется быть похожим на этих клоунов!

После клоунов на арену вышла пара в красном, оба всё время улыбались. Можно было подумать, им эти улыбки на лица приклеили клеем. Даже когда месье ходил по огню, он всё равно улыбался. Дама сыпала на пол битое стекло (наверное, осколки одной из клоунских салатниц) и продолжала улыбаться, а месье топтался по битому стеклу ногами и тоже улыбался. А потом стал втыкать себе в щёки иголки и всё равно улыбался.

Жужуб, в отличие от месье, совсем даже не улыбался.

Он уткнулся лицом в грудь папе, потому что руки его опять были захвачены родителями.

Потом месье в красном попросил нас выйти на арену, и нас чуть не затошнило от страха.

Лично я совсем не хотел ходить по огню или по стёклам или делать ещё что-нибудь идиотское.

И всё-таки мы вышли, и нам было не по себе, когда он построил нас по росту и выдал нам горящие факелы, которые надо было держать как можно выше над головой. Ужас до чего страшно. Дама в красном

продолжала улыбаться и слегка пританцовывала, помахивая ногой, и иногда задевала нас, и я боялся, что сейчас она промахнётся и хорошенечко засветит кому-нибудь из наших. Я старался держать руку как можно выше над головой, но всё равно от факела было очень жарко, и я боялся загореться. И тут месье Улыбка подал нам знак, и мы начали подавать ему факелы, и он гасил их, заталкивая пламя себе в рот, и я стоял последним в очереди и был страшно рад, когда он наконец проглотил пламя моего факела, и я подумал, что улыбка – это у него, наверное, от огня, она там застыла, потому что ему приходится всё время так широко открывать рот.

В любом случае пробовать глотать огонь я точно не стану.

Я ещё не совсем того.

Больше всех мне понравился старик-фокусник.

У него была высокая островерхая шляпа и длинный плащ, расшитый звёздами и лунами, совсем как у волшебника Мерлина.

Его помощница-блондинка понравилась мне гораздо меньше.

На ней было красно-белое клетчатое платье, губы накрашены розовой помадой и щёки тоже, а волосы она завязала в два хвостика, и из-за этого вид у неё был глуповатый, как у всех женщин, которые одеваются как маленькие девочки.

(Антуанетта говорит, что всё дело в том, что их пугает старость, – вот старые дамы и одеваются как маленькие девочки и делают вид, как будто не замечают течения времени.)

Большая девочка-блондинка вынимала из огромной корзины разные вещи и показывала их нам разными сторонами, как будто бы мы были на базаре и собирались всё это у неё покупать, а потом отдавала

предметы старому фокуснику: волшебную палочку, шляпу, платок. Каждый раз, когда фокус удавался, большая девочка-блондинка глуповатого вида ужасно радовалась. Когда фокусник достал из шляпы кролика, она закричала от восторга, когда подброшенная вверх горсть конфетти упала обратно и стала крапинками на галстук, выпучила глаза от удивления, а когда ей пришлось забираться в чемодан, вид у неё был такой довольный, как будто это самый счастливый день в её жизни. Старик закрыл её в чемодане, раздалась барабанная дробь, и, когда фокусник открыл чемодан, большой девочки-блондинки там уже не было, вместо неё из чемодана вылетели птицы. Яркий луч пробежал по цирку и поднялся вверх по лестнице, и там, наверху, – сюрприз! – стояла она, даже успела переодеться и теперь была похожа на Красную Шапочку. Она грызла огромный леденец и спускалась по ступенькам, а на арене сбросила с себя красный плащ с капюшоном, и Роза сказала: «Костюмчик совсем не для детского спектакля!»

Но она недолго красовалась своими блёстками, потому что фокусник заставил её забраться в ящик, и теперь оттуда торчали только её ноги и голова. Большая девочка радостно шевелила и тем и другим, как будто всю жизнь только и ждала, когда её запихнут в ящик. И когда старик-фокусник занёс над ней огромную пилу и барабаны снова забили дробь, она рассмеялась, вроде как это самая смешная шутка на свете. Старик спокойно распилил её на две половины, и я сидел и думал, что ведь Реймон – полицейский и должен что-то сделать с этим чокнутым, но нет, он тоже сидел и смеялся, как все остальные, и я уже ничего не понимал. Фокусник раздвинул в стороны две половинки ящика: в одной половине по-прежнему весело болтались ноги, а из другого торчала голова. То, что осталось от большой девочки-блондинки,

весело вращало глазами, и весь зал аплодировал, кроме меня.

И не просите, такому я аплодировать не стану.

Тут старик сдвинул половины ящика вместе, хорошенько стукнул по ним волшебной палочкой, произнёс: «Абракадабра», и большая девочка глуповатого вида вылезла из ящика целая и невредимая, и даже задрала свою расшитую блёстками одежду, чтобы мы убедились, что на ней нет никаких шрамов, и тогда я решил, что, когда вырасту, стану фокусником, потому что это ещё лучше, чем быть Господом Богом, который всё время только слушает просьбы людей и никогда не исполняет их мечты.

Я закрыл один глаз, а потом другой, когда месье повис в воздухе вверх ногами. Он держал за руки даму, а потом зашвырнул её на соседние качели. Я, конечно, видел, что внизу натянута сетка, но мне всё равно было страшно. Какая странная профессия – воздушный гимнаст. Целыми днями только и делаешь, что висишь над бездной ради того, чтобы тебе похлопали. Для этого нужно, наверное, чтобы голова у тебя была набита гороховым пюре, как Розы часто говорит про нас. И это ещё не самое страшное. Самое страшное – это когда они катаются на велосипеде по канату всё над той же сеткой. И, чтобы было ещё интереснее, дама забралась месье на плечи.

Это было уже слишком.

Я закрыл оба глаза.

А когда открыл их, оказался в пасти у льва. Ну, почти.

Меня разбудил удар хлыста.

Лев попятился и забрался на тумбу.

Я посмотрел на своих друзей, и по глазам было видно, как они напуганы.

Цирк – это круто.

Но мне всё-таки больше нравятся американские горки. Там непонятно, чего больше – страха или радости.

И тут месье с хлыстом попросил, чтобы лев прыгнул, и лично я не стал бы так рисковать, потому что прыгать-то ему нужно было в горящее кольцо. Лев медленно слонялся по своей тумбе, как будто размышлял: «Прыгать или не прыгать?» – и тут вдруг раз! – и прыгнул, и оказался гибким, как кошка, и пролетел через кольцо, и даже не коснулся огня своей пышной гривой, и на этом номер был окончен.

Снова пришёл месье в сверкающем плаще и за ним два клоуна, и месье сказал в микрофон: «Надеюсь, вам всё понравилось», а клоуны у него за спиной кривлялись и скакали, и месье помахал нам рукой, и тут все услышали, как Ахмед спросил: «Цирк закончился?», и сверкающий месье ответил: «Нет, малыш, цирк не заканчивается никогда!»

Теперь-то я понимаю, почему Роза часто нам говорит: «А ну прекращайте этот цирк!»

* * *

Реймон не говорит, куда мы едем.

Я знаю, что «это сюрприз» и что мы с Камиллой должны выйти из «Фонтанов» рано утром, чтобы «не упустить ни одного солнечного луча».

Я не очень-то люблю сюрпризы. Иногда от них одно разочарование – например, в пакетике-сюрпризе окажется всего лишь пластмассовый солдатик. А иногда так сильно бьётся сердце, и слёзы льются из глаз, и не можешь проглотить ни одного кусочка торта Фердинана, как тогда, в мой день рождения.

Я всё-таки ещё раз спросил, когда мы разговаривали по телефону.

Реймон сказал:

- Ну ладно, это пикник с целой корзиной вкусной еды.

И я больше ни о чём теперь не мог думать.

В машине Антуанетта сидела впереди, а её кресло убрали назад, в багажник. Я это знаю, потому что сам открывал дверцу багажника, вот только почему-то корзины для пикника я там не увидел.

- А где же корзина? - спросил я у Реймона.

- На коленях у Антуанетты. И смотри, осторожнее забирайся в машину, там сумка-холодильник прямо у меня за сиденьем.

- Что такое сумка-холодильник?

- Такая сумка для пикника, в которой держится низкая температура и продукты не портятся. Закрывай багажник и прыгай в машину, Кабачок.

Я поставил ноги на сумку-холодильник и уткнулся подбородком в колени.

Прежде чем открыть комиксы и отправиться с Тинтином на Луну, Виктор прошептал мне на ухо:

- Антуанетта сидит на месте покойника.

И я задумался, о ком это он.

У Реймона такая профессия, что в этом, конечно, нет ничего удивительного, и всё-таки я не представлял себе, что за покойника он мог везти на месте Антуанетты. К тому же покойники не разговаривают, а Реймон любит, чтобы в дороге ему что-нибудь рассказывали.

Правда, Антуанетта тоже не слишком много разговаривает, но она поёт, а это уже кое-что.

Полицейский не засыпает за рулём, и мы не оказываемся в канаве, как та машина, мимо которой мы только что проехали, вокруг стояли полицейские и спасатели, и мы увидели заднюю часть автомобиля, это был чёрный «мерседес», и я был очень рад, что он

не белый, потому что родители Жужуба теперь решили больше никогда не путешествовать без сына.

Камилла ничего не видела, она спала, прислонившись к двери, и, судя по спокойному выражению лица, смерти в её сне не было и в помине.

Антуанетта, похоже, не отдавала себе отчёта в том, что заняла место покойника, она прижимала к груди корзину для пикника, как будто боялась, что кто-нибудь её отнимет, и авария на дороге её ничуть не смутила: она продолжала напевать как ни в чём не бывало.

- Что ещё за покойник? - спросил я у Антуанетты, тронув её за плечо.

- Покойник? Какой ещё покойник? - растерялась она.

Виктор спустился с Луны и пнул меня ногой:

- Ты придурок или как?

- Виктор, пожалуйста, следи за словами, - сказал Реймон дороге. - А тебе, Икар, что ещё такое взбрело в голову?

- Это не мне, это Виктору.

- Да я вообще молчу!

- Неправда, ты мне сказал, что Антуанетта сидит на месте покойника!

- Ну ведь не для того, чтобы ты это повторил для всех! Ябеда.

- Я не ябеда.

- Ябеда.

- Нет.

- Это ты сказал про покойника.

- Так, а ну-ка успокойтесь там, на заднем сиденье, - прорычал Реймон, посмотрев на нас в зеркало. - Место покойника - это просто такое выражение, Кабачок. Оно означает, что в случае аварии место рядом с водителем - не самое удачное.

- Не очень-то хорошее выражение, - огрызнулся я.

- Да, совсем не хорошее, - согласилась Антуанетта. - А ты, Реймон, смотри на дорогу. Сегодня мне что-то не хочется, чтобы это выражение было про меня.

- Больше никогда ничего не буду тебе говорить, - прошипел Виктор, переворачивая страницу комикса.

- Извини, я не хотел ссориться. - Я взял его за руку.

- Ладно, проехали. - Он не отнимал у меня руки.

- Хорошая книга?

- Да, хочешь, вместе почитаем?

- Давай.

Меня сразу же затошнило от приключений Тинтина на Луне, но я не стал говорить об этом Виктору, не хотелось опять его сердить. Я немного опустил окно, чтобы глотнуть воздуха, но пришлось сразу же поднять его обратно из-за Антуанетты, которая не хотела «простудиться до смерти», и я подумал, что да, пожалуй, сегодня она настроена выжить любой ценой.

Как будто бы смерть можно подхватить, просто посидев у открытого окна!

Я уже столько окон открывал за свою жизнь и ни разу не видел там, за открытым окном, смерти. А не заметить её довольно сложно, в этом её чёрном плаще и с косой в руках.

Я не всегда понимаю, что мне говорят, но тут нет моей вины.

По крайней мере, я задаю вопросы, и пускай все вокруг принимают меня за придурка или думают, как Симон, что у меня не все дома.

Если ничего не спрашивать, ничего и не узнаешь.

Вот, например, Симон, он всё знает про нас, но почти ничего не знает про себя, а в тетрадах, которые он читает, ответов на все вопросы не найдёшь. Я знаю, что он слишком гордый, чтобы взять

и расспросить о чём-нибудь мадам Пампино, которая хорошо знала его маму.

Я бы на его месте просто закидал её вопросами.

А Симон этого не делает.

Легко говорить, что «Фонтаны» – тюрьма, если тебе даже в голову не приходит распилить решётку на её окнах.

Взрослые тоже такие.

У них полно вопросов без ответов, потому что вопросы остаются у них в головах и никогда не выходят наружу. А потом незаданные вопросы отражаются у них на лицах в виде печали и тоски.

Морщины на лице – это и есть вопросы, которые не были заданы, и с годами их становится всё больше и больше.

Вот Антуанетта – она тоже никогда ни о чём не спрашивает.

Она предпочитает напевать.

А я прекрасно вижу, как временами лицо её становится серым и мрачным, как будто бы солнце вдруг спряталось за тучами. Когда она напевает, её как будто уносит далеко-далеко, и лицо освещается каким-то внутренним светом, хоть оно и сморщено, как старое яблоко.

Лично я, когда стану старым, всегда буду десятилетним и продолжу задавать идиотские вопросы, и тогда у меня на лице не будет ни одной морщинки.

– О чём ты думаешь? – спросила Камилла и потянулась, как кошка, которая, когда просыпается, вытягивает вперёд все четыре лапы.

– Ни о чём, – соврал я.

– По твоему лицу этого не скажешь!

– И какое же у меня лицо?

– Такое, как будто ты думаешь о чём-то ужасно серьёзном. Нос наморщил, губы надул.

– Ну конечно.

- Да, и, между прочим, уже не в первый раз. Смотри, будь осторожен, однажды тебя так заклинит, и будешь всю жизнь ходить с жуткой рожей!

Она опустила голову и изобразила гримасу, которую только что описывала. Получилось довольно отвратительно.

- Неужели я так делаю?

- Да.

И она засмеялась.

И тут я увидел вдалеке море и стал подскакивать на месте от нетерпения.

Я видел его тысячу раз в кино, но в жизни - совсем другое дело.

Мама не хотела везти меня на море. Говорила, что это слишком дорого и к тому же у моря опасно, вот у одной женщины на заводе сына захлестнуло волной, как в стиральной машинке.

Море - огромное.

Я не виноват, что по телевизору всё кажется таким маленьким.

Я, наверное, единственный мальчик на свете, который никогда не был на море.

Я даже загордился.

Я пошёл по песку, ноги в него здорово проваливались, и скоро у меня были уже полные туфли песка.

- Чего не разуваешься? - Камилла шла босиком и держала сандалии в руке.

Я огляделся по сторонам.

Похоже, я был единственным обутом человеком на всём берегу, если не считать Антуанетты, которую Реймон нёс на руках, и её ботинки торчали кверху, будто она указывала ими на солнце.

По краю воды шли люди в купальниках (не знаю, куда они хотели попасть) и ступали босыми ногами прямо по морю.

Кроме них на песке были только покойники, которые неподвижно лежали на полотенцах.

Я снял с себя всё, кроме трусов.

Реймон усадил Антуанетту в её кресло в тени большого жёлтого зонтика.

Мы расстелили на песке большое белое покрывало. Вся наша одежда висела под зонтиком, кроме одежды Антуанетты.

Она сказала:

- Прошли те времена, когда я носила купальники.

- Ты можешь вообще ничего не надевать, - сказал я.

- Кабачок! Хочешь, чтобы солнце испугалось и ушло?

И она рассмеялась, и во рту у неё оказалось совсем мало зубов.

Я посмотрел на мягкое пузо Реймона. Оно было похоже на спущенный футбольный мяч. Грудь и плечи полицейского поросли шерстью, и она выглядела очень странно на его белой коже, почти такой же белой, как зубы у Беатрисы.

Камилла взяла меня за руку, и мы побежали к морю.

Это совсем не похоже на бассейн: вода суперхолодная и суперсерая.

Вообще-то солнце могло бы хоть немного окунуться в воду, вместо того чтобы торчать, задрав нос от гордости, там у себя высоко в небесах.

- Кабачок струсил! - крикнула Камилла, бросаясь в воду.

- Это кто ещё струсил! - возмутился я и побежал в воду, но тут же упал, потому что волна поставила мне подножку.

- Какое суперогромное, - сказал я.

- Что?

- Море. В бассейне всегда видно, где другой конец дорожки.

- Это да, но зато здесь сколько хочешь места, чтобы кувыркаться!

И Камилла исчезла под водой.

- Вода мегахолодная. - Виктор стучал зубами.

- Ты совсем, что ли! Напугал меня!

- Папа, эй! Мы тут!

Виктор так громко орал, что я ничего не слышал, пришлось искать Реймона одними глазами. А может, это море залилось мне в уши, когда я попробовал кувыркнуться, как Камилла.

Ангел Камилла, мокрая, как рыба, кувыркалась теперь уже задом наперёд.

И тут я увидел Реймона, который двигался в нашу сторону, как танцовщица.

Можно было подумать, он боится сделать воде больно или не знает, куда поставить ногу. Он и так и сяк кривил лицо и слегка плескал себе водой под мышки и на шею, а потом наконец потерял равновесие и повалился в воду, как кит.

Мы с Камиллой и Виктором прошагали по воде и принялись барабанить по пузу Реймона, которое выглядывало из воды, как островок дрожащего желе посреди карамельного соуса.

Реймон схватил Виктора за руку и за ногу и стал вращать вокруг себя, как самолёт, а потом отпустил, и Виктор полетел в воду.

- Я тоже хочу самолёт! - попросил я.

- И я! - подхватила Камилла.

- Ещё! - закричал Виктор.

И Реймон много раз покрутил по очереди всех троих, и нам всё было мало, и Реймон немного устал и отпустил меня раньше времени, я наглотался солёной воды, и тогда Камилла похлопала меня по спине, и я выплюнул море.

- Всё хорошо, малыш? - спросил Реймон.

- Да, ещё! - попросил я. Реймон схватил меня за талию и зашвырнул в воздух, как мяч, я даже не успел ничего крикнуть, как был уже на дне.

- Теперь меня! - крикнул Виктор.

- Нет, меня! - взмолилась Камилла.

После «мяча» мы забирались Реймону на плечи, зажимали рукой нос и опрокидывались назад, а потом ещё играли в «водные лыжи»: упирались ногами Реймону в колени, он хватал нас за руки и быстро-быстро пятился в воде, издавая звуки, похожие на шум моторной лодки, а потом мы все побежали на берег, потому что страшно проголодались.

Антуанетта храпела, уронив голову назад, и Виктор бросил в её открытый рот кусочек хлеба, и она проснулась и закашлялась, и это было ужасно смешно.

Мы стащили с себя мокрые трусы и повесили их сушиться под жёлтым зонтиком, и я воспользовался случаем и посмотрел на пипиську Виктора, которая оказалась такой же маленькой, как у меня, и это меня успокоило. Реймон дал нам полотенца, чтобы мы не сидели за столом голышом. Мы достали из корзинки чипсы и одноразовые тарелки, стаканы, вилки и ножи.

Очень удобно, потому что всё это, кроме чипсов, можно будет потом выбросить, и посуду мыть не надо!

А потом Реймон открыл дорожный холодильник и вынул пластмассовые коробочки с разными вкусными вещами: там были яйца вкрутую, редиска, курица и яблоки. Ещё он достал из холодильника очень холодную воду и лимонад. Я посыпал крутое яйцо солью, как Реймон, откусил, и на зубах у меня захрустел песок. Никто не стал пользоваться пластмассовыми приборами, чтобы есть курицу, даже Антуанетта ела руками, и это было очень классно, хотя пальцы потом и жирные. Я немного потёр яблоко о полотенце, чтобы румяные бока засверкали со всех сторон, и, когда откусил, яблоко тоже оказалось всё в песке.

Потом мы снова натянули на себя трусы, они уже почти высохли, и Реймон переставил зонтик к самой воде, а потом вернулся за Антуанеттой, которая тем временем прикрыла голову шапкой из газетной бумаги, похожей на бумажный кораблик.

Мы дотолкали кресло Антуанетты до тени зонтика, и это было непросто, потому что колёса увязали в песке.

Потом взяли лопатки, грабли и ведёрки и начали строить замок, похожий на наши «Фонтаны».

Реймон расстелил полотенце рядом с креслом Антуанетты, улёгся на живот и вскоре уснул.

У него шерсть растёт даже на плечах!

Виктор вывалил на место строительства ведро песка, я прорыл вокруг ров лопаткой, чтобы защитить наш дом от волн, а Камилла пошла собирать ракушки. Антуанетта протянула мне флажок, который сделала из зубочистки и обрывка газеты, и я воткнул его в одну из башен. Камилла вернулась с пригоршнями сокровищ, и мы украсили ими наш замок.

На «Фонтаны», правда, получилось не очень похоже, но всё равно красиво.

Потом мы стали будить Реймона, дёргая его за волосы на плечах, хотя Антуанетта приговаривала: «Дайте человеку поспать». Реймон приподнялся, открыл один глаз и глянул им на замок. Сказал: «Здорово!», закрыл глаз и рухнул обратно на полотенце.

- Бабуль, а можно мы пойдём купаться? - спросил Виктор. Он был немного разочарован.

- Да, только недалеко. Зрение у меня теперь уже не то.

Хорошо, что предупредила!

Иногда Антуанетта говорит, что видит гораздо дальше, чем мы можем представить, а иногда - что зрение у неё уже не то.

Мы побежали купаться одни, но без Реймона было не так весело. Мы попытались покатать друг друга «на самолёте», но руки у нас очень слабые, и ничего не вышло.

Было больше похоже на подводную лодку, чем на самолёт!

Мы вернулись к берегу, уселись на песок, оперлись на локти и стали хлопать ногами по воде и смотреть, как далеко по морю плывёт большой корабль, и кажется, что плывёт он очень-очень медленно.

- Этим летом папа отвезёт меня на жаркое море.

- Повезло. - Я навалил себе на ноги мокрого песка.

- Да, и Антуанетта тоже поедет. Мы будем жить в маленьком домике, и, хотя жаркое море не совсем рядом с нами, его всё равно будет видно в окно.

- А какое оно, жаркое море? - спросил я, не подумав.

- Как какое? Жаркое! Ты иногда как спросишь! Ты что, никогда там не был?

- Почему это не был? Был, сто раз, - соврал я.

- Неправда, Кабачок, - сказала Камилла. - Ты весь покраснел, потому что врёшь.

- Это от солнца.

- Ты себя не видел, когда мы пришли на пляж. А я видела! У тебя глаза были вот такие огромные! Спорим, ты раньше никогда в жизни не был на море?

- Неправда.

- Никогда-никогда не видел моря?! - У Виктора был такой голос, будто бы я никогда в жизни не видел яйцо или траву.

- Ничего такого тут нет, - сказала Камилла. - Мы не будем над тобой смеяться.

- Говорю же тебе, видел я это ваше море сто раз.

- И где же ты его видел?

- Не помню!

- Папа! - закричал Виктор. - Кабачок раньше никогда не был на море!

- Заткнись!

- Виктор! - прикрикнула на внука Антуанетта. - Папа спит сном младенца, оставь его в покое!

- Как можно спать сном младенца в таком шуме? - проворчал полицейский, поднимаясь.

- Папа, Кабачок в первый раз видит море!

- Правда, малыш?

Реймон подошёл и сел в воду рядом со мной, он сидел с опущенными плечами, потому что ещё не окончательно проснулся.

- Да, - прошептал я и вдавил пятки в песок.

Если бы я мог, то весь бы целиком туда сейчас вдавился.

- Мама никогда не возила тебя на море? - удивлённо спросил Реймон. - Даже на денёк?

- Нет, она говорила, что это очень дорого и что каникулы - это для богачей, и к тому же она не могла водить машину из-за больной ноги, а ещё она боялась моря, потому что одного маленького мальчика накрыло волной, как в стиральной машине.

- Какого мальчика, малыш?

- Не знаю.

- Кабачок, я не богач, но у меня хватит денег на то, чтобы вас всех свозить этим летом на море, если захотите.

Я не ответил.

Я смотрел на большой корабль, который потихоньку исчезал где-то там, на другом краю моря.

- Серьёзно? - спросила ангел Камилла.

- Серьёзно.

- Тётя мне ни за что не разрешит, - огорчённо протянула Камилла.

- Я договорюсь с судьёй. Не волнуйся. Кабачок, а ты что скажешь?

- Мне стыдно, - сказал я.

- Почему? - спросил Реймон.

- Что он сказал? – крикнула Антуанетта.
- Что ему стыдно! – проорал в ответ Виктор.
- Почему?
- Антуанетта! – крикнул в свою очередь Реймон. –
Дай малышу спокойно ответить.

- Если я вам мешаю, так и скажите!

И она надвинула бумажный кораблик на самые глаза.

- Ну так что же, малыш? Почему тебе стыдно?

- Мне стыдно, что я не сказал сразу, что никогда раньше не был на море. Я думал, вы будете смеяться.

- Я никому не позволю над тобой смеяться, малыш.

- И я! – сказала Камилла.

- Ты мне как брат, Кабачок, – сказал Виктор. – И если кто-нибудь захочет над тобой посмеяться, я ему так вмажу!

И он вмазал свежему морскому воздуху – стал яростно размахивать своими маленькими кулаками.

- Хорошо, тогда я тоже хочу на жаркое море. – Я почувствовал, как у меня ком подкатывает к горлу, и вспомнил, что это не очень хороший знак.

- Ура! – закричал Виктор.

И я всё-таки разревелся.

* * *

Была перемена.

Мы с Камиллой сидели на траве и молчали, потому что не знали, что сказать.

Кот пропал, мы его всюду искали, но так и не нашли.

Камилла сказала:

- Мы оставили его одного, и он ушёл искать себе новых друзей.

А ещё мы не переставали думать о полицейском и о том, что он нам сказал, когда мы были на море.

Мне не пришлось спрашивать у братьев Шафуан, что означает слово «усыновление».

Это слишком простое слово для их игры в словарь.

Даже я знаю, что оно означает.

- Ведьма мне ни за что не разрешит, - Камилла выдрала из земли пучок травы.

- Не волнуйся, Реймон поговорит с судьёй, и всё будет хорошо.

- Ты её не знаешь, она сделает такое милое-милое лицо и навешает судье на уши лапши про меня, наговорит всяких ужасов, и я останусь в «Фонтанах».

- Я без тебя никуда не поеду.

И мы посмотрели друг на друга не дыша.

Меня эта ведьма мало беспокоит.

Её сдует, как осенний лист в бурю, и никто не побежит её подбирать. Пусть у неё будет даже самое милое лицо на свете, месье судья её не выносит с тех пор, как прослушал кассету, и теперь он прекрасно знает, что она врёт как дышит.

Меня куда больше беспокоит то, что мне так трудно держать в секрете такую важную новость, и каждый раз, когда я разговариваю с Симоном или Ахмедом, мне кажется, будто я их предаю.

И у Камиллы то же самое.

Держать свой секрет ещё труднее, чем выдать чужой.

Симон ведь не идиот, он прекрасно видит, что я изменился с тех пор, как вернулся с моря.

Я говорю: «У тебя слишком богатое воображение», а Симон смотрит на меня так, словно я ему больше не друг, и мне от этого очень грустно.

Я позвонил Реймону, и он мне сказал:

- Потерпи ещё немного, Кабачок, ещё несколько дней - и всё разрешится.

- Несколько - это сколько? - Я растопырил пальцы.
- Не больше двадцати. Сразу после благотворительной ярмарки в «Фонтанах».

Я сжал кулаки. Чтобы сосчитать эти дни, пальцев не хватит.

Беатриса спросила у Камиллы, почему она так часто шепчет мне на ухо.

- Это что-то про меня?

- Нет.

- Тогда почему ты больше не берёшь меня с собой на прогулки?

- Потому что.

- Ты скоро уедешь?

Камилла чуть не поперхнулась.

- Куда?

- На море. Ты стала другой с тех пор, как туда съездила. Ты почти ничего не ешь, всё время шепчешься с Кабачком, а в школе смотришь в окно, как будто хочешь улететь. Алиса тоже заметила, и даже мальчики приходили и спрашивали, может, я знаю, что с тобой такое. Я сказала, что знаю, но что это касается только девочек.

- Прямо так и сказала?

- Ну да, я не хотела, чтобы все решили, что я идиотка.

И Камилла крепко её обняла.

- Ты совсем не идиотка, Беатриса. И я тебе обещаю, что ты будешь первой, кому я всё расскажу!

- Когда?

- Скоро.

- А ты не разозлишься, если я буду перед остальными делать вид, что всё знаю?

- Не разозлюсь.

- Тогда почему ты плачешь?

- Я не плачу.

- А это тогда что такое, вот, под глазом?

- А, это! Наверное, соринка попала.

- В «Фонтанах» не бывает соринок. Ты видела, как они тут всё пылесосят? Я видела! Они даже под кровать с пылесосом залезают!

- Ну, значит, эта соринка сумела от них улизнуть.

Один только Жужуб никого ни о чём не спрашивал.

Его родители теперь часто приезжали его навещать и иногда возили на выходные в Париж.

У него больше ничего не болит, он не носит пластырей на пальце и страшно этим гордится.

- Я скоро уеду к родителям в их огромный дом, и у меня будет своя собственная огромная комната! А ещё у меня будет куча игрушек и целый собственный сад! Однажды я женюсь, и у меня родятся дети, и я больше не смогу приезжать вас навещать...

Симон заткнул ему рот:

- Ты достал, Жужуб. Всем плевать на твой огромный дом и твой собственный сад. Ты никогда ни с кем не делился, и на всём свете не найдётся такой идиотки, которая захотела бы любоваться твоей рожей, вымазанной тухлым тортом, и твоим жирным поросычьим пузом, и детей у тебя никогда не будет, и тем лучше для них, а здесь по тебе никто скучать не будет, можешь не волноваться.

Симон иногда бывает беспощадным.

Как будто у него кожа как у носорога.

А с тех пор, как он стал смотреть на меня так, будто мы больше не друзья, он злится вообще на весь мир. Жужуб даже не попытался ему ответить, сидел с раскрытым ртом и ничего не мог сказать, а потом разревелся из-за «рожи, вымазанной тортом» и «жирного поросычьего пуза».

На него было больно смотреть.

Я положил руку ему на плечо, и Симон тогда плюнул на землю и повернулся к нам спиной.

С тех пор как Симон пообещал запереть Ахмеда на всю жизнь в стенном шкафу, тот сидел очень тихо, делал уроки и никого ни о чём не спрашивал.

Я не знал, что делать. Я попытался успокоить Симона, но тот сказал, что с предателями не разговаривает.

- Что происходит с Симоном? - спрашивали у меня Розы и Шарлотта.

- Не знаю. - И я убегал, чтобы они больше ни о чём не спрашивали.

На этой неделе Симон уже второй раз драит перила из-за ругательств, которые так и рвутся из его рта. Мы с Камиллой вызвались помочь, но он сказал: «Обойдусь. Валите отсюда!», и мы застыли на месте как каменные.

- Как трудно держать секрет! - Камилла выдрала вокруг себя уже столько травы, что земля была вся в проплешинах.

- Да. Я, наверное, расскажу Симону, пока не стало слишком поздно.

- Но мы ведь обещали Реймону ничего никому не говорить.

- Я знаю. Но когда он так смотрит, это просто невыносимо. Страшнее, чем когда в тебя целятся из револьвера.

Я попросил Ахмеда пойти делать уроки у Розы и подсел за стол к Симону.

Сначала он делал вид, что меня там нет, но от волнения два раза переписал одно и то же предложение.

- Симон, мне надо с тобой поговорить.

- Что-то не хочется.

- Я раскрою тебе секрет.

- Мне плевать на твой секрет.

Тогда я взял его книгу и бросил на пол.

- Я знаю, что тебе не плевать. Иначе ты бы так не злился.

- Подними книгу и вали отсюда, если не хочешь получить.

- Нет.

- Ну, я тебя предупредил.

И он ударил меня кулаком в живот.

От боли на глаза навернулись слёзы. Я ничего не видел. Решил, что не буду отвечать злостью на злость Симона, но чувствовал, что она во мне закипает.

- Симон, ты мне нужен.

Я ждал, что в ответ услышу оскорбление или получу ещё один удар.

Но ничего такого не произошло.

Ни оскорблений, ни ударов, ни злости, которая вроде бы секунду назад во мне закипала.

Поэтому я вытер слёзы и посмотрел на Симона.

Симон дрожал от волнения, он стоял у стола и с изумлением смотрел на свой разжатый кулак, из которого как будто улетучилась вся злость, и глаза больше не сверкали молниями.

- Прости, Кабачок. Я не нарочно.

И он сел на кровать Ахмеда, и я тоже.

- Ну у тебя и удар, как у боксёра! - Я ощупывал живот, который всё ещё болел.

- Правда?

- Ага.

И мы сидели так вдвоём на кровати Ахмеда довольно долго и просто смотрели в пустоту.

- Реймон хочет нас усыновить - меня и Камиллу, - сказал я тихим голосом, как будто бы не хотел, чтобы меня слышали.

- И вы уедете?

- Да.

- Когда?

- Не знаю. Может быть, после благотворительной ярмарки. Всё зависит от судьбы.

- И давно ты об этом знаешь?
- С тех пор как Реймон возил нас на море.
- Честно?
- Честно.
- А раньше даже не подозревал?
- Ну, иногда мне казалось, что Реймон на меня как-то странно смотрит. Почти так же, как на Виктора. Но я и не думал, что он попросит нас переехать к ним домой...
- Значит, и ты тоже нас бросаешь?
- Нет, Симон. Мы будем часто видеться. Реймон мне обещал.
- Это будет уже не то.
- Нет, ничего не изменится, мы останемся друзьями, как и раньше.
- Нет, Кабачок. Ты больше не будешь здесь ночевать и перейдешь в другую школу, и мы не будем видеться целыми днями, и скоро ты нас забудешь точно так же, как этот придурок Жужуб. Но он-то пускай катится вместе со своими нашпигованными баблом родителями. Но тебе я желаю настоящей райской жизни, хотя мне, конечно, страшно завидно. Заживёшь наконец по-человечески подальше от этой тюрьги. Когда ты поселишься у Реймона, на нас будешь смотреть уже совсем другими глазами. Мы тут как дикие цветы, которые никто не хочет срывать. Людям нравится усыновлять малышей, а детей вроде нас, подростков, никто уже не хочет. Мы для них староваты.
- Зачем ты так говоришь? Я же не флюгер на школьной крыше, который поворачивается туда, куда ветер дует. Скоро будет год, как я здесь, и до «Фонтанов» я почти ничего в жизни не знал. У меня были товарищи вроде Грегори и Марсея, но они не были мне настоящими друзьями. Я думал, что жизнь - это примерно как телевизор: смотришь на экран, а она протекает там, за стеклом. Я совсем

ничего не понимал. И потом, меня ведь усыновляют в десять лет, значит, ты не прав, когда говоришь, что подростковые дети никому не нужны. И тебе тоже ещё повезёт!

- Нет, мне уже никогда не повезёт. Разница между нами - в том, что тебе крупно повезло: ты видишь жизнь разноцветной, а у меня она чёрно-белая, и мне никогда не везло. Мои родители принимали наркотики и даже толком не помнили о том, что я у них есть. Оба умерли из-за того, что передознулись. Я был тогда дома, и это не самое весёлое зрелище.

- Что значит «передознулись»?

- Это значит приняли так много наркотиков, что это их убило.

- Ого. Знаешь, Симон, лично я очень рад, что ты у меня есть, и я тебя очень люблю.

- Я тоже тебя люблю и не хочу, чтобы ты уезжал. Но ты ведь всё равно уедешь.

- Я не знаю, что сказать. Мне уже почти не хочется уезжать.

- Ну вот ещё! Ты больной? Оставаться в этой тюрьме, когда снаружи тебя ждёт солнце? Никогда не слушай других, Кабачок! Ни меня, ни кого-нибудь ещё. Только своё сердце. А я уверен, что твоё сердце подсказывает тебе, что надо отсюда валить.

- Да, это правда.

Я взял его руку и прижался к ней щекой, как когда-то давно прижался к руке полицейского, который привёз меня в «Фонтаны».

* * *

Камилла уехала с мадам Пампино в суд.
Небо затянулось тучами, солнца не видно.

Я подумал, что Господу Богу сегодня так же грустно, как мне, и эта мысль меня немного приободрила.

Я не пошёл в школу, и никто меня за это не отругал. Сегодня мне было не до того.

Рози приготовила чай с пирожными, которые прямо распирало от крема, но я на них едва взглянул. Как бы мне хотелось, чтобы стрелки на часах у Шарлотты бежали хоть немного быстрее и чтобы мне поскорее вернули Камиллу.

Я надеюсь, что судья сдержит обещание и защитит моего ангела от злой ведьмы.

Рози называет её стервой с тех пор, как прочитала письмо.

Это было письмо судье и мадам Пампино, в котором ведьма заявляла, что она против того, чтобы Реймон удочерил Камиллу.

Она писала, что детям небезопасно жить под одной крышей с полицейским и что это будет безответственно со стороны судей, если они позволят несовершеннолетним детям поселиться в доме у вдовца, который владеет оружием. Тем более что я тоже имел дело с револьвером, и она не желала подвергать свою племянницу такому риску.

Это не стерва, это гораздо хуже, просто я не знаю подходящего слова, которым её можно назвать.

Месье Клерже сказал, что не боится ведьмы и что он даст послушать кассету остальным судьям.

– Каким ещё остальным судьям? – спросил я.

– Судьям в суде, малыш.

– Их там что, много?

– Да, несколько человек должны будут посоветаться и вынести решение по вашему делу.

– А что значит «вынести решение»?

– Значит принять его и сообщить всем.

- И что, ведьма ещё может выиграть? - занервничала Камилла.

- Нет. Но в суде действительно не любят, чтобы приёмным отцом становился полицейский. Это может создать определённые сложности. Поэтому ему придётся предстать перед судом, и тебе тоже, Камилла.

- Камилле - предстать перед судом? - переспросил я и почувствовал, как ком подкатывает к горлу.

- Да, малыш. Но я буду рядом, чтобы защищать её, не беспокойся. Я должен тебя предупредить, Камилла, что в суде всё очень торжественно и серьёзно. Тебе придётся пойти в большой зал и разговаривать с председателем суда и с другими судьями, и твоя тётя тоже там будет. Я не сомневаюсь, что ты прекрасно справишься, и Реймон тоже, и что судьям сразу не понравится эта дама, которую вы называете ведьмой. Но сегодня её, конечно, так называть нельзя!

Шарлотта от волнения грызла ногти.

Рози съела все пирожные, которые распирало от крема, и уснула в кресле мадам Пампино.

- Везёт ей, может вот так взять и уснуть, - сказал я.

- Да... Вот черт, ноготь сломала.

- И к тому же сказала ругательство.

- Извини. Иногда помогает.

- Ты уверена, что у тебя часы идут?

Шарлотта приложила руку с часами к уху.

- Да, тикают.

- Ты уже бывала в суде?

- Конечно, Кабачок, сто раз, там не так уж и страшно.

- А судья говорит, что...

- Ну подумаешь, что он там говорит. Судьи тоже иногда ошибаются, как и все люди.

- Надеюсь, сегодня они не ошибутся.

- Конечно нет! После того, что обнаружил месье Клерже, можно вообще не волноваться.

- А что он обнаружил?
- Ох, что же это я никогда не думаю, прежде чем что-нибудь сказать...
- Ну расскажи, пожалуйста.
- Ну ладно, так и быть, но ты ведь никому не скажешь, правда?
- Обещаю.
- Похоже, она поставляла клиентов маме Камиллы и зарабатывала на этом.
- Поставляла клиентов? - не понял я.
- Ну, присылала к ней тех месье, которые звонили в дверь.
- Тех, которым нужно было заштопать сердце?
- Эм-м... Да, точно, тех самых, Кабачок. О, смотри, вон они, едут!

Я вылетел из кабинета мадам Пампино, промчался по коридорам и лестницам и, задыхаясь от бега, бросился к Камилле, которая как раз выходила из машины.

Она искала меня глазами, и, когда нашла, я понял по цвету этих глаз, что ведьма проиграла.

Я подбежал к Камилле, схватил её за руку, рванул, как сумасшедший, не разбирая дороги, и потащил её за собой.

Я едва услышал, как мадам Пампино кричала нам вслед:

- Дети! Немедленно вернитесь!

Теперь всё было неважно, ведь мы победили. Мы убегали всё глубже в лес, влажная земля липла к подошвам, и мы остановились у нашего любимого дерева - того, под которым я в первый раз поцеловал Камиллу, - и мы бросились на мох, забыв о том, что испачкаем одежду, - а ведь Камилла была так нарядно одета.

Но сегодня праздник, и нам можно всё.

- Ну, рассказывай!

Камилла расстегнула верхнюю пуговицу рубашки.

- Реймон говорил первым. Он был очень взволнован, это было слышно по голосу. Он говорил, что с первой же встречи проникся к тебе сочувствием, потому что прекрасно знает, каково это для ребёнка - потерять мать, особенно при таких обстоятельствах. Потом он ещё сказал: «Да, я вдовец, и рядом с этими детьми, если вы позволите мне стать для них приёмным отцом, не будет женщины, которая заботилась бы о них как мать. Но я уверен, что могу дать им много любви и что мой родной сын очень к ним привязался - привязался так сильно, что уже говорит со мной о них как о родных брате и сестре, и я убеждён, что эта семья будет крепче, чем многие другие, у которых есть всё, но которые не готовы отдавать».

- Как хорошо, что меня там не было; я бы разревелся и ни слова не смог бы сказать. А ты-то как, смогла?

- Судьи оказались очень добрые. В ужасно смешных чёрных нарядах, а ещё там была чудная маленькая клетка, которую они называют «местом для дачи показаний». Ведьма всё время пыталась встретиться со мной глазами, но я ей этого не позволила. Я посмотрела на судей и улыбнулась им во весь рот, вот так, а потом просто стала говорить-говорить, не задумываясь. Рассказала, что Реймон заботится о нас получше, чем некоторые отцы, например чем мой, и что мы никогда не видели у него никакого оружия, и что я буду очень гордиться, если стану его дочерью, и что мы классно дружим - ты, я и Виктор, и что он для меня уже совсем как брат, хотя раньше у меня брата не было. Я всё время смотрела на Реймона, и это мне помогло, потому что по нему видно, как сильно он нас любит. Это прямо бросалось в глаза, особенно когда ведьма вышла после меня и говорила таким сладким голоском,

но никто ей не поверил. Свистела как чайник: «Малышка сочиняет удивительные истории! У неё настоящий талант. Но вы уж простите бедняжку, с такой матерью трудно было не испортиться. И ведь сколько раз она мне жаловалась, что боится этого полицейского и его оружия, которое разбросано по всему дому». Я посмотрела на месье Клерже, но он помотал головой, как бы говорил мне: «Не надо», и поэтому я не стала кричать, что это она завралась по уши, и председатель сам её перебил. «Мне кажется, мадам, что талант к сочинительству прекрасно развит и у вас самой. Во-первых, месье Клерже предоставил нам аудиозапись, которая очень помогла нам составить представление о ваших отношениях с племянницей. Во-вторых, да будет вам известно, что человек, которого вы голословно обвинили в своём письме, владеет только одним видом оружия, и это оружие – его доброта. Единственный пистолет, который полагался ему по долгу службы, он передал напарнику после смерти жены и с тех пор так и не забрал обратно. И я, пожалуй, не буду сейчас говорить ещё и о деловых отношениях с мужчинами, в которые вы, согласно многочисленным свидетельствам, добытым месье Клерже, ввязывали мать Камиллы».

– И что на это ведьма?

– Она подскочила, как будто её тысяча ос ужалила, и давай орать, что всё это заговор, и, представляешь, полезла через ограждение и бросилась с кулаками на месье Клерже, и прибежали два полицейских и вывели её из зала. Она ругалась похуже, чем Симон, но мне потом месье Клерже сказал, что «там, куда её отправят, она может орать хоть целыми днями, вы её всё равно не услышите». Другой судья сказал: «Никогда такого не видел!», а ещё один: «Психованная сутенёрша, редкий случай», а потом главный судья сказал: «Заседание окончено», стукнул молотком

по столу, и все встали. Я побежала к Реймону, а мадам Пампино сказала: «Я так и знала, что она сумасшедшая», а месье Клерже сказал: «Но до того, как у нас появилась кассета, вы мне ничего об этом не говорили. Так что, если бы не дети, нам бы никогда не победить», и он мне подмигнул. Мне кажется, директор немного огорчилась, что её не вызвали к ограде. Она тоже нарядилась как на праздник. Ты видел её платье?

- Нет, я видел только тебя. Представляешь, теперь Реймону уже ничто не мешает нас усыновить и удочерить!

- Да, и у нас будет его фамилия! Так странно. Какая она, кстати?

- Не знаю, я никогда не спрашивал. Всё время называл его Реймон, а в мыслях - ещё и просто «полицейский».

А потом я нагнулся к Камилле и поцеловал её ещё лучше, чем в первый раз.

* * *

Повар Фердинан переворачивал на решётке сосиски.

Повсюду были расстелены белые скатерти, а на них стояла всякая вкуснотища. Овощные салаты в большущих мисках и к ним - плосочки с майонезами разных цветов, зелёный салат, который на солнце казался жёлтым и на нём не было ни крупицы земли, ни червячка: Фердинан отмыл до блеска каждый листик. Рис был перемешан с помидорами и кукурузой, зелёные помидоры - с авокадо, сыром и орехами. Креветки были раздеты, паштеты - развёрнуты, тарелки ломились от тонко нарезанных ветчин и буженин, а чипсы мгновенно исчезали со столов. Картонные

тарелки и пластиковые стаканчики громоздились высокими башнями, а бумажные салфетки норовили улететь, и Розе пришлось прижать их баночками с горчицей. Ещё тут стояла куча бутылок с вином, к которым нам запрещалось прикасаться и уж тем более пить, а для нас – вода в графинах и лимонад. Ребята из «Фонтанов» и из школы были в шортах и кроссовках, и большинство мальчишек сняли футболки. И даже у взрослых на этот раз вспотел не один только Реймон.

А ещё повсюду болтались пустые туфли, ног в них сегодня не было.

Шёл первый день лета.

Шумела благотворительная ярмарка мадам Пампино.

И это был наш последний день в «Фонтанах».

Мы с Камиллой всё время держались вместе, как будто боялись друг друга потерять.

Симон прав.

С тех пор как остальные узнали, что мы уезжаем к Реймону, всё изменилось.

А, ну и конечно, взрослые надавали нам самых разных советов, что делать нужно, а чего нельзя, и список получился огромный:

- Не ковырять в носу.
- И главное – не есть то, что там наковырял.
- Не забывать мыть руки перед едой.
- Не говорить «буэ!», а говорить только «нет, спасибо».
- Всегда говорить «здравствуйте», «спокойной ночи», «спасибо» и «пожалуйста».
- Не употреблять ругательства.
- Чистить зубы не меньше двух раз в день.
- Мыться с ног до головы и не забывать про мыло.
- Каждый день наводить порядок у себя в комнате и убирать за собой игрушки.

- Каждое утро заправлять постель.
- Перед сном молиться Господу Богу.
- Не объедаться конфетами и шоколадом.
- Не таскать деньги из кошелька у Реймона.
- Не врать.
- Не прятать на дне мусорного ведра то, что сломали или разбили.
- Не носить одни и те же трусы несколько дней подряд.
- Аккуратно делать уроки (Рози больше не сможет за этим следить).
- Не смеяться над старшими.
- Не драться на перемене и вообще нигде.
- Не ходить под приставной лестницей.
- Не играть с ножами и ножницами.
- Давать монетку бедным.
- Не мыть руки в чаше со святой водой в церкви.
- Не разговаривать с незнакомцами.
- И главное - не садиться к ним в машину.
- Не допивать то, что осталось на дне бокалов у взрослых.
- Не играть со спичками и зажигалками.
- В машине пристёгиваться ремнём и помалкивать.
- Не закрывать водителю глаза руками.
- Не настаивать, когда взрослые говорят «нет».
- Не притаскивать домой потерявшихся котов и собак.
- Не притрагиваться к голубям.
- Улыбаться, когда вас фотографируют.

Как будто мы сами не знали. Рози даже записала всё это на бумаге, и мы должны носить список с собой и часто перечитывать.

Я показал бумажку Симону, и он сказал:

- Чушь собачья.

Симон и другие дети смотрят на нас не так, как обычно, и их взгляды совсем не похожи на то, как

смотрит на нас Реймон.

Рози говорит, что я опять всё выдумываю, но я же не слепой и не глухой.

Я не выдумываю.

Как только мы с Камиллой приближаемся, разговоры умолкают. Как будто мы с ней немного двинутые или ещё чего похуже.

- Ну это ведь нормально, Кабачок, - сказал мне в то утро Симон. - Мы рады за вас, но сами не понимаем, как жить дальше. Вы напомнили нам, какие мы все тут никчёмные: наши крошечные мечты уместились бы в спичечный коробок. Мы жили все вместе, жались друг к другу, учились читать по губам, изобретали собственный язык, стояли бок о бок, как кегли, а сейчас вы собрались уезжать, и это как будто удар шаром по кеглям, всё рушится. Мы все попадали и пытаемся подняться. Ахмед снова писает в постель. Беатриса ничего не ест, кроме большого пальца и козьяков. Братья Шафуан в своей идиотской игре перекидываются словами вроде «отречения», «изоляции» и «безотцовщины». И Борису впервые стало больно, когда он воткнул себе в палец иголку, и никто не мог его утешить, так он рыдал. Это нормально, десять лет печали так просто не перечеркнёшь.

И вот теперь я смотрел на белые скатерти, и зелёную траву, и синее небо, и мне было так грустно, как будто я не имею никакого права смотреть на все эти прекрасные вещи.

Дети из «Фонтанов» и из школы вертелись у ярмарочных прилавков, ловили палкой от швабры пластмассовых утят, забрасывали мячики в корзинки, швыряли дротики в пробковую мишень и получали за это плюшевых гигантов, даже если утёнок плюхался обратно в солёную воду, а мячик пролетал мимо корзинки и дротик втыкался совсем не в доску.

И мне казалось, что я где-то очень далеко отсюда.

Мне не хотелось улыбаться, и во мне было так мало радости, что даже изобразить её было невозможно.

У Камиллы глаза были цвета плохих дней, и ни она, ни я так и не подошли ни к одному из ярмарочных лотков.

И никто не прибежал и не позвал нас.

Реймон разговаривал с судьёй.

Виктор затерялся среди других детей.

Питатели интересовались сейчас только содержимым своих картонных тарелок и пластиковых стаканчиков.

Родители ребят из школы расположились на зелёной траве.

Мадам Колетт и месье Поль смеялись, и мне было больно это слышать.

- Так, ребятки, и что это мы такие кислые? Ведь сегодня праздник!

Мадам Пампино подошла к нам сзади и приобняла за плечи.

Я посмотрел на неё.

- Для нас совсем не праздничный, мадам директор.

- Мадам директор?

- Женевьева.

- Так-то лучше. Ну, рассказывайте.

- Что рассказывать?

- Не надо притворяться бестолковым Кабачком. Я же вижу, что вам обоим невесело. Что происходит?

- Ничего, - ответила Камилла.

- Глаза у вас как у побитых собак.

- Ничего, Женевьева, это пройдёт, - сказал я.

- Почему вы не идёте играть с товарищами?

- Они не хотят с нами играть, - не выдержала Камилла.

- Как это - не хотят?

- Даже Беатриса больше со мной не разговаривает, - всхлипнула Камилла.

- Ну, не беспокойся, моя милая.

И мадам Пампино вытерла ей слёзы своим платком.

- Поднимитесь, пожалуйста, ко мне в кабинет.
Я сейчас приду.

В кабинете у мадам Пампино было прохладно.

Камилла подставила лицо под вентилятор, и длинные каштановые волосы взлетели.

Я смотрел на стены, увешенные детскими рисунками, и вдруг из коридора донеслись весёлые голоса.

Директор впустила внутрь несколько ребят и закрыла за собой дверь.

Мы все смущённо друг на друга смотрели. Беатриса прижимала к себе нового гигантского зайца. Её за ним почти не было видно.

- Ну вот, дети, я вас собрала здесь ради Кабачка и Камиллы. Они чувствуют себя покинутыми. Я жду. Кто скажет первым?

- Это не мы, мадам, - сказал Борис. - Это они от нас уезжают.

- Но это ведь не означает, что они вас больше не любят, - заметила мадам Пампино. - Я уверена, что им так же больно, как и вам.

- Я не хочу, чтобы меня на всю жизнь заперли в шкафу, - захныкал Ахмед.

Симон уставился на Ахмеда, и я прочитал по губам:

- Ещё слово, и ты труп!

- Можно нам вернуться на ярмарку? - спросил Антуан.

- Да, если возьмёте с собой Кабачка и Камиллу, - ответила директор.

- Не надо их заставлять, мадам, - заговорила Камилла. - Я только хотела сказать, как сильно я вас всех полюбила. Тебя, Алиса, и тебя, Беатриса; не знаю, как я буду теперь спать без вас. А ты, Симон, больше не будешь рассказывать мне столько всего

интересного, а тебе, Ахмед, я обещаю найти такого плюшевого зайца, каких ты ещё никогда не видел. У вас, братья Шафуан, я бы хотела научиться противостоять страданиям. Мне бы надо сделать себе татуировку «Не бросать! Хрупкое» для всех, кто смотрит, но ничего не видит. А ты, Жужуб, теперь поедешь в свою собственную семью. Больше у тебя не будет пластырей и болячек без повода. Я буду по вам скучать. Я знаю, что для вас всё будет не так, как раньше. Но и для нас с Кабачком тоже. И то, что мы станем меньше видеться, совсем не означает, что я выброшу вас из своего сердца.

– Я тоже буду по тебе скучать, – сказала Беатриса.

– И я, – всхлипнула Алиса.

И они обе встали, чтобы поцеловать Камиллу в щёку.

– Кабачок, можно я тебя поцелую? – спросил Симон.

– Эм-м... Целуй, если хочешь.

– А я? – спросили одновременно братья Шафуан.

И мы стали все обниматься и прощали друг другу все обиды, и даже Симон сказал Ахмеду: «Я пошутил про шкаф навсегда», а Ахмед не решился ничего ответить, потому что «ещё слово – и ты труп!», но потом вдруг увидел, что директора в кабинете уже нет.

Жужуб уселся на её стул, поправил на носу очки и стал вертеть в пальцах карандаш.

Симон закричал: «Называйте меня Женевьева!», а Борис: «Если вы не перестанете паясничать, сами знаете, что вас ждёт!», и Антуан: «Перила!», и они все втроём стали понарошку отдраивать кресло. Беатриса и Алиса зашагали по кабинету директорской походкой: высоко подняли голову и одинаково размахивали руками.

Камилла подошла ко мне и сказала: «Улыбайтесь, когда вас фотографируют», – и сделала вид, как будто

снимает меня на фотоаппарат.

Тут все бросили изображать директора и стали облеплять меня и строить перед воображаемой камерой разные смешные рожи.

- Все готовы? - спросила Камилла. - Внимание, сейчас вылетит птичка!

Она нажала на несуществующую кнопку, и я уверен, что каждый из нас сохранит этот снимок на всю жизнь.

Мы побежали к ярмарочным ларькам.

Я наконец-то почувствовал, как солнце обжигает кожу, и посмотрел на небо: оно было синим, почти ни облака.

Только мне теперь было на это плевать.

Мне больше не хотелось его убивать.

Я нашёл на земле кое-что получше.

notes

СНОСКИ

1

В большинстве французских школ по средам дети не учатся. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

2

Борис описывает римлян и галлов так, как они изображены в комиксах про Астерикса и Обеликса, очень популярных во Франции, но не вполне исторически правдивых.

3

«Les Petites Femmes de Pigalle» (1973) - песня французского певца Сержа Лама.

4

«Joe le taxi» (1987) – хит конца 1980-х и начала 1990-х, дебютная песня четырнадцатилетней Ванессы Паради.

5

Французское выражение «учить наизусть» дословно переводится как «учить сердцем».

6

Жак Превер. «Как странно быть ангелом».

7

«L'école est finie» (1963) - первый хит Шейлы, клип к которому снял Клод Лелуш.